

Нина Воронель
По эту сторону зла
(«Былое и дамы»-2)

Верстальщик Цыбульник 12.09.2019
Страниц 256 (250 + 3 вых. + 3 рекл.)
Символов 432 830 Кб

УДК 821.161.1(569.4)
В75

Серия «Готический роман»
основана в 2019 году

Художник-оформитель
Е. А. Гугалова-Мешкова

ISBN 978-966-03-8576-4
(Готический роман)
ISBN 978-966-03-8983-0

© Н. Воронель, 2019
© Е. А. Гугалова-Мешкова,
художественное оформ-
ление, 2019
© Издательство «Фолио»,
марка серии, 2019

Элизабет

Элизабет с трудом оторвала голову от подушки — мокрой от слез. Неужели она когда-то любила этот дом? Такой большой, такой пустынный! Как она мечтала жить тут с другом — сначала с Бернардом, потом с Дитером. И оба подло ее подвели, каждый по-своему. Но Бернард был благородней — он потерпел крушение и покончил с собой, а Дитер просто сбежал с сексапильной девкой. Так что она должна вычеркнуть из памяти Дитера и остаться верной памяти Бернарда. Ведь недаром написал о нем поэт:

«Бернард был бесстрашным воином, достойным Валгаллы, в лице которого истинный образ Христа сливается со светлым обликом арийской расы. Он пал на поле боя за пределами родины во имя веры в германский дух».

Элизабет сползла с кровати на пол и прижалась щекой к теплым доскам. Подумать только, какой ужасный климат — доски пола теплые в разгар зимы! Что она там писала в своей книге про замечательный климат? Но сколько бы ни разоблачала ее русская обезьяна, ей не стыдно за свою мелкую ложь — она делала это ради спасения великой Германия Нова. И гордится этим, хотя спасти не удалось.

Элизабет с содроганием вспомнила свой визит в бывшую контору бывшей Германия Нова. В ее конторе в ее кресле за ее столом сидел носатый бразилец, сильно смахивающий на еврея — те же выпуклые черные глаза, те же жесткие кудряшки над низким лбом. Он не предложил ей сесть, а смерил презрительным взглядом и сказал на плохом немецком:

— Вам бы лучше поскорей покинуть колонию, пока ваши бывшие подопечные не пронюхали, что вы здесь. Вы довели

свой проект до полного развала. Положение стало невыносимым — нет питьевой воды, нет дорог, земля не родит, жалкие глинобитные хижины обрушились. Целые семьи убегают — обнищавшие, обворованные и лишенные надежды. Ваша авантюра оказалась непоправимой катастрофой.

Элизабет задыхнулась от обиды и возмущения:

— Кто вы такой? Как вы смеете так со мной разговаривать?

— Я — Эмилио Родригес, директор колонии, ответственный за ее спасение.

— Кто вас назначил?

— Я назначен директором по решению правительства Парагвая.

— Подумаешь, какой авторитет — правительство Парагвая! А вы поинтересовались, что скажут немецкие инвесторы?

— Что они могут сказать в ответ на град писем от возмущенных колонистов? Держатель германского фонда Макс Шуберт получил десятки писем, которые разоблачают ваши измышления.

— Но ведь я опубликовала письма других колонистов, которые разоблачают ложь этих разоблачителей!

— Макс Шуберт уверен, что эти письма сфабрикованы вами, — и Родригес с улыбкой протянул ей телеграмму. — Вот, пожалуйста, читайте.

Черные буквы слились в траурную полосу, и сердце Элизабет подкатилось к горлу:

«Главным условием исправления положения в колонии мы считаем удаление из нее Элизабет Фюрстер. Председатель фонда Макс Шуберт».

Нейра

Это было настоящее бегство, по канонам романтических сказок, которые в детстве Фрицци читал маленькой Лламе перед сном — под покровом ночи, верхом на лошади, с проводником-индейцем. Неизвестно, удалось ли бы оно, если бы отвратный Родригес не помог. Он сам отвез Элизабет домой в

своей пролетке и послал за верным Оскаром, единственным колонистом, на которого можно было положиться. Тот отдал Элизабет своего коня и нанял ей проводника-гураньо.

Элизабет закрыла ставни, заперла двери на все замки и стала поспешно собирать вещи. Чемодан на лошади увезти было невозможно, и пришлось наскоро сунуть в мешки то немного, что удалось взять с собой. Пришлось, как когда-то Элизе Линч, бросить в джунглях любимый рояль «Плейель» и старинную дедушкину мебель, но Элизабет Ницше уже было не до рояля. Не выдержав полного заточения, она чуть-чуть приоткрыла створку ставни в спальне и увидела под окном любимое когда-то плачущее дерево — его единственный голый ствол орошался непрерывным потоком слез.

Она вспомнила, как однажды в прошлой счастливой жизни отправила слугу-индейца за этим деревом в джунгли. А когда тот приволок его, велела посадить под своим окном. Легенду о плачущем дереве поведал ей по дороге в колонию переводчик Энрико, и этот рассказ запал ей в душу — молодая девушка так горько плакала из-за несчастной любви, что бог Таньху превратил ее в плачущее дерево. Элизабет на миг показалось, что она тоже может превратиться в плачущее дерево — это было бы счастливым избавлением от наступающих на нее проблем. Но дерево осталось деревом, а она — несчастной Элизабет, которую в любой момент могут обнаружить озверевшие от бедствий колонисты. Страшно подумать, что они с ней сделают!

К счастью, все обошлось и ей удалось выскользнуть из Фюстеррода незамеченной, совсем как в романтической сказке, — верхом на лихом вороном жеребце в сопровождении верного индейца-проводника. Правда, лихой вороной жеребец был всего лишь пожилой гнедой кобылой, а лихая наездница с трудом держалась в седле, но проводник был настоящим индейцем, верность которого обошлась наезднице в круглую сумму.

Трехдневное путешествие верхом на гнедой кобыле не давалось Элизабет легко — она растерла до крови всю кожу своей седалищной части, так что, со стоном погрузившись в

каюту ветхого парагвайского пароходика, она могла лежать только на животе. Что стало со спиной несчастной гнедой кобылы, она даже не могла себе представить. Кровавые язвы на Элизабет не заживали во время всего морского путешествия в Европу, но страдания от них не могли сравниться с ее страданиями от душевных ран. Перед мысленным взором все яснее вырисовывались очертания предстоящей жизни — она не находила там ни единой радостной точки.

Но, вернувшись в материнский дом, она поняла, что реальность даже хуже мрачной картины, нарисованной ее воображением. Главная беда была сокрушительной и очень простой — у них не было денег. Расходы на содержание безумного брата постепенно поглотили скромные сбережения матери, собственные доходы Элизабет иссякли с крушением колонии Германия Нова. Оставалась надежда на продажу замечательного дома в Фюрстерроде, но когда это будет?

Долгие ночи напролет она лежала без сна, пытаясь решить одну-единственную проблему — где достать деньги? Ни продать, ни заложить нечего. Их скромный домик в Намбурге был заложен-перезаложен, а на роскошный дом в Фюрстерроде пока не нашлось покупателя. Оставалось одно — сочинения Фрицци.

Элизабет

— Мама, — позвала Элизабет, открывая заложенную ленточкой страницу амбарной книги, — можно тебя на минуточку?

— Не сейчас, — отмахнулась от дочери Франциска. — Мне срочно нужно сменить у Фрицци пеленку.

— Пеленка может подождать, а у меня дело неотложное.

Франциска и не подумала остановиться:

— Придется отложить твоё неотложное. Ты ведь не хочешь, чтобы он загадил весь матрац?

Спорить с матерью было бесполезно и даже опасно — с тех пор как пришлось уволить помощника санитары Питера, на нее легла львиная доля забот об уходе за Фридрихом. А ведь

ей уже было за семьдесят, и Элизабет часто замечала, как тяжело она дышит после очередного купания брата. Конечно, Элизабет бы следовало чаще принимать участие в мучительных ритуалах переворотов с боку на бок его неподвижного грузного тела, но на ней лежали другие, не менее важные заботы — деньги, деньги, деньги! У нее голова пухла от мыслей о деньгах, но ничего путного она пока не придумала.

Зазвенел колокольчик, Элизабет выглянула в окно и увидела спину проходящего по улице почтальона. Придется сбегать посмотреть, что он положил в почтовый ящик — раз позвонил, значит, что-то положил. Она сбросила тапочки, сунула ноги в стоящие у дверей стоптанные туфли и побежала к воротам. Моросил мелкий осенний дождик, так что Элизабет не стала разглядывать вынутые из ящика письма, а, спрятав их в рукав, поспешила обратно в дом.

Мать уже спустилась вниз и сидела на стуле у входа в кухню.

— Ну, я слушаю — что у тебя за неотложное дело?

Хотя конверты в рукаве противно щекотали руку Элизабет, она не стала вытаскивать их при матери — кто знает, кто и что ей написал. Последнее время довольно часто приходили сердитые письма от бывших колонистов с проклятиями и даже с угрозами, и матери не к чему было их читать. Отбросив мысль о письмах, она придвинула к себе книгу расходов:

— Мама, я хотела спросить о нескольких покупках. Что это за 20 метров ситца?

Мать даже не взглянула на запись.

— Это на подгузники для Фрицци. Дешевле нарезать самим, чем покупать готовые.

Элизабет прикусила губу — и спрашивать дальше не о чем. Ясно, что расходы сократить не удастся — мать и так была экономна до крайности. Но Франциска смолчать не хотела, не тот характер:

— И из-за этого несчастного ситца ты меня хотела задерживать, когда я шла менять Фрицци пеленку?

— Дело не в ситце, — прошептала Элизабет сквозь слезы, — я надеялась, что можно сэкономить на расходах.

— Напрасно надеялась. Больше, чем я экономлю, тебе не удастся.

— Раз ты такая экономная, может, ты одолжишь мне немного денег?

— Я — тебе? Я считаю, что это ты должна одолжить мне! Ты ведь продала свой дом в Парагвае, правда? Ты пыталась от меня это скрыть, но мне быстро донесли!

— Кто донес? Ах, да! Конечно, этот негодяй Генрих, сын твоей подружки Моники! Но раз ты уже знаешь, я скажу тебе, что решила вложить эти деньги в одно выгодное дельце. Только мне не хватает несколько сотен марок.

— Какое еще выгодное дельце? Просто просадишь деньги и все! Ты свои коммерческие способности доказала в Парагвае.

— Ах, мама, если бы ты видела мой парагвайский дом, ты бы этого не сказала! Я все делала как надо, меня просто подвел Берnard.

— Этот жулик! А я тебя предупреждала, когда ты сломя голову выходила за него замуж. Я сразу увидела, какой он пророк!

— Напрасно ты так! Берnard пал на поле боя за пределами родины во имя веры в германский дух!

— Только мне ты не ври! Все в колонии знают, что он наложил на себя руки!

Элизабет задыхнулась:

— Это тоже Генрих сообщил, что ли? Это клевета! Откуда они это взяли?

— Откуда взяли? Твой дружок герр Чагга их просветил. Его зовут Дитер, да?

— Почему мой дружок?

— Только, пожалуйста, мне голову не морочь! Я уже давно знаю, что этот Дитер был твоим любовником. Думаешь, я не замечала, как ты ждала его писем в прошлый свой приезд? И как огорчалась, когда они не приходили? А вот Моники получала письма от сына гораздо чаще, чем ты от своего возлюбленного.

— При чем тут Моника? — тупо спросила Элизабет, прекрасно понимая, к чему клонит мать, но не желая в это верить.

— А при том, что Генрих с удовольствием расписывал, как твой Дитер стал ухлестывать за хорошенькой девчонкой, а ее родители были против и как он из кожи лез, чтобы их задобрить.

— Ну, а я при чем?

— А при том, что твой Дитер рассказал своей невесте все подробно. И о медальоне с ядом, и о поддельных письмах свидетелей, а она, глупая телка, проболталась своим родителям. И сплетни поползли так быстро, что доползли даже до нас.

Ошеломленная Элизабет потеряла дар речи. Она уже смирилась с тем, что Дитер бросил ее ради этой... этой... — она не нашла слов, — но она не могла себе представить, что он мог ее так предать. Ей было мучительно вспомнить, как она тщетно выискивала фигуру Дитера в толпе, встречающей пароход в Монтевидео, и как тайно переглядывались Оскар и Бруно, сговариваясь, как бы сообщить ей, что они лично отвезли неверного Дитера на «Германе» в свадебное путешествие. Это было обидно и оскорбительно. А главное разрушительно — он погубил ее последнюю надежду предстать перед миром достойной вдовой Бернарда — женщиной с разбитым сердцем, истинной последовательницей Вагнера, спасающей репутацию своего покойного супруга от клеветы либеральных жидов и журналистов.

Теперь секрет постыдного самоубийства Бернарда расползется по салонам и газетам, и Элизабет не удастся спрятаться за его некогда славным именем. Ей остается только один путь — затаиться за спиной своего великого брата. И она заплакала одновременно намеренно и искренне — ведь Франциска, хоть и полная истинного гнева, все-таки была ее мать.

И точно, при виде горьких слез дочери Франциска загнулась посреди своей разоблачительной речи и тоже заплакала. Она вскочила со стула, обхватила голову Элизабет и прижала к своему безукоризненно чистому фартуку:

— Бедная моя девочка! Сколько бед свалилось на твою несчастную голову!

Элизабет потерлась щекой о фартук матери, оставляя на нем обильные мокрые следы.

— Ты ведь сможешь мне, мама?

— Но ты даже не сказала мне, в чем дело, — пожаловалась Франциска сквозь слезы.

— Я хочу издать полное собрание сочинений Фрицци, — ответила Элизабет почему-то шепотом.

— Что? Это богохульное хулиганство! — взвизгнула мать, нисколько не заботясь о том, что кто-то может их подслушать.

— Тише, мама! Зачем так громко?

— Пускай люди услышат, что ты собираешься издать книги человека, который объявил, что Бог умер! Мне помнится, что и ты от него тогда отреклась.

— Но этот человек твой сын! И мой брат!

Франциска проворно высвободилась из объятий дочери и пошла к двери.

— Я давно отказалась от того гнусного человека, который отрекся от Бога. А своему бедному сыну я мою задницу и меняю пеленки!

— Мама! — отчаянно крикнула ей вслед Элизабет. — Подожди, не уходи! Давай поговорим!

— Уже поговорили, — отрезала Франциска. — И обо всем договорились! На издание богохульства Фрицци я не дам ни гроша!

Элизабет прикусила губу — она хорошо знала твердую волю своей матери. Раз та сказала, что не даст ни гроша, значит, не даст ни гроша. Но слезами горю не сможешь, нужно что-то придумать. Элизабет утерла слезы и вытащила из рукава смятые конверты. Один был из Парагвая, она отложила его на потом, и принялась разглядывать второй. Это был удивительный конверт — дорогой, из глянцевого бумаги, с золотым вензелем, исполненным готическим шрифтом. Элизабет утерла слезы еще раз, чтобы лучше вчитаться в узорчатую вязь вензеля, и прочла наконец — «Граф Гарри Кесслер».

Граф? Интересно. У нее до сих пор был только один знакомый граф — австрийский, — который по какой-то неяс-

ной причине приехал с семьей в Германия Нова и пригласил Дитера построить ему дом. Но этот, с английским именем Гарри, вряд ли был австрийским или немецким. Ладно, хватит гадать, нужно прочитать, чего он хочет. Письмо было написано на особой бумаге — плотной, гладкой, цвета слоновой кости с золотым обрезом.

«Глубоко почитаемая фрау Фюрстер-Ницше.

Я — страстный поклонник вашего гениального брата. Недавно я отправился в кругосветное путешествие, захватив с собой для чтения «Одиссею» Гомера и «Так сказал Заратустра» Фридриха Ницше. Всю дорогу от Сан-Франциско до Иокогамы я читал и перечитывал книгу вашего брата, постепенно постигая идею сверхчеловека. Кроме того, меня очень утешило его утверждение, что наш мир может быть приемлем только как эстетический феномен. После того, что я написал, я думаю, вам будет понятно, как страстно я хочу его увидеть. Я знаю, что он нездоров, и не возлагаю больших надежд на интеллектуальную беседу — увы, я опоздал родиться, чтобы быть его собеседником! Я просто хочу его видеть. Позвольте мне приехать к вам в любой день и в любое время, которое вы назначите.

Искренне ваш Гарри Кесслер».

Элизабет перечитала письмо графа несколько раз и задумалась. Похоже, этот граф — человек состоятельный. Любопытно, сколько ему лет? Наверно, очень молодой — он так забавно написал, что опоздал родиться.

Что ж, она любит молодых — пусть приезжает посмотреть на Фрицци. Она назначит дату и постарается хорошо подготовиться к этому визиту.

Петра

Так началась долгая история участия графа Гарри Кесслера в судьбе наследия философа Фридриха Ницше, главной и единственной хранительницей и распространительницей которого стала его сестра Элизабет Фюрстер-Ницше.

Элизабет

Элизабет нерешительно расправила складки белого льняного балахона, разложенного на просторном столе для раскройки:

— А вы уверены, что на одеянии древних персидских священнослужителей делали вытачки?

— А кто их знает, — пожалала плечами портниха, — но с вытачками одеяние выглядит внушительней.

— Ладно, — вздохнула Элизабет, — вытачки так вытачки. К понедельнику сшейте мне пять комплектов, чтобы в каждом был балахон и шаровары.

Довольная собой, она вышла на крыльцо и улыбнулась падающему с неба мелкому дождику. Она бы улыбнулась чему угодно, даже страшной грозе с молниями и громом. Потому что в конце мрачного туннеля ее жизни засиял маленький светильник по имени граф Гарри Кесслер.

До его приезда она было так одинока, так одинока! Никто, ни один человек не поддерживал ее, даже родная мать от нее отвернулась, даже родная мать! И тут появляется этот граф, такой молодой, такой стройный, такой великодушный. Прежде чем подняться к Фрицци, он прошелся по дому и заметил все: и щербатую лестницу, и протекающую крышу, и зловонную выгребную яму. Рассматривая Фрицци, вперившего безучастный взгляд в пятнистый потолок, он воскликнул:

— Невозможно вынести, видя такой великий ум, гибнущий в такой нищете! Нужно что-то делать!

— Что делать? Что? — выдохнула она, ожидая, что граф сунет руку в карман и вытащит пачку денег.

Но граф только вздохнул, а на деньги не расщедрился:

— Поверьте, я бы охотно вам помог, но пока Бог хранит жизнь моих родителей, они мне денег не дают. То есть дают только на карманные расходы и больше ни-ни. Они вообразили, будто я все, что у меня есть, промотаю. И скорей всего, они правы. Но я что-нибудь придумаю, что-нибудь придумаю, клянусь.

Он осмотрел и ощупал кровать, а затем сообщил непонятно зачем:

— Кровать добротная, вполне годится.

Кровать и впрямь была добротная, резная, дубовая, супружеское ложе матери и отца. Но для чего она годится, граф объяснять не стал, а принялся шагать по комнате — раз, другой, третий, — громко считая шаги вдоль и поперек. Потом встал на колени и двинулся ползком, измеряя ладонью с растопыренными пальцами расстояние от двери до окна. Закончив измерения, он вскочил и радостно воскликнул:

— Придумал! Все очень просто — вы установите кровать в центре комнаты. Она поместится, я проверил.

— Зачем? — не поняла Элизабет.

— Как зачем? Разве не ясно? Укладываете Фридриха на кровать и приглашаете желающих увидеть великого философа на ложе болезни. В углу под окном разместится ведро с водой, куда должны стекать капли с крыши. Предлагаете посетителям пожертвовать на ремонт протекающей крыши, для чего у входа на столике поставите кувшин с широким горлом, куда они будут бросать деньги.

— Показывать моего Фрицци за деньги? Ни за что!

— Не вашего Фрицци, а величайшего гения человечества на ложе болезни! Каждый, кто посетит его, до конца дней своих будет хвастаться, что видел великого человека своими глазами.

— А вдруг никто не придет? — уже сдаваясь, прошептала Элизабет.

— Не беспокойтесь, прибегут!

— А как они узнают?

— Вы напишете письмо в газету с описанием величия вашего брата и трагизма его положения.

— А вдруг не напечатают?

— Напечатают! Это я беру на себя. Но надо все продумать. Например — как вашего брата одеть?

Не зная, что сказать, Элизабет молчала, ожидая решения графа — она не сомневалась, что ждать недолго. И точно — через пару минут он хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Конечно! Мы облачим его в одеяния Заратустры!

— Одеяния Заратустры? Что это такое?

— Заратустра был священнослужитель зороастризма, персидского культа, посвященного борьбе добра со злом. Что он носил, точно не знает никто, но предполагается, что он ходил в просторных белых одеяниях и в таких же шароварах.

Это даже хорошо, что никто не знает, какую одежду носил таинственный Заратустра. И где только Фрицци его откопал? Впрочем, это уже неважно, важно, что Элизабет заказала для него наряд, состоящий из просторного белого балахона и просторных белых шаровар. И теперь это одеяние навсегда останется нарядом великого Заратустры, который сказал... Господи, что же он сказал? Сколько она ни пытается и ни перечитывает книгу Фрицци, никак не может запомнить, что сказал его Заратустра.

Нейра

Граф Гарри Кесслер, дипломат, писатель и покровитель искусства модерна, остался заметной фигурой на шахматной доске истории как выдающийся автор многостраничного собрания дневников, которые он вел ежедневно с двенадцати лет. Первый — вернее, второй, — том его дневников «Огни Берлина», где описываются годы между двумя мировыми войнами, был издан сразу после Второй мировой войны. Тогда как истинно первый, «Путь в бездну», долгое время считался потерянным. И только в 1987 году согласно завещанию графа был открыт банковский сейф на Майорке, где хранились дневники, освещающие период конца XIX века и начала XX до Первой мировой войны.

Дневники графа Кесслера вызвали огромный интерес и переведены на многие языки не только благодаря добросовестной и подробной манере записей, но и тому, что их автор состоял в знакомстве со всеми, кто был хоть чем-нибудь знаменит. Помимо того, что граф Гарри был красив, талантлив и широко образован, он умудрился очень удачно родить-

ся и, как говорится, с молодых ногтей качался на правильных коленях.

Его родители — гамбургский банкир Адольф Кесслер и ирландская красавица-певица, по прихоти судьбы носившая имя Алиса Линч, чем напоминала героиню парагвайской драмы, тоже ирландскую красавицу и тоже певицу, Элизу Линч. Впрочем, благополучная судьба Алисы мало походила на бурную судьбу Элизы, сходство было только символическим. Если в красавицу Элизу безумно влюбился неудачливый авантюрист, император Парагвая Франциско Солано Лопес, то в красавицу Алису так же безумно влюбился вполне удачливый первый император объединенной Германии Вильгельм. Это была последняя любовь великого старика к юной девушке, нечто вроде любви умирающего Гете к семнадцатилетней Ульрике.

Неизвестно, случился ли реально роман между Вильгельмом и Алисой, но точно известно, что первый германский император до конца своих дней осыпал милостями семью красавицы — он не только пожаловал ее супругу-банкиру дворянство и графский титул, но был также крестным отцом младшей дочери Алисы — Вильгельмины. Ее сын Гарри получил образование в лучших университетах Германии и Англии и с ранней молодости вращался в различных элитарных кругах — светских, дипломатических, артистических. Благодаря прекрасному воспитанию, близости к императорскому двору, а также красоте, богатству и личному обаянию он был желанным гостем любого модного салона, который по возвращении домой описывал в своем дневнике подробно, добросовестно и остроумно.

С кем только ни сводила его судьба за долгие годы ведения дневников — с Роденом, Майолом, Андре Жидом, Дягилевым, Нижинским, Рихардом Штраусом, Гауптманом, Новалисом, Верленом — всех не перечислить! Но главной точкой его интереса многие годы оставался Фридрих Ницше, которого он считал величайшим мыслителем всех времен и в увековечении памяти и наследия которого он сыграл неоценимую роль.

Вернувшись домой после первого посещения своего кумира, Кесслер не нарушил традицию — он сделал запись в дневнике:

«Когда я вошел, он спал. Его могучая голова, слишком тяжелая для его шеи, чуть склонившись направо, свесилась на грудь. Лоб у него огромный под копной все еще темно-каштановых волос. Его плохо ухоженные роскошные усы тоже еще не поседели. Глубокие темно-коричневые тени лежат на щеках под глазами. Опухшие кисти рук, опутанные зеленовато-лиловыми венами, выглядят восковыми и похожи на руки трупа. Несмотря на то что Элизабет принялась гладить его плечи и звать: «Проснись, дорогой, проснись!», он не проснулся. Он не выглядит ни больным, ни безумным, он просто выглядит, как мертвец».

Мальвида

— Не понимаю, куда исчез Савелий, — пожаловалась Мальвида дочери. — Я уже третий день не могу его найти, две пневматички ему отправила.

— Ты уже третий день его ищешь? Тайком от меня?

— Не то чтобы тайком, но не хотелось тебя волновать.

— Так что с тобой?

— Ничего особенного — по ночам сердце иногда схватывает.

— И ты третий день молчишь? Можно ведь вызвать нашего семейного врача, почему обязательно Савелия?

— Я к нему привыкла.

— Вечные причуды! А что ты делаешь, если сердце схватывает в Риме?

— В Риме у меня есть свой семейный врач.

Их едва не разгоревшуюся ссору прервал резкий звонок колокольчика у ворот. Ольга выглянула в окно.

— Ну, слава богу, нашелся твой Савелий! Мчится, как афганская борзая.

А Савелий уже вбегал в утреннюю гостиную:

- Мали, дорогая, вы меня искали? Что случилось?
- Куда же вы запропали без предупреждения? А если бы и вправду что-то случилось?
- Виноват, виноват, виноват! Но когда вы узнаете, куда я запропал, я уверен, вы меня простите.
- Если вы так уверены, рассказывайте!
- Мали, ты говорила, что у тебя схватывает сердце, — вмешалась Ольга.
- Да-да, сердце! По ночам иногда болит. Но вы сначала расскажите, где вы были, а потом займемся сердцем.
- Савелий явно не спешил сразу перейти к сути дела.
- Три дня назад Лу попросила меня встретиться с ней в Магдебурге...
- Я сразу заподозрила, что за вашим исчезновением скрывается Лу, — фыркнула Ольга.
- Но вы даже и на миг не заподозрили, зачем она там скрывалась.
- Разве? Я заподозрила, что к вашему приезду Лу уже сняла двухместный номер в приличном отеле.
- Вы опять за свое, Оленька! А ведь в этом нет ничего нового.
- Оля, угомонись, дай Савелию рассказать, зачем Лу занесло в Магдебург, — рассердилась Мальвида и вдруг догадалась. — Это как-то связано с Фридрихом, да? Ведь Наумбург там совсем рядом?
- Ну, Мали, вы просто чудо! Такое чутье на своих!
- Чего же вы тянете! Говорите скорей — что с Фридрихом? Он жив?
- Жив, если это можно назвать жизнью. Молча лежит на кровати посреди комнаты в белом балахоне — изображает Заратустру, который когда-то много чего сказал.
- Что значит — изображает Заратустру? Зачем? Кто его заставляет?
- Ясно кто — его дорогая сестричка Элизабет!
- Какая-то чушь! Для чего ей это понадобилось?
- Для ремонта крыши.
- Какой ремонт? Какой крыши?

— Ну, крыша течет, а денег на ремонт нет.

— И при чем тут Заратустра?

— А при том, что люди приходят смотреть на Заратустру и платят за вход.

— А Фридрих согласен?

— Дорогая Мали, ну, кто его спрашивает? Он ведь ничего не понимает — он тихо лежит, иногда пукает, иногда пишет под себя и смотрит в потолок, над которым эта самая крыша.

— Она что, выставила его на всеобщее обозрение?

— Что-то вроде того. Обозрение не так чтобы всеобщее, а только для тех, кто заплатит.

— И что сделали вы с Лу, когда это увидели?

— А что мы могли сделать? Заплатили и вошли.

— Вы хотите сказать, что Лу заплатила, чтобы посмотреть на Фридриха в таком печальном виде?

— А что ей оставалось? Бесплатно Элизабет бы ее не пустила! Она и так, едва лишь узнала Лу, оцетинилась, как еж, и зашипела, как гремучая змея: «Ты что тут делаешь?» А Лу улыбнулась, как только Лу умеет улыбаться, и пропела нежно-нежно: «Я, как и все, пришла полюбоваться на великого Заратустру, который уже ничего не может сказать». И положила деньги в кувшин, стоящий на столике у входа. После этого Элизабет уже не могла нас не впустить, тем более что к тому времени появились еще люди и смотрели на нас с любопытством. Мы гуськом прошли по коридору и оказались в комнате, в центре которой возвышалась кровать. Кровать стоит на высоком пьедестале, чтобы ничто не заслоняло Фридриха от глаз посетителей. Лу прямо задохнулась, увидев на ней чучело Фридриха в белом одеянии. Мы медленно двинулись по узкому проходу между кроватью и стеной, и было странно видеть, как неподвижны широко раскрытые глаза Фридриха. Его устремленный в потолок взгляд не следовал за движением проходящих мимо людей. От этого взгляда меня охватил такой ужас, что волосы на затылке встали дыбом. Это был взгляд мертвеца.

— Ну что вы сидите, Савелий? Вставайте и поехали! — вскочила с дивана Мальвида. — Поехали скорей!

— Куда? Я только-только приехал, — оторопел Савелий.
— В Наумбург! Спасать Фридриха!
— Куда ты можешь ехать, Мали, если у тебя то и дело болит сердце? — забеспокоилась Ольга.

— Не могу же я лежать тут и думать, что моего Фридриха превратили в чучело, одели в белый балахон и показывают за деньги! Он ведь такой нервный, такой чувствительный!

— Он был когда-то нервный и чувствительный, а теперь ему все равно!

— Тем более отвратительно, что она для заработка использует его безответность! Я должна поехать туда и положить конец этому безобразию.

— А как ты это сделаешь?

— Если понадобится, я обращусь в полицию.

— Ничего себе! — развеселился Савелий. — Знаменитая революционерка Мальвида фон Мейзенбург обращается в полицию за справедливостью!

— Ну и что? Пусть революционерка! Ради спасения Фридриха я готова просить помощи даже у полиции!

— И напрасно! Полиция вам не поможет!

— Это мы увидим. Довольно разговоров — поехали!

Савелий раскрыл чемоданчик и вынул стетоскоп:

— Займемся сердцем. А сначала расскажу, что мы с Лу услышали. Мы вышли из душной комнаты, где был выставлен Фридрих Ницше, и остановились на крыльце, чтобы вдохнуть чистый деревенский воздух. Я посмотрел на часы и, обнаружив, что до нашего поезда осталось еще довольно много времени, предложил Лу отдохнуть в заброшенной беседке, притаившейся в дальнем уголке сада. Мы сидели молча, переживая кошмар увиденного святотатства. Погода была дивная — лето неспешно переходило в осень, запах дыма смешивался с запахом опавших листьев. И вдруг тишину нарушил нарастающий цокот лошадиных копыт и одновременно топот каблучков, бегущих по камням. Я сидел лицом к воротам и первым увидел, как Элизабет бросилась навстречу подъезжающим к дому дрожкам, запряженным парой славных лошадок.

— Да вы — прямо третий брат Гримм, — хихикнула Ольга.

— Нам, домашним врачам, чтобы иметь пациентов, нужно уметь держать аудиторию, — согласился Савелий.

— Оля, Савелий, прекратите шуточки, дайте дослушать! —скомандовала Мальвида. — Так кто же приехал?

— Вот именно — кто же приехал? С облучка соскочил очень молодой человек, белокурый и стройный, увидев которого Лу просто задохнулась:

— Граф Гарри Кесслер! Что он тут делает?

— Ты его знаешь?

— Наслышана. Мерзкий тип. Его мамаша, по слухам, была любовницей императора Вильгельма, за что папаша банкир получил графский титул.

— Он вас очень рассердил?

— Кто он?

— Этот красавчик граф.

— Не помню. Виделись как-то вскользь.

Я не стал настаивать — понял, что очень. Тем временем граф одну руку протянул подбежавшей Элизабет, а вторую подал элегантной даме, осторожно сходявшей в сад по ступенькам дрожек. Лу, конечно, знала всех, кого нужно было знать:

— Подумать только! Этот мерзавец привез к Элизабет Мету фон Салис!

— Кто такая? — спросил я.

— Салонная львица прошлого десятилетия.

Я попытался ей возразить:

— Ну уж прошлого! Она и сейчас выглядит неплохо — не напрасно ведь граф так ее обхаживает.

Но вы ведь знаете, спорить с Лу бесполезно, у нее на все есть ответ:

— А вот и напрасно! Он ничего такого от нее не хочет получить — его интересуют только мальчики.

— А чего же он от нее тогда хотел? — осведомилась Ольга.

— Этого я не знаю. Мы только услышали, как он сказал:

— Пойдемте наверх, дорогая Мета, вы сами увидите, правду я говорю или нет.

Мальвида усомнилась:

— Вы сами слышали, как он назвал светскую львицу Мету фон Салис просто Мета?

— Я поинтересовался и выяснил: граф Гарри Кесслер всех, кого хочет, называет по имени, ведь он с детства самого императора Вильгельма называл Вилли. Так что нам нет никакого смысла искать помощи у полиции Наумбурга — против графа никакая полиция не поможет.

Петра

Лу действительно была знакома с графом Гарри. Вспоминать об обстоятельствах этого знакомства она не любила. И потому постаралась забыть. Но я постараюсь напомнить.

Лу

Все началось с того, что ей вернули из журнала «Пан» ее воспоминания о беседах с Фридрихом.

— Полюбуйся! — Лу сердито бросила на стол серый пакет с перечеркнутым адресом и наклеенным поверх него новым. — Представляешь, они вернули мне статью!

— Сколько раз я просил...

Карл брезгливо ухватил пакет двумя пальцами и положил на свободный стул.

— В такую минуту напоминать мне о каких-то правилах этикета! — обиделась Лу. — Мне еще никогда никто не откалывал!

— Мы же договаривались — независимо от обстоятельств правила этикета священные.

Лу вздохнула — он был прав, именно потому она и вышла за него замуж, что жизнь с ним была надежна и обстоятельна, как его правила этикета. Завтрак, элегантно сервированный на белой крахмальной скатерти, подавался в его доме неукоснительно в один и тот же час. Причем опаздывать было нельзя, так же, как нельзя было бросать перчатки, книги и почтовые конверты на скатерть, уставленную ча-

шечками и блюдами подлинного севрского фарфора. Не то что в их кратковременной общей квартире с Фридрихом и Паулем или в ее скудной комнатке убогого пансиона, где она впервые встретилась с Карлом Андреасом.

Увидев Лу в коридоре, он, конечно, сразу обомлел и с ходу предложил ей выйти за него замуж, но она только рассмеялась — тогда рассмотрела его не сразу. Он был ей неинтересен — пришел учить немецкому языку ее соседа-перса, и Лу приняла его за скромного учителя немецкого языка. Но все прояснилось, когда она стояла на крыльце, в миллионный раз обдумывая, куда ей податься, когда кончится небогатая, но до сих пор верная пенсия, которую русское правительство платило ей за папу. Платило до двадцати шести лет, и это проклятое двадцатилетие с каждым днем неумолимо приближалось, не предлагая ей никакого выхода, кроме возвращения в Петербург к маме, которая иначе денег не давала.

Но возвращаться в Петербург было так же ужасно, как выйти замуж за одного из поэтов-авангардистов, многократно делавших ей предложения. Они были ей вовсе не нужны — были бедны и похотливы, как бродячие коты.

Погруженная в свои печальные мысли она даже не заметила, как Карл Андреас вышел на крыльцо, остановился рядом с ней и спросил:

— Ну что, барышня Лу, вы выйдете за меня замуж?

Она не успела промямлить что-нибудь вежливое и бесцветное, вроде «Вы ведь меня совсем не знаете», как к крыльцу подкатила лакированная коляска, запряженная шикарнейшей парой вороных жеребцов. В чем в чем, а уж в жеребцах Лу разбиралась с детства, недаром была дочкой боевого генерала. С облучка соскочил усатый кучер и услужливо набросил на плечи бедного учителя немецкого языка роскошное пальто на медвежьем меху. В мехах Лу разбиралась не хуже, чем в жеребцах, недаром выросла в снежном Санкт-Петербурге.

И тут ее осенило — вот оно, спасение!

Она так потом и объясняла озадаченным поклонникам: «Решение выйти за него замуж озарило меня внезапно, как

молния — мы были созданы друг для друга! Оно было послано мне свыше, я даже не искала ему оправдания».

Карлу она ответила неожиданно и внезапно: «Выйду», но все же спросила его — уже качаясь на мягких рессорах коляски, — зачем он дает уроки немецкого языка.

— Это не совсем уроки, — охотно объяснил он. — Ваш сосед — опальный персидский поэт, большой знаток персидской поэзии. Мы с ним обсуждаем разные тонкости.

— А вам-то зачем персидская поэзия? — удивилась она, имея в виду вороных жеребцов и медвежью шубу. Но Карл ее удивления не заметил, а просто сказал, что это его профессия — он читает в Берлинском университете курс лекций о разных аспектах поэзии народов Ближнего Востока.

— Вы что, знаете все их языки? — не поверила Лу.

— Не все, но многие, — и начал перечислять: — персидский, турецкий, арабский, еврейский, пуштунский...

— Хватит! — перебила Лу. — Больше я все равно не запомню. А как вы столько выучили?

— По-разному. Турецкий и персидский — еще в детстве, когда отец брал меня в свои коммерческие поездки. Отец, наполовину армянин, наполовину немец, хоть и был потомком старинного рода князей Багратуни, в реальной жизни торговал коврами, отсюда вся эта роскошь, — он кивнул на кучера и положил руку на колено Лу. Она резко сбросила его руку: «Мы пока еще не женаты!»

Лу не собиралась позволять ему класть руку, куда ему вздумается, и потом, когда они будут женаты, но это следовало правильным образом оформить. Тогда она еще не придумала, как именно. А теперь это уже давно продумано и обговорено, так что он ни разу к ней не прикоснулся. В свою очередь, она тоже взяла на себя определенные обязательства и обычно выполняла их неукоснительно. Вот только сегодня сорвалась и бросила грубый серый конверт на сервированный к завтраку столик. Карл Андреас был прав: этому поступку не было прощения, его нельзя оправдать никакой обидой, никаким возмущением. Но Карл все же простил ее и спросил участливо:

— Что за статья?

— Воспоминания о моем разрыве с Фридрихом Ницше.
— Кто же посмел тебе отказать?
— Журнал «Пан».
— Ах, журнал «Пан»... Интересно, чем ты им не угодила?
— Так ты этот журнал знаешь?
— Слышал о нем — наши профессора охотно его читают. И хорошо отзываются о многих статьях.

— А кто там заправляет?

— Главную скрипку там играет какой-то граф Гарри Кесслер. Говорят, человек отлично образованный и преданный новаторским идеям в искусстве.

— А что, если я схожу к нему на прием? Вряд ли он отвергнет меня, если он предан новаторским идеям в искусстве.

Мысль сходить в «Пан» вдохновила Лу, она знала, как ее присутствие озаряет любой ее текст. Не в привычках Лу было откладывать принятые решения, и потому она быстро собралась, оделась просто, но элегантно и подхватила у подъезда проезжающий мимо фиакр. Редакция журнала «Пан» располагалась недалеко от их квартиры, так что не прошло и получаса, как она взбегала на бельэтаж новомодного дома в центре города.

В ответ на вопрос, можно ли поговорить с графом Кесслером, молоденький секретарь попросил ее подождать и скрылся за матовой стеклянной дверью. Выйдя через минуту, он знаком предложил ей пройти за ним в просторный кабинет, где за огромным, сверкающим, как каток, антикварным письменным столом сидел очень молодой человек в отлично подогнанном дорогом сюртуке. Это озадачило Лу — дорогая одежда не вязалась с новаторскими идеями в искусстве. Как не вязался с этими идеями нелюбезный взгляд его прозрачных светлых глаз — он не дрогнул и не затуманился при виде Лу, как вздрогнул бы и затуманился нормальный взгляд нормального представителя новаторского искусства.

От этого прозрачного взгляда Лу стало не по себе.

— Граф Гарри Кесслер? — спросила она с несвойственной ей робостью, как будто могло быть сомнение, к кому она пришла.

— Чем могу быть полезен, фрау Андреас?

Лу положила на стол серый конверт с перечеркнутым адресом:

— Не могу понять, почему вы вернули мою статью.

— Мы публикуем серьезные материалы серьезных авторов. Я удивляюсь, как вы решились прислать нам этот дамский лепет?

Лу онемела — сказать о ее творчестве «дамский лепет»? Когда общепризнано, что в ней мужской интеллект сочетается с обаянием женственности. Задохнувшись от возмущения, она вскочила с кресла и ринулась к выходу, преследуемая незамутненным взглядом прозрачных глаз графа Гарри Кесслера.

Почти скатившись с лестницы и очутившись на улице, Лу остановилась на краю тротуара и задумалась, что делать дальше. Ехать домой не хотелось, все равно работать над очередной статьей в таком состоянии невозможно. Нужно на ком-нибудь сорвать свое раздражение и заодно узнать, кто такой этот наглый юнец, выдающий себя за графа. Никакой он не граф — кого-кого, а Лу провести ему не удастся, на графов и князей она насмотрелась в детстве, когда ее отец был приближенным российского императора.

Немного успокоившись, она решила поехать в свой родной журнальчик «Фрайе бюне», где ей всегда рады. И ей действительно были рады — предложили чашечку кофе и усадили за обыкновенный, а не антикварный, письменный стол, заваленный всяким хламом вроде обрывков рукописей и огрызков вчерашних бутербродов. Расчистив маленький участок стола для чашечки, блюдечка и бисквитного печенья, один из поэтов-натуралистов по имени Юлиус сбросил с соседнего стула пачку журналов, сел рядом с Лу и стал рассказывать о вчерашнем скандале в их театре «Фрайе бюне» на спектакле по пьесе Артура Шницлера «Барышня Эльза».

— ...эти жирные дамы выскочили на сцену с выкриками: «Долой эротику и похабщину!»

В другое время Лу заинтересовалась бы подробностями такого смачного скандала, но сегодня мысль о наглom взгля-

де самозваного графа не давала ей покоя. Она бы давно перебила рассказчика, но была не уверена, с каким именно Юлиусом разговаривает — в редакции журнала их было три и различить их было трудно, все они были молодые, светло-волосые и самоуверенные. И ни один из них не посмел бы отвергнуть статью Лу. А ведь ей необходимо срочно выяснить детали биографии Гарри Кесслера, ни словом не обмолвившись о его постыдном отказе, и потому она в конце концов обратилась к собеседнику по имени, а не по фамилии, что в их кругу было не принято:

— Юлиус, так что, теперь театр могут закрыть?

— Не думаю. Только спектакль запретят. И номер журнала, где напечатана пьеса, конфискуют. — Он подтолкнул носком туфли сброшенную со стула пачку. — Хочешь взять несколько штук для истории?

— Охотно! — Лу не поленилась наклониться и поднять с пола несколько тонких книжечек. — А не думаешь ли ты, что это все происки журнала «Пан»?

— А для чего им? — не понял наивный Юлиус.

— Как для чего? Чтобы убрать конкурента. Там верховодит какой-то подозрительный тип, который выдает себя за графа.

— Ты имеешь в виду Гарри Кесслера? Он действительно граф. Даже существует легенда, что сам император Вильгельм бывало часами любезничал с его мамашей на променаде в Карлсбаде.

— Прямо так, часами, любезничал? С чего бы это?

— Согласно легенде, возможно даже, что граф Гарри — побочный сын императора, который будто бы много лет был влюблен в его мамашу.

— Чем же эта мамаша так замечательна?

— Тем, что она дама редкой красоты и обаяния. Наши ребята подтвердили, что хоть она уже не первой молодости, но хороша невероятно. Они видели ее, когда ездили на гастроли в Карлсбад. В добавок к красоте она божественно поет на благотворительных концертах.

— Представляю себе это пение!

— И напрасно! Она была оперной певицей, пока не вышла замуж за богатого гамбургского банкира Адольфа Кесслера. Наши ребята ее слышали и были в восторге. А ты ведь знаешь наших ребят — им сам черт не брат.

— Я вижу, ваши ребята времени даром не теряли! Все узнали, все разнюхали! Ладно, пускай он даже и настоящий граф, все равно вид у него какой-то скользкий. Интересно, кто его любовница?

— А вот любовницы у него как раз и нет! Он предпочитает мальчиков.

Ах вот как? Он предпочитает мальчиков! Как она сразу не догадалась?

Граф Гарри Кесслер

Элизабет повела гостей в дом — к тому времени поток посетителей иссяк и на крыльце не было посторонних, там стояла только Франциска. Как граф Гарри ни старался угодить Франциске, та не скрывала, что она его не жалует — когда он попытался поцеловать ей руку, она отдернула ее с отвращением. Гости вслед за Элизабет отправились наверх к Фридриху, но Франциска с ними не пошла, а осталась на крыльце. Вид у нее был невеселый.

Минут через десять все трое спустились вниз в сад. Светская львица прошлого десятилетия схватилась за голову и простонала:

— Какой ужас! Великий мыслитель в такой нищете! Нужно что-то делать!

— В первую очередь нужно починить крышу и лестницу, — робко пискнула Элизабет.

Граф не согласился:

— Ничего не стоит чинить. Нужно найти новое пристанище для архива великого Ницше.

— Но в нашем городке... — начала было Элизабет.

— Ваш городок — не место для архива великого философа, — перебила ее Мета.

— Ах, как вы правы, дорогая Мета! — поддержал львицу граф. — Архив Ницше должен находиться там, где его могут

посетить все жители Германии и других стран. Например, в Берлине или в Веймаре.

— В Веймаре, конечно, в Веймаре! — обрадовалась Мета, но ее восторги осадила Франциска. Не сходя с крыльца, она изрекла торжественно, как с амвона:

— Архив Фридриха Ницше всегда будет храниться в доме, где родился Фридрих Ницше!

— Даже когда крыша рухнет и лестница обвалится? — вежливо осведомился граф.

— Ничего не рухнет и не обвалится! — отрезала Франциска. — Мы соберем еще немного денег и все отремонтируем.

— И не надейся, — отозвалась Элизабет. — Я ведь тебе не раз говорила, что эти деньги предназначены для издания полного собрания произведений Фрицци.

— Ничего не выйдет! Я не позволю издавать это богохульство! — отрезала Франциска. — Не забывай, что все права принадлежат мне.

— Права? — не понял граф.

— Ну да, права на все произведения моего сына переданы мне судом, — Франциска пояснила охотно, наслаждаясь своей властью.

— Но ведь только вы собираете архив, не правда ли, Элизабет?

— Увы, собираю, сохраняю, по клочкам выдираю у всего света, а прав не имею.

— Ладно, правами мы займемся позже, а теперь поговорим о приюте для архиве. Вы не хотите переправить архив в Веймар, Мета?

— Я? При чем тут я? — притворно удивилась Мета, которая отлично понимала, куда клонит хитроумный граф. И замолчала — пусть он сам скажет, зачем он привез ее в этот ужасно запущенный дом. Не для того ведь, чтобы она полюбовалась на живой труп своего давнего кумира.

Граф на минуту задумался, размышляя, пришло ли уже время высказаться прямо. И решил, что уже пришло — щечки Меты, все еще свежие, были орошены искренними слезами. Несомненно, ее сильно потряс вид потерявшего разум

великого философа, выставленного на продажу в собственном рушащемся доме.

— Вы очень даже при чем. Ведь у вас в окрестностях Веймара есть заброшенная полуразрушенная вилла?

— Вы имеете в виду виллу «Сильверблик»? Как можно перенести туда архив? Она разрушена не на половину, а гораздо больше. Там трава проросла не только сквозь плиты пола, но и сквозь черепицы крыши.

— Траву можно выполоть, а черепицы перестлатъ. Зато это будет архив вашего имени.

— Ремонт моей виллы «Сильверблик» будет стоить очень дорого. Я потому ее и покинула.

— Ничего, деньги на ремонт я добуду.

— Я думала, вам дают деньги только на карманные расходы!

— Их дадут не мне, а хранительнице архива Фридриха Ницше.

— Зачем вы напрасно сотрясаете воздух? — притворно удивилась Франциска. — Архив Фридриха Ницше никуда не переедет. Я не отпущу отсюда ни моего бедного Фрицци, ни его богохульные произведения. Они навсегда останутся здесь, в нашем фамильном гнезде, рядом с могилой его отца.

На выразительном лице Гарри на миг написалась и тут же исчезла банальная истина: «Ничто не вечно под луной», но он не стал огорчать наивную Франциску — пусть верит во что ей вздумается. Его этот афоризм не огорчал — он был еще слишком молод. Его больше занимала Мета фон Салис, он чувствовал, что ему удастся убедить ее только сегодня, пока она страдает, вспоминая печальный облик безумного Фридриха в шутовском одеянии. Нужно спешить — завтра впечатлительная красавица прошлого десятилетия будет страдать от чего-нибудь другого.

Метра

И он ее уговорил. Настойчиво, постепенно, шаг за шагом. И где-то через полгода Метой фон Салис был подписан договор о передаче фрау Элизабет Фюрстер-Ницше фамиль-

ной виллы семьи фон Салис в Веймаре для основания там Архива великого философа Фридриха Ницше.

Элизабет понимала, что к открытию Архива должно выйти в свет полное собрание сочинений ее брата. Все уже было готово, рукописи собраны в хронологическом порядке и пронумерованы, недоставало только прав на их издание.

Как всегда, выручил граф Гарри Кесслер — он придумал хитроумную схему изъятия прав у матери Ницше, Франциски, ни за что не разрешавшей публикацию богохульного творчества своего непокорного сына. Он выкупил у Франциски права для фиктивного благотворительного фонда, основателем которого был он сам, и тут же передал их Элизабет. Изданное Элизабет дешевое собрание сочинений ее брата быстро разошлось, изрядно разрекламированное серией статей самой Элизабет о печальном состоянии здоровья философа, которые были опубликованы в разных центральных и прочих газетах при содействии того же неутомного графа Гарри.

Вступив во владение виллой «Сильверблик», Элизабет занялась ее переоборудованием. Не посвящая упрямую мать в происходящие перемены, Элизабет собственноручно занялась перестройкой и ремонтом чудом доставшейся ей виллы. Она вела свои дела в большой тайне, и ей удалось скрыть от матери проект переезда архива в Веймар. Тем временем о Фридрихе стали писать все чаще и больше. Первой опубликовала книгу о нем Лу Андреас фон Саломе, абсолютно бессовестная, но амбициозная и чуткая к веяниям времени. Тем более что ей было чем похвастаться.

Элизабет

— Это ужасно, но этой гадюке и впрямь есть чем похвастаться. — Элизабет нервно листала только что полученную ею книгу, в ярости не замечая буколического пейзажа, пронесившегося за окном. Книгу вручил ей почтальон, когда она в спешке выскочила из дому, опасаясь опоздать на поезд, — следующий поезд на Веймар уходил через несколько

часов, а у нее была назначена встреча с графом Гарри на веймарском перроне. Так что она распечатала пакет, только удобно устроившись в кресле возле окна, и обнаружила под оберткой книгу о Фрицци. На обложке значилось:

Лу Андреас фон Саломе. Образ Фридриха Ницше в зеркале его произведений.

Сразу видно, что бездарь — заглавие длиной в поезд!

Неужто не могла придумать чего-нибудь покороче? Элизабет как-то дала себе труд ознакомиться с творчеством русской обезьяны и была очень удовлетворена, убедившись в ее литературной беспомощности. Она могла бы написать разгромную статью об этом, так сказать, творчестве, но не стоило привлекать к нему лишнее внимание. В чем Лу Саломе была мастерица, так это в искажении фактов — из ее рассказа о безумной неразделенной любви Фрицци к ее персоне как-то само собой разумелось, что их напряженный роман длился годы. А из этого факта уже само собой было понятно, что ни одна женщина не знала и не понимала загадочного великого философа так, как знала и понимала его неотразимая Лу.

— Во всей книге нет ни одной даты, можете себе представить? Вся жизнь расплывается в тумане, — первым делом сообщила она Гарри, как только устроилась рядом с ним на мягком сиденье фиакра.

— Стоп, стоп! — остановил ее Гарри. — Начнем сначала. О какой книге идет речь?

— Вот! — Элизабет выдернула книгу Лу из сумочки. — Счастье, что она не назвала ее «Моя жизнь с Фридрихом Ницше», а то ведь от книги создается впечатление, что они прожили вместе долго и счастливо! А все их знакомство длилось меньше восьми месяцев.

— Вы знаете это с такой точностью?

— Я знаю это с точностью до минут! Эта негодяйка оставила черное пятно в моем сердце, и я прочувствовала его до последнего миллиметра!

Гарри перевернул книгу и посмотрел на обложку:

— Ах, Лу Андреас фон Саломе! Теперь все понятно.

— Ничего тебе не понятно! — вспыхнула Элизабет, в возбуждении переходя на «ты». — Они общались всего восемь месяцев, из которых шесть с половиной они провели втроем с этим грязным евреем Паулем Рее. И она смеет утверждать, что она единственная женщина, проникшая в тайну души моего Фрицци! Это я, я знала его со дня рождения, я держала его за руку, когда он ходил в старую церковь играть на органе, мне он рассказывал про свои успехи, меня он посылал учиться в школу и в университет. Он плакал у меня на плече и подсказывал, какие книги читать, со мной он делился своими сомнениями и огорчениями, со мной, а не с ней. При чем тут она?

— Знаешь, она как-то приходила ко мне в редакцию, хотела, чтобы я напечатал ее беседы с Фридрихом, и я ее выставил за дверь. Она от злости чуть не выцарапала мне глаза — у нее наглости через край!

— И вправду выставил за дверь? Ее, Лу Андреас фон Саломе? — восторженно взвизгнула Элизабет. — Да как ты посмел? Под ее наглым взглядом двери открываются сами.

— Некоторые открываются, а мои закрываются. Кстати, про евреев ты лучше попридержи язык, ради дверей, которые то открываются, то закрываются.

— А тебе-то что? — пугаясь, осторожно спросила Элизабет.

— В нашей семье за семью замками хранится легенда, будто мой прадед, основатель банка в Гамбурге, был из евреев. Я даже нашел на чердаке гамбургского дома портрет рододатого еврея в ермолке. После того как я попытался выяснить, кто это, портрет исчез.

— Не может быть! Ты же граф!

— Тут разгадка простая, ее знает весь мир, кроме тебя, — дворянство и титул отцу пожаловал император, влюбленный в мою красавицу мать.

— Да-да, мне кто-то говорил, но я не поверила. Так это правда? Раз так, может, ты императорский сын? — замирая от предвкушения пролепетала Элизабет. Она боготворила Гогенцоллернов.

— Увы, не может. Отец представил маму ко двору, когда стал директором императорского банка, а это случилось, когда мне было два года.

— Жаль! — вздохнула Элизабет, но быстро смирилась — графа Гарри она боготворила больше, чем всех императоров вместе взятых. Она грустила недолго и быстро переключилась на книгу Лу.

— Понимаешь, она провела наедине с Фрицци всего-то две недели в Таутенбурге. То есть она воображала, что наедине, потому что меня она за человека не считала. А я всегда была рядом, в соседней комнате, и хотя меня в их заушные беседы не впускали, я все слышала и запоминала, все до последнего слова. Это длилось всего две недели, и больше они никогда не оставались наедине. А со мной он провел всю жизнь!

— Ты это уже говорила. Переходи к делу — о чем ее книга?

— Я уже говорила, что эта самозванка анализирует философию Фрицци на основании ее интимного знания его характера.

— Например?

— Например, по ее мнению, он больше всего любил страдание. Когда он не страдал, он страдал от того, что не страдает, а когда страдал, то тогда воистину страдал. То есть он страдал всегда.

— Что-то слишком туманно.

— Так она всегда пишет — туманно. Я для интереса пыталась ее читать — невозможно добраться до смысла.

— Ну, а что еще, кроме страдания?

— Есть еще о страдании. Она пишет, что он заболел от своих мыслей и от них же выздоравливал. Его пересмотр моральных ценностей есть по сути поиск новой религии. Убив старого Бога, он начал искать нового.

— Но разве она не сделала то же самое?

— Она утверждает, что в Таутенбурге ей казалось, будто она с ним согласна, но потом она передумала. Ее отказ от Бога в детстве подстегнул в ней творческую мысль, а его от-

каз сделал весь мир пустым. И ему осталось только искать, чем заполнить эту пустоту.

— Самомнения ей не занимать!

— Еще, она утверждает, что Заратустра — это она!

— Что она — этот бородатый старик?

— Ну, так далеко она не пошла. Просто все, что Заратустра сказал, — это ее мысли!

От хохота на глазах графа Гарри выступили слезы.

— То есть она утверждает, будто все мудрые афоризмы Фридриха Ницше были высказаны ею за две недели в Таутенбурге, а он их записал и издал в своей великой книге?

— Что-то в этом роде. Ведь про две недели в Таутенбурге знаю только я.

— Так напиши об этом в своей очередной статье! Во всех подробностях. И мы ее напечатаем в десятке газет по всей Германии.

Нейра

Так они и сделали — Элизабет написала отчет о встрече в Таутенбурге, граф Гарри ее статейку подредактировал и разослал в десяток газет по всей Германии. После чего собрание сочинений Ницше стало раскупаться гораздо быстрее.

Чтобы убедиться в правдивости Элизабет, я разыскала ее письмо Мальвиде, написанное сразу после ее мучительного посещения брата в Таутенбурге. Все было точно, как она описала графу Гарри. Конечно, она могла слегка приврать и в письме Мальвиде — с нею это иногда случалось, но проверить эту версию уже невозможно.

«Они часами сидели в креслах на балконе, а я, тихонько затаившись в своей комнате, слушала их бесконечную болтовню. Клянусь, можно было подумать, что это два дьявола замышляют против рода человеческого:

— Что такое ложь?

— Пустяк, ерунда.

- Как назвать клятвопреступника?
- Отважный человек.
- Можно ли бесстыдно обсуждать постыдные вопросы?
- А почему бы нет?
- Что сказать об исполнении долга?
- Идиотизм.
- Как назвать злоязычие о друзьях?
- Справедливое суждение.
- Что сказать о сострадании?
- Что оно достойно презрения.

И дальше в том же духе с утра до вечера, просто уши вянут их слушать. А они собой так довольны, так гордятся друг перед другом своей смелостью, своей непохожестью на других!

Я сразу заметила, что эта наглая девка не так довольна Фрици, как он доволен ею. Она притворяется, что понимает его речи, а сама просто хорошо угадывает, где надо засмеяться, где восторгнуться, а где только поддакнуть. Но его она так охмурила, что он не замечает ни ее притворства, ни того, как она устаёт от его настойчивости.

После этой любезной характеристики легко понять, почему Гарри так смеялся, услышав заявление, что премудрые речи Заратустры исходят от Лу Саломе. Тем более что Элизабет хорошо постаралась, чтобы ее разоблачить.

Для интереса приведу несколько цитат из книги «Так сказал Заратустра»:

«...и только когда вы все отречетесь от меня, я вернусь к вам — не правда ли, гениальное провидение?»

Когда все умеющие читать начнут читать книги, наступит конец литературы.

Тому, кто не слышит музыку, танцующие кажутся безумцами.

Еще одно столетие читателей — и сам дух будет скверно пахнуть.

То, что каждый смеет учиться читать, портит надолго не только писание, но и мысль.

Некогда дух был Богом, потом сделался человеком, теперь же — становится чернью».

Я начинаю понимать графа Гарри: каждая фраза Фридриха — гениальное провидение.

Элизабет

Услыжав, как Франциска, тяжело ступая, поднимается по лестнице, Элизабет на миг оторвалась от расстеленного на столе чертежа:

— Куда ты, мама? Ты же только что меняла пленку Фрицци.

— Питер крикнул мне сверху, что Фрицци опять укакался. Боюсь, у него понос.

Словно сквозь пелену тумана заметив и тут же выбросив из сознания вид непривычно опухших ног матери, она крикнула той вслед:

— Тогда тебе лучше надеть перчатки. Помнишь, как ты заразилась у него недавно?

— Я только что постирала все перчатки и повесила на веревке в саду. Может, принесешь мне пару? Что-то у меня сегодня нет сил спуститься в сад.

Элизабет с досадой отложила остро отточенный карандаш и поднялась со стула. Но прежде чем пойти в сад за перчатками, бросила любовный взгляд на свое творение — проект «ницшеады» на первом этаже виллы «Сильверблик», полученной от Меты фон Салис. Она трудилась над этим проектом уже несколько месяцев, переставляя и передвигая привычные экспонаты и придумывая все новые. Чтобы скрыть от матери свой замысел о перенесении архива брата в Веймар, Элизабет внушила той, что разрабатывает макет иллюстраций к своей книге воспоминаний. Она решила снести все внутренние стены нижнего этажа и заполнить получившийся в результате огромный зал бесчисленными стендами и полками с книгами, рукописями, письмами и фотографиями Фрицци. В центре экспозиции будет, конечно, его переписка с его единственной, горячо любимой сестрой

Элизабет. А также с письмами к друзьям, в которых он сетует на горечь разлуки с сестрой и даже намекает на обострение своих недугов из-за этой разлуки.

Петра

Элизабет постаралась уничтожить все недобрые слова о ней в письмах к его друзьям. Но некоторые остались.

*Лучшему другу Ницше Францу Овербеку
(Это письмо предназначено для тебя одного)*

<Зильс-Мария, 26 августа 1883>

Дорогой друг,

Расставание с Тобой снова повергло меня в глубочайшую меланхолию, и всю дорогу обратно я не мог избавиться от дурных черных мыслей — в том числе и от настоящей ненависти к моей сестре. Целый год своим молчанием — всегда не ко времени — и своими речами, которые тоже всякий раз были не ко времени, она умудрялась лишить меня всего, что я достигал путем самопреодоления, так что под конец я стал жертвой беспощадной мстительности, меж тем как в самом средоточии моего образа мыслей заложен отказ от всякого отмщения и наказания. Этот конфликт шаг за шагом приближает меня к безумию — я ощущаю это с ужасающей силой и не представляю себе, каким образом поездка в Наумбург могла бы уменьшить эту опасность. Напротив, могло бы дойти до жутких сцен, и как раз та давно подпитывавшаяся ненависть вышла бы здесь наружу в словах и поступках — и я бы при этом в основном оказывался жертвой».

Элизабет

Она так погрузилась в придуманный ею мир, что не заметила, как спустилась в сад, сняла с веревки пару перчаток и вернулась в гостиную. Но как только она ступила на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей в комнаты Фрицци, ее вернул к реальности донесшийся сверху грохот. Громыкну-

ло так, словно на пол упало что-то тяжелое. Неужели Фрицци? Но как он мог упасть — ведь его кровать была с четырех сторон надежно огорожена плотно сомкнутыми перилами?

Эта мысль молнией промелькнула в ее голове, пока она стремительно взлетала вверх по лестнице. Слава богу, Фрицци не упал, он лежал на своем месте, подготовленный к смене пеленки. Но странно, ни матери, ни Питера рядом с ним не было. Для удобства посетителей, приходящих посмотреть на своего кумира, кровать стояла в центре комнаты на специальном помосте, и Элизабет не сразу заметила какое-то движение между окном и изголовьем. Но, приподнявшись на цыпочки, она увидела Питера, стоявшего на коленях над Франциской, лежащей почему-то на полу.

Одним прыжком Элизабет очутилась под окном, тоже упала на колени и оказалась щекой к щеке с запрокинутой головой матери. По какой-то особенной тишине, несмотря на эту еще теплую щеку, она сразу поняла, что мать скончалась. Это понимание не помешало ей послать испуганного Питера сперва за врачом, а потом за священником и полицейским и еще на почту, чтобы отправить графу Гарри телеграмму о смерти матери. Она словно оцепенела и выполняла все положенные действия почти неосознанно, но исправно, как автомат.

Пока Питер с помощью полицейского осторожно спускал носилки с телом матери вниз, она все порывалась напомнить той, бездыханной, что пора надеть на Фрицци чистую пеленку. И вдруг спохватилась, что теперь ей самой придется менять брату пеленки. А при этом сквозь пелену горя, отчаяния и страха перед неразрешимыми житейскими задачами тихо-тихо пробивалось осознание того, что больше нет препятствий и можно перевозить в Веймар и самого Фрицци, и его драгоценный архив.

А там, в Веймаре, в роскошной отремонтированной вилле, глядящей на столичный город почти с птичьего полета, у нее будут помощники — молодые, влюбленные в философию ее брата — красавец Фриц Кегель — ах, почему она не встретила его лет десять назад! — и умница Рудольф Штайнер, который уже успел написать и издать книгу о Фрицци — с ним тоже неплохо было бы встретиться лет десять назад!

Нетра

Да-да, тот самый Рудольф Штайнер, преобразователь педагогике. Трудно поверить, что глубоко почитаемый либеральной интеллигенцией Рудольф Штайнер был страстным ницшеанцем. Может, стоит призадуматься — почему? Не потому ли, что он читал истинного Ницше, а не популярную трактовку его волевой сестры, которая не понимала ни его мыслей, ни его метафор, ни выразительности языка брата, воспринимая все слишком буквально?

Отчаявшись разъяснить Элизабет сущность философии Фридриха, Штайнер записал в своем дневнике: *«Фрау Фюрстер так проста во всем, что касается логических построений ее брата, так проста! Ну ничего не понимает!»* Однако именно написанная ею биография Фридриха Ницше положила начало его всенародной, а потом и всемирной славе — скорей всего, именно благодаря своей простоте. И конечно, благодаря железной воле простоватой Элизабет.

Железная воля Элизабет проявилась сразу же, как только она начала собирать материалы для Архива — она когтями выдирала письма брата у его близких друзей, порой доходя до угрозы суда. Отказала ей только Козима Вагнер, которая беспощадно сожгла письма Фридриха, так и не оставив ответа на жгучий вопрос, объяснялся ли он ей в любви. Вполне возможно, что она сделала это из зависти — она писала дочери: *«Подумать только, эта жалкая девка, которая работала у меня нянькой, вознеслась так высоко за счет своего безумного брата и катается в роскоши как сыр в масле».*

Через пару лет Элизабет придумала новое объяснение болезни Фридриха — она якобы нашла в бумагах мужа письмо от брата, в котором он обвинял Бернарда в своей болезни. Будто Бернард, в знак презрения к философским построениям Фридриха, похитил у него сестру, которая была его единственной опорой в жизни. Фридрих угрожал, что очень скоро он в отместку примет двойную дозу снотворного, облегчающего боль его разбитого сердца, и навсегда потеряет

связь с реальностью. Не в силах перенести разлуку с сестрой, он однажды так и поступил!

— Это письмо звучало как предсмертный вопль измученной души, — заявила Элизабет.

Письма никто не видел, так что до сих пор не ясно, существовало ли оно вообще.

Лу

Лу приспустила верхнее стекло, и в купе ворвался весенний ветер. Она усмехнулась — вот он истинный ветер свободы! Наконец она свободна и ни от кого не зависит, ни от Георга, ни от Карла, ни от сероглазого оперного режиссера, с которым провела последние две недели в Вене. Он не провожал ее на вокзал, а мирно поцеловал перед уходом на репетицию, даже не заподозрив, что она уже купила билет на поезд Вена—Париж. Да и как он мог это заподозрить, если у них все было складно и любовно? Ведь это только она, заранее почуяв надвигающуюся на них угрозу привычного однообразия, решила не дожидаться, пока она ему надоест. И поспешила покинуть его поскорей, чтобы он гадал и не мог догадаться, за какую провинность наказан и брошен.

Лу зябко поежилась, но окно не закрыла — ей нравилось легкое шуршание ветра в складках коленкоровой занавески. Она была собой довольна — за последние пару лет она отлично разработала изощренную технику разлук, превращающую ее в недостижимый объект неудовлетворенного желания. За окном замелькали тусклые огоньки дальних пригородов Мюнхена. Лу задумалась. Срочно предстояло решить, как быть — пересечь на ночной берлинский поезд и вернуться домой к Карлу, или ехать дальше в Париж к Савелию? Представив себе, как оба они будут рады ее приезду, она сразу заскучала — в этом не было ничего нового, да и не хотелось всю ночь трястись на неуютной вагонной полке, пускай хоть и первого класса.

А что если остаться в Мюнхене? Ведь в среде ее друзей все настойчивей утверждалось мнение, будто Мюнхен становится культурным центром Европы. Какой же это будет культурный центр без нее? Она быстро набросила пальто, натянула перчатки и вызвала кондуктора, чтобы вынес на площадку ее чемоданы. На платформе ее никто не встречал — это было непривычно и даже немного неприятно, хоть она сама была виновата, никого не предупредив о своем приезде. Что ж, такова плата за полную свободу. Но все же по прибытии в отель она пожертвовала свободой, вызвала посыльного и отправила одному из своих литературных поклонников записку о том, что она на несколько дней приехала в Мюнхен.

Ее записка привела в движение весь механизм мюнхенской культурной жизни, и с утра на Лу посыпался град посещений и приглашений на приемы, презентации и премьеры. Да, похоже, Мюнхен и впрямь становился культурным центром Европы. А она, Лу, пусть хоть на время, будет центром культурной жизни Мюнхена. И она с удовольствием закружилась в веселом водовороте приемов и премьер.

Наутро после одной из премьер она получила странное письмо без подписи, не похожее на обычные приветствия, присланные ей назавтра после посещения театра. Автор письма сбивчиво утверждал, что, будучи вчера в театре представлен Лу в антракте, он по возвращении домой стал читать ее эссе «Иисус Христос — еврей». Перечитав его несколько раз, он с восторгом убедился, что строй ее мыслей удивительно совпадает со строем чувств, выраженных в его поэтическом цикле «Видения Христа». И теперь он убежден, что его поэзия освящена ее гением.

Это неподписанное письмо странно тронуло ледяное сердце Лу, в нем было все, чего не было у других, — доверчивая беспомощность и детская уязвимость, сочетающаяся с уверенностью в своем призвании. Лу захотелось встретиться с автором письма, но как она ни старалась, ей не удалось вспомнить всех, кого ей представляли вчера в театре. Она попросила в книжном магазине поэтический сборник «Видения Христа», но никто о нем не слышал.

Отчаявшись, Лу решила порыться в письмах, полученных ею по приезде в Мюнхен, — она хранила их, чтобы при встрече показать Карлу. И — о чудо! — нашла маленькую открытку, почти наверняка написанную той же рукой. Автор выражал надежду на встречу с удивительной женщиной, стояла и подпись — Рене Мария Рильке. Дальше уже не составило большого труда найти его адрес, и Лу предложила встретиться в соседнем с отелем кафе.

Она намеренно пришла раньше назначенного времени и села у дальнего от входа столика, чтобы угадать, кто из входящих Рене Мария Рильке. Кафе было популярным, время полуденное, и входная дверь то и дело отворялась, впуская все новых и новых посетителей. Она выбрала двух-трех мужчин поэтического облика, обводящих зал ищущим взглядом, но ни один из них к ней не подошел. Она уже было подумала, что неизвестный поэт не отозвался на ее приглашение, как вдруг за ее спиной тихий голос произнес:

— Добрый день, божественная фрау Лу Саломе.

Она обернулась и не поверила своим глазам — перед нею стоял юноша, почти еще мальчик. Неудивительно, что она не обратила на него внимания, перебирая взглядом входящих в кафе мужчин. Мальчик на лету схватил ее руку и, низко склонившись, впился губами в запястье. Он не спешил завершить поцелуй, а Лу не спешила отнять руку — губы у него оказались удивительно нежными и теплыми. Но все же долго так продолжаться не могло, и она наконец откинулась на спинку стула и сказала:

— Садитесь, Рене, и расскажите мне немного о себе.

Рене рухнул на соседний стул так неловко, что наступил ей на ногу, потом испуганно отодвинулся, но не слишком далеко, так что колено его уперлось ей в бедро. Лу могла бы чуть повернуть стул, чтобы, не смущая юношу, оттолкнуть его колено, но ей понравилось его прикосновение, и она сделала вид, что ничего не заметила и слушает внимательно.

— Я родился в Праге, учился там в университете... издал два тоненьких сборника стихов, приехал в Мюнхен в прошлом году...

Пока он сбивчиво открывал ей небогатые подробности своей короткой жизни, она исподтишка рассматривала его черты, не находя в них ничего примечательного: крупные темные глаза в тени спутанных темных волос, бледные щеки, плохо вылепленный нос уточкой, глубокая ямочка на подбородке. Внезапно голос его прервался, похоже, волнение перехватило ему горло. Чтобы выручить юношу, Лу спросила, принес ли он с собой цикл стихов «Видения Христа», о котором написал в своем письме. Он стал лихорадочно рыться в карманах своей студенческой курточки, вытаскивал какие-то бумажки и бросал на пол, но никаких стихов не нашел.

— Как же так, — бормотал он, — я перед уходом положил их в левый карман... Куда же они делись?

Вид у него был растерянным и несчастным.

Петра

Потом, когда их отношения уже сложились, они вместе искали эти стихи в его комнате, но так и не нашли. А через много лет, когда Рене уже давно стал общепризнанным величайшим поэтом современности Райнером Рильке, их искали многие литературные критики и издатели и тоже не нашли. Странно, не правда ли?

Может, этих стихов вообще не было, он просто их придумал, чтобы добиться свидания с божественной фрау Лу Саломе? Мог ли он предполагать, куда это свидание его приведет?

Лу

Через пару дней они встретились в парке — огромном и прекрасном, почему-то называвшемся Английским садом. Им повезло, аллеи парка были пустынными — с нависших над городом грозовых туч накрапывал не крупный дождь, который разогнал гуляющих. Предусмотрительная Лу взяла с собой большой зонтик, предполагая, что влюбленный поэт придет не только без зонтика, но даже без головного убора.

Так и оказалось: когда она подошла к водопаду, у которого они назначили встречу, волосы у Рене были совершенно мокрые — он, как видно, давно ее ждал.

— Скорей прячьтесь под зонтик! — воскликнула она, но Рене не удалось нырнуть в прозрачную голубую тень зонтика, он был для этого слишком высок.

— Тогда держите зонтик вы, — сообразила Лу, — он достаточно большой для двоих.

Но зонтик оказался недостаточно большим, и Лу то и дело выскальзывала под капли дождя, которые становились все крупнее.

— Так не пойдет, — объявила она и решительно прижалась к Рене, — вам придется за меня держаться.

Его рука, застрявшая между плечом и локтем Лу, была так наэлектризована желанием, что волна этого желания захлестнула и ее. За последние годы у нее было немало любовников, в разной степени в нее влюбленных, — все они были мужики бывалые, знавшие толк в любовных утехах, но не в любви. Ими можно было играть и манипулировать. А как быть с этим, юным и неопытным, который мог бы быть ее сыном? Оттолкнуть и не попробовать? В ее мысли ворвался его голос:

— Так куда же мы пойдём?

Дождь усиливался, делая предполагаемую прогулку по парку невозможной. Конечно, можно было бы попытаться найти свободный столик в соседнем кафе, битком набитом разочарованными любителями прогулок по парку, но как-то не хотелось. Тем более что ноги у них обоих уже промокли, и рукава, торчащие из-под зонтика, тоже.

— Давайте пойдём ко мне, — робко предложил Рене. — Мой пансион тут недалеко, в двух шагах от парка.

Пойти к нему? Это звучало заманчиво и опасно. Интересно, что сказала бы княгиня Марья Алексевна? А не все ли равно? Ведь недаром Лу объявила себя поборницей свободы и равенства мужчин и женщин в любви!

— Что ж, пошли к тебе, если это и вправду недалеко.

«Ты» соскочило с ее языка легко и непринужденно, словно она обратилась к своему сыну, а «сын» онемел от неожиданности.

данности — он-то не мог так с ходу сказать ей «ты». И потому ответил безлико:

— Только нужно тихо, чтобы хозяйка не заметила.

Так на «ты» и «вы», сжавшись под зонтиком, они весело пошлепали по лужам, — все равно башмаки промокли насквозь и терять было нечего.

Его пансион и вправду оказался за углом. Рене открыл дверь своим ключом, и они, сдерживая смех, прокрались по коридору, застеленному потертой дорожкой бывшего цвета. Окно его комнаты выходило в сад — Лу заметила это вскользь, когда он задерживал штору. Заметила и не спросила, зачем штору задерживать? И не спросила зачем, когда он, сбросив в угол свои мокрые башмаки и носки, опустился на колени и стал стягивать с нее промокшие башмачки. И потом не спросила, когда он стянул с нее чулки и, не вставая с колен, принялся целовать пальцы ее ног — его юность позволяла ему любую позу. От его поцелуев в голове у нее помутилось, как никогда до того, а дальше все полетело к тартарары: и мысли, и одежды — осталась только радость, что и ей досталась в жизни любовь.

Нейтра

Лу не спешила сообщить Карлу о своей неожиданной любви. Она только написала ему, что хочет еще на какое-то время задержаться в Мюнхене, и попросила прислать ее любимые книги и летний гардероб. Карл не стал ее упрекать — он никогда ее не упрекал, таков был уговор. Он послушно отправил багажом сундук с платьями и книгами, но при этом объявил, что хочет навестить жену в Мюнхене.

Лу прикусила губу — неясно, он просто соскучился или до него дошли какие-то сплетни. Для сплетен было много оснований — как они с Рене ни старались скрыть свои отношения, их слишком часто видели вместе. А не быть вместе они уже не могли. И она решила — написала Карлу, что ждет его в августе, когда у него будут каникулы.

Лу

Могло показаться, что все хозяйки дешевых пансионов штампуются по одному шаблону. Хозяйка мюнхенского пансиона Рене выглядела, как любительская копия хозяйки берлинского пансиона Лу: те же стянутые в узел седеющие волосы, тот же сжатый в куриную гузку рот, те же колючие маленькие глазки неопределенного цвета. Однажды ее глазки проводили Лу до самой комнаты Рене и встретили через несколько часов у двери его комнаты — можно было поверить, что хозяйка все это время не покидала свой наблюдательный пост в коридоре.

Дождавшись, пока Лу достигнет входной двери, хозяйка процедила сквозь зубы:

— Ни стыда, ни совести! Ведь вы ему в матери годитесь!

Погруженная в свои мысли Лу вздрогнула:

— О чем вы?

— Думаете, я вас первый раз вижу? Но сегодня я решила проследить, сколько времени вы проведете у этого мальчика. И убедилась!

— В чем вы убедились?

— В том самом! И если вы еще раз здесь появитесь, я вызову полицию нравов! И вас арестуют за растление малолетних.

И Лу, гордая поборница свободы, отважная поборница равенства женщин и мужчин в сексуальных отношениях, испугалась — не за себя, а за Карла, за его честное имя, за его профессорскую позицию. Она поняла, что дальше так продолжать невозможно и нужно искать новое место для встреч с Рене. Она не стала брать фиакр, а пошла пешком, чтобы лучше обдумать сложившуюся ситуацию. Неожиданная мысль обожгла ее — зачем ей встречаться с возлюбленным, когда можно с ним не расставаться? А значит, нужно искать не новое место для встреч, а скромную площадку для любовного гнездышка.

Задача оказалась непростой. Квартиру в городе невозможно было снять на неопределенный срок и невозможно было предположить, на какой срок эта квартира им понадо-

бится. А вдруг это безумное опьянение любви к неопытному юноше слетит с нее так же внезапно, как и налетело?

Но пока безумное опьянение владело ею, она жаждала быть рядом с ним, жаждала слышать его голос и таять в его объятиях. Странно, за эти годы она перебрала немало любовников, одни были лучше, другие — хуже, но ни к одному она не прикипела душой так, как к этому мальчишке, не такому уж красивому, не такому уж талантливому. Он был еще не готов к величию, еще не созрел как поэт, но в его подчас невнятном бормотании можно было расслышать отзвуки ритмов будущего гения. И в искусстве любви он сначала был робок и не уверен в себе, но страстен и способен к обучению. Она даже не представляла себе раньше, какое это удовольствие обучать искусству любви любимое существо.

Единственное, что раздражало ее в нем, было его дурацкое девичье имя — Рене. И вот однажды она набралась смелости и предложила ему сменить его нежное Рене на мужественное — Райнер.

Он, конечно, согласился, как соглашался со всем, чего она требовала. И стал Райнер Мария Рильке.

Под этим именем он вошел в историю.

Проблему любовного гнездышка Лу решила со своей собственной ей изобретательностью. Она сняла не городскую квартиру, а деревенский бревенчатый домик, одной стеной прилепившийся к горному склону. В соседнем с ними сарае жила кроткая корова, но им ее близость нисколько не мешала наслаждаться своим жилищем. Они купили на блошином рынке большую деревянную кровать, поцарапанный овальный стол и двустворчатый шкаф. Хозяин подарил им пару жестких скамеек, а друзья художники завалили дощатый пол подушками и плетеными ковриками — получилось комфортно и даже по-своему красиво.

Когда Лу разбирала присланный Карлом сундук, Райнер заметил несколько книг, написанных кириллицей.

— Что это? — удивился он.

— Книги русских писателей — Льва Толстого и Антона Чехова.

— Ты читаешь по-русски?

— А ты не знала? Я недаром закончила гимназию в Санкт-Петербурге.

Райнер пришел в восторг:

— Значит, ты можешь научить меня русскому языку? Я давно об этом мечтал.

Так в их счастливую жизнь вошел русский язык — неделями не выходя из своего уютного гнездышка, они попеременно занимались то любовью, то кириллицей. В изучении языка, как и в любви, Райнер оказался на редкость способным учеником. Так что к приезду Карла он уже сносно лопотал по-русски, правда, со страшным акцентом, зато связно.

Карл к тому времени уже знал все о новой причуде своей взбалмошной жены. Ему это вовсе не понравилось, но возражать он не смел — таково было их брачное соглашение. Как ни удивительно, ему понравился Райнер — своей наивностью, талантом и стремлением выучить чужой язык. Сам Карл Андреас кроме десятка ближневосточных языков отлично владел английским, французским и тремя скандинавскими. Правда, русского он не знал.

Мэри

Я во всех деталях изучила жизнь и похождения Лу, но так и не смогла понять мотивов поведения высокообразованного профессора Карла Андреаса. Неужели он и вправду поверил коварной выдумке Лу, что истинная любовь на всю жизнь возможна только, если она не искажена причудами эротики, как у других людей? Такой умный, такой начитанный... и поверил? Или он просто был мазохист и любил страдать? Страдания от жены он получал без меры до конца жизни. Причем его биография наглядно показывает, что он не был импотентом: много лет сожительствовал со своей экономкой, которая родила ему дочь Мари.

Нигде не сказано, куда в конце концов девалась экономка, но девочка Мари осталась в доме Карла и Лу. Лу не только воспитала ее, но и приворожила — Мари обожала ее, и в

конце жизни Лу верно и преданно за нею ухаживала. Та завещала Мари все свое состояние, оставленное ей Карлом.

Странные люди, странные, непостижимые отношения. Или это я такая наивная простушка, что ничего не понимаю? Но это не исказит мой рассказ — он отражает только факты.

Лу

Прекрасно! Райнер настолько понравился Карлу, что тот пригласил его переехать в их дом в Шмаргендорфе. Лу просто онемела, когда услышала, как Карл, даже не сговорившись с ней, начал расписывать Райнеру красоты этого берлинского пригорода.

— Лу всю зиму ходит там босиком по лесным тропинкам, — похвастался он, будто зимние прогулки Лу были его личным достижением.

— С чего бы это он? — удивилась Лу и догадалась: Карл боится, что ему иначе не удастся заманить неверную супругу домой.

Они втроем покинули бревенчатую хижину и кроткую корову, которая даже не выглянула в окошко, чтобы с ними попрощаться. И дружной троицей въехали в уютный профессорский дом в уютном пригороде Берлина. Там Лу и Райнер после пробежек босиком по зимним лесным тропинкам продолжили усердные занятия любовью и русским языком.

Правда, их счастливые идиллические периоды то и дело нарушались депрессивными лихорадками Райнера. В минуты сжигающего его трагического отчаяния все достоинства возлюбленной превращались в ее недостатки. Он начинал ненавидеть ее щедрость, ее великодушие, ее нежность. Лу подавляла его своим великолепием.

Он писал: *«Я подобен анемону, который раскрылся так широко, что вечером не смог закрыться и вынужден был принять в себя весь ужас ночи».*

— Я ненавижу тебя за то, что ты такая большая и щедрая, — говорил он ей. Он проклинал ее, а она все ему проща-

ла. Они сладко мирились и начинали с еще большей страстью атаковать неприступную твердыню русского языка.

В конце зимы Карл смирился с их непостижимой любовью и, завороченный происходящим в его доме освоением русской культуры, предложил втроем отправиться в Россию. 25 апреля 1899 года Карл, Райнер и Лу отбыли пассажирским поездом Берлин—Москва и 27-го прибыли в Москву как раз к празднику православной Пасхи.

Москва встретила их всем, о чем они мечтали, — перезвоном сотен колоколов, пасхальными процессиями, пышными куличами и крашеными яйцами. На их очарованный взгляд она выглядела провинциальным пряничным городом, сохранявшим при этом следы прошлого столичного великолепия. Но, предвкушая пасхальные радости, заботливая Лу подготовилась и к светской части их поездки — она запаслась рекомендательными письмами к видным представителям московской культурной элиты.

Самым результативным был визит к художнику Леониду Пастернаку, работавшему в то время над иллюстрациями к роману Льва Толстого «Воскресение». Услыхав, что его немецкие гости страстные почитатели Толстого, Пастернак попросил писателя уделить им несколько минут своего драгоценного времени. Толстой пригласил всю троицу к чаю в Страстную пятницу.

Это был странный визит. Впереди гордо выступала Лу, уверенная в обаянии своей женственности и писательского успеха. За ее спиной топтался робкий, ни в чем не уверенный Рильке. И замыкающим вошел в гостиную великого человека скромный высокообразованный профессор Карл Андреас. Великий человек небрежно бросил на стол презентованную ему последнюю книгу Лу, кратко объяснил Рильке, почему поэзия никому не нужна, и обратил взгляд на профессора Андреаса. Взгляд его из равнодушного быстро превратился в заинтересованный:

— Вы — профессор ближневосточных культур? — спросил он по-французски.

Андреас ответил утвердительно, и между ними вспыхнул увлекательный для обоих и непонятный для остальных

стремительный диалог. Лу, потрясенная таким очевидным невниманием к ее присутствию, несколько раз пыталась втиснуться в этот диалог по-русски, но великий старец то ли не слышал ее реплик, то ли делал вид, что не слышит. Когда назначенное время их визита почти истекло, ей все же удалось воскликнуть на прощание:

— Мы все в таком восторге от пасхальной Москвы, от ее щедрости, от ее колоколов, от ее шествий и куличей!

Тут Толстой наконец ее заметил:

— То-то я все время твержу, что пора покончить с этими языческими обрядами, — отозвался он. — В них нет ничего от христианства!

— Зачем отменять? — ужаснулась Лу. — Это же так красиво!

— Мне сейчас недосуг с вами спорить. Хотите поговорить об этом, приезжайте как-нибудь летом к обеду в Ясную Поляну.

Петра

Через год они и вправду поехали в Ясную Поляну в надежде вступить в диалог с «великим русским», как они его называли. Конечно, для второй поездки в Россию было много разных других поводов кроме увлечения Львом Толстым. Тогда, в 1899 году, Лу после Москвы повезла Райнера в родной ей Санкт-Петербург, где они провели две недели в искрометном хороводе создателей российского Серебряного века. Там все кружилось «в ритме вальса» — возникала новая живопись, новая поэзия, новый театр. Чуткий Рильке с головой окунулся в этот водоворот, нескладно лопоча по-русски и лишь на треть понимая услышанное. Но и этого ему было достаточно, чтобы влюбиться в Россию.

Эта влюбленность всколыхнула творческий дух экзальтированного юноши. За год, прошедший между двумя поездками в Россию, он написал невероятное количество произведений: первый том «Книги часов», финал книги «Бог-Отец», множество лирических стихов, а главное, поэму «Лю-

бовь и смерть корнета Кристофа Рильке», о которой речь впереди.

Хоть Лу была не так очарована своей покинутой родиной, как ее юный любовник, ей льстил повышенный интерес к ней русских артистов и художников. Ей даже постепенно начало казаться, будто сам великий старец Толстой, как и всякий представитель сильного пола, попал под власть ее чар. Она словно забыла, что все время чаепития он посвящал беседе с Карлом о персидской секте бахаев, а не ей с ее богоискательством. И с еще большим количеством подробностей Лу рассказывала своим приятелям и поклонникам, что Лев Толстой пригласил их с Райнером пообедать у него в Ясной Поляне.

Лу

— Лу, — плохо скрывая раздражение позвал Карл, — пора кончать урок. Обед уже на столе.

— Да-да, — отозвалась Лу по-русски, — мы уже идем.

— Ты что, совсем разучилась говорить на родном языке? — спросил Карл, когда они втроем, как обычно, уселись за привычно накрытый стол.

— Представляешь, я недавно обнаружила, что у меня их два.

— Но жить ты все же собираешься в Европе?

— Как сказать. Мы с Райнером планируем новую поездку в Россию.

Карл прямо задохнулся от возмущения:

— Зачем? Вы ведь все там уже видели!

— Отнюдь не все! Мы даже не вкусили прелести крестьянской жизни. А ведь Россия — крестьянская страна.

— Что же вы хотите узнать?

— Мы хотим, — вмешался Райнер, — заглянуть в душу угнетенного пролетария и в душу кроткого пахаря, еще не деформированную городской жизнью.

— Сказано возвышенно, — фыркнул Карл. — Но как именно вы намереваетесь это сделать?

— Мы уже наполовину это сделали. Сговорились с нашими московскими друзьями, и они составили нам программу встреч, поведут нас на курсы продвинутых рабочих и на выставки самых дерзких художников. Ты сам говорил, что сегодня Россия — центр революционного искусства.

— У нас уже есть билеты на все пьесы Чехова в Художественном театре! — похвастался Райнер.

— И ты надеешься понять быструю русскую речь?

— Во всяком случае пьесу «Чайка» я пойму наверняка — я уже перевел ее на немецкий.

— Хорошо. Предположим, вы подглядите в щелочку жизнь московского художественного мира, а как быть с подлинным крестьянином?

— И на это у нас есть ответ: наши друзья сняли нам хижину, которая называется изба, в отдаленной северной деревне. И мы проживем истинной крестьянской жизнью — будем пахать, сеять, косить и жать. И таскать воду из колодца!

— А для этого Райнер должен выучить русский язык как можно лучше. Вот мы и занимаемся дни и ночи напролет. Теперь ты понимаешь, почему мы перестали тратить время даже на лесные прогулки?

— Кажется, я понимаю.

— И одобряешь?

— Одобряю, но не настолько, чтобы финансировать ваш русский каприз.

Лу прикусила губу — этого она не ожидала. Карл всегда был щедр и безропотно оплачивал ее поездки в европейские столицы. Однако она гордо ответила:

— Не хочешь, как хочешь! Мы справимся без твоей помощи!

И они справились — Лу взяла в долг небольшую сумму, которой вместе с ее карманными деньгами хватило на билеты до Москвы. А в гостеприимной Москве она умело организовала их быт, так что, живя по очереди у разных приятелей, они не тратились на гостиницу и, будучи часто приглашены на обеды и вернисажи, могли почти ежедневно обходиться только скромным завтраком.

Артистическая жизнь в Москве бурлила, кипела и пенялась, на глазах создавалось новое искусство, менялись нормы живописи и театра. Восторженно вдыхая московский воздух, немецкие гости не сознавали, что он насыщен грозными разрядами надвигающейся революции, а знакомые москвичи не спешили открывать им глаза, чтобы не омрачать праздничное настроение. И потому второй московский период остался в их памяти как непрерывный фестиваль духовной жизни. Не вникая в глубокий кризис российской реальности, они вырастили в своих душах совершенно другой облик этой чужой страны — образ пряничного рая для всех ее жителей.

По-детски держась за руки, они бродили по арбатским переулкам, посещали церковные службы и пили чай в народных кабачках. И вдоволь нагулявшись, счастливые и вдохновленные, они наконец отправились на Курский вокзал, намереваясь сесть в поезд, который отвезет их в Ясную Поляну на обед ко Льву Толстому. На перроне они неожиданно столкнулись со знакомым по прошлому московскому визиту — с художником Леонидом Пастернаком, который вез в Крым девятилетнего сына Борю. Впоследствии поэт Борис Пастернак описал эту встречу в своей «Охранной грамоте»: хрупкий молодой мужчина поразил его своим наивным взглядом и благородной осанкой, а сопровождавшую его высокую женщину Боря принял за его мать или старшую сестру.

Нейтра

Правда, здесь нужно сделать сноску на то, что автор «Охранной грамоты» уже знал, что случайно встреченный им много лет назад на вокзале молодой мужчина признан гением всех времен и народов, а мальчик Боря еще этого не знал. И неизвестно, точно ли соответствует то, что подумал тогда мальчик Боря, тому, что написал юный Борис Пастернак. Он не то чтобы слукавил, а просто постепенно выстроил в душе лубочный образ Райнера Марии Рильке, о котором вряд ли бы вспомнил, если бы тот не оказался впоследствии гением.

Нет-нет, я ничего такого не хотела сказать, это прорвалось мое второе Я, о котором я честно рассказала во вступлении в эту книгу.

Лу

Лу и Райнер расстались с Леонидом и Борей еще на перроне, так как российский художник с сыном ехал в самом дорогом классе, а немецкие гости из экономии — в самом дешевом. Они вышли из поезда на маленькой станции под Тулой и прощально помахали Пастернакам, смотрящим на них из вагонного окна. Найти дорогу к Ясной Поляне было не трудно — ее знал каждый встречный. Любовники весело шагали мимо сосновых рощ, березовых перелесков и бедных крестьянских домишек, наслаждаясь мыслью, что идут по истинно русской земле к истинно великому Русскому.

Они пришли немного раньше назначенного времени, так что смогли полюбоваться роскошным барским домом, позабыв на время о требованиях социальной справедливости. Их только немного смутил истошный женский крик, доносившийся из открытого окна второго этажа. Какая-то женщина произносила бесконечный гневный монолог, иногда прерываемый рыданиями, а иногда умоляющим старческим голосом. В назначенное время Райнер дернул веревку колокольчика. После долгого ожидания заветная дверь неохотно приоткрылась, позволив Лу протиснуться в прихожую, и тут же закрылась. Испуганный Райнер растерянно топтался снаружи, не зная, что ему делать. Но, к счастью, дверь снова отворилась и впустила в прихожую и его.

За дверью гостей ожидал старший сын Толстого, который провел их в большую комнату, увешанную картинами, и попросил немного подождать. Они натянуто заговорили о достоинствах висящих на стенах комнаты картин, делая вид, что не слышат воплей и рыданий, прорывающихся даже сквозь толстые стены и основательный потолок. Сын Толстого тоже вел себя так, словно ничего необычного не происходило. Так прошло много времени — по одним оценкам,

полчаса, а по другим — не менее двух. И наконец к потрясенным гостям вышел сам Толстой, как-то сразу постаревший и согбенный.

Он спросил, что его дорогие гости предпочитают — обед в присутствии посторонних людей или прогулку с ним. Гости, хотя и были отчаянно голодны — в ожидании графского обеда они сэкономили на завтраке, — естественно, предпочли прогулку с ним.

— Тогда я покажу вам свои луга.

И он повел их по хорошо утоптанной боковой дорожке, обсаженной разноцветными цветущими кустами. Они пытались завести с ним заранее заготовленный разговор о вере в Бога и неверии, но вскоре заметили, что он не может сосредоточиться на высоких материях. Он раздраженно обрывал с веток головки цветов и бросал их обратно в кусты, а потом вдруг перебил Райнера, пытающегося развить какую-то мысль по-русски, и спросил:

— А чем ты занимаешься в жизни?

Райнер на секунду опешил, но пришел в себя и смущенно пробормотал:

— Я написал несколько вещичек и издал пару книжек стихов.

Толстой резко обернулся к нему и рявкнул:

— Разве я не предупреждал тебя, что поэзия никому не нужна? — И повернул обратно к дому. — Простите, но я должен вернуться и уладить свои семейные проблемы.

Он пошел по дорожке настолько быстро, насколько ему позволяла согбенная спина, а огорченные гости поплелись следом, голодные и безутешные. Они уже давно поняли, что великому человеку сейчас не до них.

Но они не могли долго переживать обиду и разочарование — им нужно было спешить. Их дешевые суточные билеты включали в себя возможность еще одной поездки. А в их планы входил душевный визит к крестьянскому поэту Дрожкину, жившему в родной деревне к северу от Москвы. Райнер перевел на немецкий сборник его стихов, скорей всего потому, что они были просты и незатейливы, как у Кольцова и Майко-

ва, и его русский язык позволял Райнеру проникнуть в неглубокую суть его стихов.

Дрожжин встретил их как родных. Да он и чувствовал их родными — иначе с чего бы это Райнер выбрал именно его стихи для перевода? Он поселил гостей в новенькой, еще не закопченной чистой избе и вечером при свете копилки читал им свои последние стихи. Они были растроганы и, выбросив из памяти неудачный визит к Толстому, заснули умиротворенные, чтобы ни свет ни заря отправиться бродить босиком по росистым российским лугам. В деревне их восхищало все: мычание коров, душистое сено на скошенных лугах, гостеприимные улыбки кротких крестьян, простота их быта. Но когда за ними заехал местный помещик Николай Толстой, родственник писателя, и пригласил пожить в его комфортабельном барском доме, они с радостью согласились.

Однако это был еще не конец их попыткам познать крестьянскую душу России — на окраине деревеньки под Ярославлем для них была снята свежестроенная бревенчатая изба, в которой они поселились, чтобы жить полной жизнью простого крестьянина. Любезные хозяева избы оставили на столе буханку ржаного хлеба, лукошко картошки и полную солонку. Любовники спали на набитых соломой матрасах и варили картошку на дровяной плите, которую нелегко было разжечь. Однако на второй день они почувствовали, что картошки с хлебом им недостаточно, и купили кувшин молока у соседки. Назавтра стоявшее на подоконнике молоко скисло, картошка закончилась, а от буханки хлеба осталась только сухая горбушка.

Тогда они отправились на местный базар, купили хлеба, картошку и пять предложенных им курочек-несушек в надежде на яйца. Дома оказалось, что яйца несут только две курочки из пяти, а три остальные, возможно, были петушками. Лу решила из одного из них сварить бульон, но ни она, ни Райнер не были готовы этого бесплодного петушка резать и ошипать. Так что пришлось вернуться в деревню и уговорить кого-то это сделать. Пока сухонький рыжеборо-

дый мужичок выполнял их просьбу, они выбежали из его двора и отошли подальше, чтобы не видеть экзекуцию. Правда, это не помешало им наслаждаться вкусом свежего куриного бульона.

Среди ночи Лу проснулась оттого, что пальцы Райнера лихорадочно впились в ее плечо, он весь трясся — его охватила нервная дрожь, такая сильная, что у него зуб на зуб не попадал.

— Ты видишь, Лу, вон он — окровавленный петушок с перерезанным горлом! Бежит по дорожке к нашей избе!

— Ты бредишь, Райнер. Разве ты можешь увидеть петушка в этой крошечной тьме?

Райнера вырвало — куриный бульон выплеснулся наружу из его желудка в отместку за совершенное убийство. Лу с трудом удалось успокоить его, укачав, как ребенка. Но наутро от его смертельного страха не осталось и следа, и он сам смеялся над своей впечатлительностью.

— Это был не я, а тот, Другой, который прячется у меня где-то внутри, — повторял он.

Можно было бы считать, что их деревенская жизнь постепенно налаживается, если бы не уборная, то есть ее отсутствие. Во дворе за домом была вырыта неглубокая выгребная яма, которая ужасно воняла. Не было никакого сиденья, только поперек ямы лежали три довольно тонких жердочки непонятного назначения — сидеть на них было нельзя, стоять опасно. И потому Лу охотно откликнулась на робкое предложение Райнера прервать этот слишком мучительный эксперимент и вернуться в Петербург.

Оказалось, что она мечтала прервать не только мучительный эксперимент попытки жить крестьянской жизнью, но и не менее мучительный эксперимент по замене матери и старшей сестры своему юному любовнику.

По дороге в Петербург Лу объявила потрясенному Райнеру, что намерена оставить его на несколько недель в Москве на попечении их московской приятельницы Софьи, а она сама поедет в Финляндию к брату, чтобы подлечить пошатнувшееся здоровье. Бедный Райнер не мог поверить

тому, что услышал, — ведь за четыре года их горячей любви они, по сути, никогда не расставались. А теперь она хочет покинуть его одинокого в чужой стране — не может быть! Правда, однажды они расстались по его инициативе — он хотел доказать себе и Лу свою независимость и способность обойтись без ее забот. И отправился путешествовать по Италии один, без нее. Там он вел «Флорентийский дневник», из которого было ясно, что все его попытки поучаствовать в празднике омрачены отсутствием Лу. Можно сказать, что эта единственная разлука не удалась. Надеюсь, что и эта не удастся, он робко спросил:

— Может, не надо оставаться в Москве, а сразу в Германию?

— Скажи, куда в Германии ты поедешь без меня? — жестко поинтересовалась Лу. Райнер не узнал ее голоса, она никогда с ним так не говорила, всегда была сама ласка и нежность. — Не к Карлу же в Шмаргендорф?

К Карлу он и впрямь не мог поехать без нее. Но почему без нее? Они ведь могут поехать вместе.

— Нет, вместе мы поехать не можем! — еще более жестко сказала Лу. — Я еду в Финляндию к брату, я очень устала. Мне нужно отдохнуть и привести себя в порядок.

— Отдохнуть — от чего? — спросил он, заранее пугаясь ее ответа.

И она его не пощадила:

— В частности, от тебя!

Нейтра

Хочется спросить — что с ней случилось? За что она его так?

Есть несколько вариантов, ни один из них ничем не подтвержден.

Самый простой — Райнер ей просто надоел. Опьянение прошло, и Лу его увидела таким, каким он был в реальности, — слабым, нервным, беззащитным. Как он убежал со двора мубжика, согласившегося зарезать их петушка! Как отврати-

тельно дрожал и цеплялся за нее! Разве настоящие мужчины так поступают? А тут еще неудачный визит к Толстому — ведь, по сути, все произошло так нескладно из-за Райнера. Толстой ему прямо сказал, что поэты никому не нужны. Хоть Лу и ценила поэзию Райнера, но лучше бы к великому старцу она отправилась одна, к ней он наверняка отнесся бы иначе.

А главное — Райнер слишком часто впадает в отчаяние, плачет, стонет, жалуется. Она так устала от его нытья! Лу счастлива, что вернулась в Россию, — тут она нашла потерянную частицу себя, которой ей так не хватало. А хнычущий Райнер к этому счастью вовсе не причастен и висит у нее на шее тяжким ярмом. Вот она его с себя и сбросила без всяких церемоний — это вполне соответствовало ее широко декларированной свободе от предрассудков. Лу написала в дневнике *«Мне сейчас хочется только одного — больше покоя и одиночества, как было четыре года назад»*.

А может быть, все не так, может быть, она и впрямь была больна? Ведь здоровье у нее с детства было хлипкое, и все эти смелые эксперименты ее подкосили. Но Лу не хотела признаваться в своей болезни наивному мальчику, чтобы не навести его на мысль, что она для него стара. Вернулась в туманную Германию, а все дальнейшее покрыто там туманом. На ее пути оказался врач, доктор Фридрих Пенельс, она звала его Земек, который вскоре стал ее любовником и оставался им долгие годы.

Когда стремление пожить спокойно и мирно, как до встречи с Рильке, вернуло Лу в ее дом в Шмаргендорфе, ее ждал сюрприз: за время отсутствия жены Карл вступил в связь со своей экономкой, и она родила от него дочь. Потрясенная Лу была поставлена перед выбором — возмутиться или примириться. Ее поведение в который раз доказало, что она воистину умна и рассудительна — она приняла маленькую девочку как родную и сделала ее родной.

Тем временем брошенный ею бездомный Рильке в конце концов примкнул к артистической колонии Ворпсведе под Бременом — стипендию получил, что ли? — и там стремительно женился на девице скульпторе Кларе Вестхофф. Сде-

лал он это из любви или из мести, неизвестно, но развелся так же стремительно, как и женился. У него тоже родилась дочь, и в поисках какого-нибудь заработка Райнер попробовал вернуться в Россию.

Сохранилось его письмо редактору газеты «Новое время» Алексею Суворину:

«Моя жена не знает России; но я много рассказывал ей о Вашей стране, и она готова оставить свою родину, которая ей тоже стала чужда, и переселиться вместе со мной в Вашу страну — на мою духовную родину. О если б нам удалось наладить там жизнь! Я думаю, что это возможно, возможно потому, что я люблю Вашу страну, люблю ее людей, ее страдания и ее величие, а любовь — это сила и союзница Божья».

Суворин не ответил на письмо неизвестного ему немецкого литератора. Не найдя реального заработка, Рильке покинул жену и дочь и опять стал взывать к жестоко покинувшей его возлюбленной. Но она не смягчилась — она готова была переписываться с ним, но не встречаться. Их многолетняя переписка составила солидный том. Таким образом их великая любовь из эротической превратилась в истинно духовную.

Мальвида

— Только не волнуйтесь, Мали! — крикнул Савелий, рывком отворяя дверь. — У меня грустная новость!

— Как же не волноваться, если новость грустная? — отозвалась Мальвида, приподнимаясь на локте. Она уже несколько месяцев жила в версальском доме Ольги, где боролась с тяжким недугом.

— Потому что у этой грустной новости есть светлая подкладка.

— Ладно, раз есть светлая подкладка, давайте вашу новость, не томите!.

— Вы готовы? Так вот — Фридрих Ницше умер! И кончились его мучения.

— Бедный Фридрих умер, — заплакала Мальвида. Но это были светлые слезы, она давно уже была согласна с его смертью. — Какое горе! Мир вокруг меня пустеет!

— Почему пустеет? У вас есть Оленька, Ромен Роллан, Козима и я — разве этого мало?

— А когда-то у меня были Фридрих, и Пауль, и Рихард, и даже эти две беспардонные интриганки Лиззи и Лу. Кстати, а где Лу? Она ведь заявила, что была единственной любовью Фридриха.

— Это осталось в прошлом. Сегодня единственной любовью Фридриха стала Элизабет. В статье, посвященной смерти любимого брата, она сообщила, что они с братом всю жизнь были единым целым и не сказали друг другу ни одного резкого слова. Но почему-то забыла упомянуть, как они с матерью отреклись от него на много лет, когда он объявил, что Бог умер. По ее словам, они с дорогим Фрицци всегда сливались в великой взаимной любви. Вот поглядите — я принес вам газету.

Матильда протянула руку за газетой:

— О, Фридрих стал таким знаменитым, что извещение о его смерти тут же перевели на французский! Почитайте мне вслух, мои старые глаза быстро устают от газетного шрифта.

— Вы только гляньте, как ваша Лиззи амбициозна! Она привела в газете полный список гостей, приехавших на похороны, и каких гостей! Конечно, граф Гарри Кесслер, любимец покойного императора, и любимцы других императоров — один знатней другого! Кроме того, тут написано, что Фридриха Ницше похоронили по всем канонам лютеранской церкви.

— Потрясающе! Именно так должен быть похоронен человек, прославившийся полным отказом от Бога и от церкви!

— Вы только послушайте, что тут написано! Ницше похоронили против его воли на приходском кладбище церкви, где его покойный отец служил пастором. Это были истинно христианские похороны человека, который при жизни отрекся от Бога: колокола звонили, церковный хор пел псалмы, на крышке гроба был вытеснен серебряный крест.

— А ведь Фридрих предупреждал, что так будет, — вновь заплакала Мальвида. — Он писал, что когда-нибудь его сделают святым. И что на его похороны придут незнакомцы, не понимающие не только его мыслей, но даже намерения мыслить. Именно таких Лиззи пригласила на похороны брата! Да ведь и сама Лиззи тоже не в силах понять его книг. Она несколько лет работала у меня в Риме девочкой на посылках, и я хорошо знаю, на что она способна.

— Бьюсь об заклад, что вы знаете не все. Например, вы понятия не имеете о ее коммерческих талантах. И напрасно! Она заказала некоему скульптору статуэтку Фридриха в кресле на колесиках. И сделала несчетное количество керамических копий этой статуэтки, причем разных размеров — от крошечного до огромного. Они отлично продаются у входа в Архив.

— Поразительно. Когда она жила рядом со мной в Риме, такой не была. Радовалась каждой копейке и едва сводила концы с концами. Видимо, она научилась многому в своем Парагвае.

Савелий еще немного пошелестел газетой:

— Тут есть еще несколько интересных подробностей. С лица Фридриха успели снять посмертную маску. Конечно, это была затея Гарри Кесслера. Вот что он сам об этом написал: *«Мне захотелось запечатлеть его образ для вечности. Его лицо выглядит истощенным, хотя его роскошные усы, покрытые изморозью седины, скрывают гримасу боли в складках у рта. И я решил срочно снять его посмертную маску. Пока не поздно»*. Это еще не все! — Савелий нашел нужное место в статье. — Вот тут, почитайте. Ваша Лиззи весьма красноречива. Покончив с описанием похорон, она в заключение приводит стихи брата, посвященные лично ей:

Связь сестры с братом сильнее всех золотых цепей.

— Какая лгунья! Много лет я была свидетелем ее сложных отношений с Фридрихом, и уверена — никогда таких стихов он ей не писал и не мог написать. Скорее, он написал

бы что-нибудь столь страстное вашей Лу в тот короткий миг, когда потерял голову от любви к ней. Кстати, она была на похоронах?

— Ей сейчас не до похорон.

— Не до похорон Фридриха? Она же на нем имя себе сделала!

— У нее сейчас дела поважней имени — великая любовь.

— Какая у нее может быть любовь? Вы же лучше других знаете, что она снежная королева с ледяным сердцем.

— Мали, вы все перепутали — ледяное сердце было не у снежной королевы, а у тех, кого она поцеловала.

— То есть не у Лу Саломе, а у вас, милый Савелий. А сейчас ваше ледяное сердце полыхает от ревности из-за ее великой любви. Кто же этот счастливец?

— Этот счастливец — юный, никому не известный поэт Райнер Мария Рильке, на двадцать лет ее моложе.

— Никому не известный, говорите? Помяните мое слово — скоро он станет всемирно знаменитым. Лу Саломе с неизвестными не водится.

— Как это не водится? — возмутился Савелий. — А я?

— А вы, мой дорогой Савелий, — засмеялась сквозь слезы Мальвида, — наверно, и есть ее истинная любовь!

Нетра

Лу узнала о смерти Фридриха, только когда вернулась из России в Германию, да и то не сразу. После разрыва с Райнером она провела неделю у брата в Финляндии, а потом поехала не в Берлин к Карлу, а в Вену к доктору Земеку по фамилии Пенельс. Земек был ее давним другом и лечащим врачом. Что заставило ее поспешить в Вену — уж не была ли она и вправду беременна? Тем более что именно доктор Земек поставил Райнеру страшный диагноз, предрекающий ему в конце жизни полное безумие. И дал ей понять, что болезнь эта передается по наследству детям. Так что он не мог ей отказать в прерывании беременности, тем более что он, как и все ее друзья, был влюблен в нее по уши.

Вскоре они стали любовниками, и Лу прожила с ним в Вене несколько спокойных лет. Их мирный быт нарушал только нескончаемый поток душераздирающих писем Райнера, написанных в надежде вернуть любовь отвергнувшей его возлюбленной мамочки. Он рыдал и молил о милости, но мамочка была непреклонна.

— Меня мучает страх, страх жизни, а еще больше — страх страха. Он растет во мне, как опухоль, как чудовищный монстр, и нет мне от него спасения. Если бы мы могли встретиться! Встреча с тобой — моя единственная надежда. Мне кажется иногда, что только ты связываешь меня с человечеством, оно поворачивается ко мне лицом только через тебя, а без тебя я для него не существую.

Но Лу не хотела с ним встречаться, она от него устала. Ей хорошо было с Земекком, она показывала ему письма Райнера, и он находил в этих письмах подтверждение своего диагноза. Это пугало ее.

Не исключено, что Земек преувеличивал признаки растущего безумия Райнера, чтобы Лу не вздумала пожалеть его и решиться на встречу с ним. Он не забыл, какой эротической была любовь Лу с Райнером, и не хотел ее повторения.

Лу

Савелий хорошо помнил дорогу к дому Лу, хотя провожал ее со станции очень давно, еще до ее загадочного романа с молодым поэтом. Он подошел к застекленной террасе и попытался заглянуть внутрь. Навстречу его взгляду с той стороны прижалась к стеклу лукавая детская мордочка в ореоле золотых волос. На секунду прижалась и скрылась где-то внизу. Савелий постучал в стекло, но мордочка на стук не отозвалась. Тогда он толкнул дверь, та отворилась без сопротивления. Он неслышно проскользнул внутрь и застыл в изумлении — из комнаты на коленках выползла Лу и стала заглядывать под кресло, выкрикивая: «Я сейчас тебя найду и съем!»

Из-под кресла колокольчиком рассыпался счастливый детский визг, и между резных ножек выглянула та самая лукавая мордочка, шепеляво повторяя: «Я тебя шъем».

— Лу! — ошеломленно выкрикнул Савелий. — Она твоя? Лу ахнула, попыталась подняться с колен, но не смогла. — Савелий! Откуда ты взялся? Дай руку!

Савелий рывком поднял ее с пола и усадил в кресло. Но не успел сказать ни слова — девочка резво выскочила из-под кресла, ловко вскарабкалась на колени Лу и шепеляво повторила: «Я тебя шьем». Не веря своим глазам, Савелий тупо повторил свой вопрос:

— Она твоя?

— Почти моя. Она дочь Карла.

— Ну да, дочь Карла. Без матери?

— Почему без матери? Мать тут за дверью, подслушивает, — Лу перешла на немецкий. — Мари, зайдите сюда на минутку!

Из комнаты тут же вышла полногрудая женщина лет тридцати, не оставляя сомнений, что она и вправду стояла за дверью и подслушивала.

— Мари, ко мне приехал старый друг. Возьмите у меня Маришку и принесите нам по чашечке кофе с вашими восхитительными пирожными.

Мари попыталась поднять Маришку с колен Лу, но девочка отчаянно вцепилась той в платье и заплакала:

— Не хочу мамы Мари, хочу мамы Лу!

Лу решительно сняла с себя девочку.

— Иди, иди к маме Мари, а мама Лу скоро к тебе придет и поиграет с тобой в прятки.

И обернулась к Савелию.

— А почему ты здесь? Ведь мы же договаривались, что ты никогда, ни в коем случае...

Но осеклась, увидев, что Савелий плачет.

— Я приехал рассказать, что Мали умерла, — прорыдал он сквозь слезы. — Вчера мы ее похоронили, похоронили! И я сразу отправился к тебе, мне больше не с кем разделить свое горе.

— А что, Ольга не годится?

— Ольга меня недолюбливает. Я думаю из-за тебя. И всегда сердилась из-за нашей дружбы с Мали. Ведь Мали была мне истинным другом!

— Ну да, она всегда была истинным другом мужчин, годящихся ей в сыновья, — не сдержалась Лу. Она не забыла, какую роль сыграла Мальвида в ее разрыве с Ницше.

Савелия передернуло, и он дерзко отрезал:

— Не то что ты!

Он все еще был обижен на Лу за ее роман с немецким мальчиком. Все остальные ее романы не мешали ей время от времени встречаться с ним, а тут было нечто другое — вот уже почти пять лет он ее не видел.

— Ты не поверишь, у меня была настоящая любовь, — попыталась защититься Лу.

— Что значит — была? Была и прошла? Настоящая любовь не проходит!

— Откуда ты знаешь? У тебя была настоящая любовь?

— Может быть, моя настоящая любовь — это ты... — начал было Савелий, но осекся. На террасу быстрым шагом вышел бородатый мужчина в бархатной домашней куртке и в шлепанцах на босу ногу.

— Уже наябедничала сучка, — вздохнула Лу. И улыбнулась, как показалось Савелию, виновато.

— Знакомьтесь: это мой муж Карл, а это мой старый друг Савелий из Парижа.

Муж Карл на улыбку не ответил, а произнес сердито:

— Что здесь происходит, Лу? Разве мы не условились...

— Савелий приехал из Парижа сообщить, что моя дорогая Мальвида скончалась, — поспешно перебила Лу и заплакала весьма убедительно.

— Вчера мы ее похоронили, — робко прошептал Савелий сквозь слезы.

— Мальвида фон Мейзенбург умерла? Эта старая сводня? Что ж, мир праху ее. Ладно, поплачьте тут вместе, если вам так грустно, но, пожалуйста, недолго. Я не люблю, когда Лу опаздывает к ужину.

И вышел так же быстро, как вошел.

Потрясенный Савелий даже перестал плакать.

— Ну и ну! Он всегда с тобой так суров?

— Последнее время почти всегда. Он не может пережить, что я живу в Вене у Земека.

— Ну и новость — ты живешь в Вене у Земека! Это тот врач, что тебя когда-то вылечил?

— Тот самый. Так ты его помнишь?

— Я помню все, что связано с тобой, Лу. Но почему ты живешь у него? Он твой любовник?

— Естественно, иначе я бы у него не жила. Он меня любит и лечит. А я после путешествия в вашу Россию все время болею.

— Значит, мне повезло, что я тебя застал! А почему же ты здесь?

— Я иногда приезжаю проведать Карла, а главное — поиграть с Маришкой. Знаешь, я ее полюбила как родную. Подумай только — какое счастье получить дитя без безобразия беременности и ужаса родов!

— Но у нее ведь есть родная мать!

— Мать несущественна. Ты же видел — девочка уже моя и будет все больше моя. А мама Мари таким положением вполне довольна — она нянчит и Маришку, и Карла.

Девочка Маришка не заставила себя ждать — она вприпрыжку выскочила на террасу и скомандовала:

— Мама Лу на ужин!

Лу покорно поднялась и пожаловалась:

— А тебя он на ужин не пригласил.

— Но я и не рассчитывал.

— Раньше я бы сама могла тебя пригласить, но сейчас он слишком раздражен моими, как он их называет, выходками, — Лу говорила это уже на ходу, но Савелий не дал ей продолжить:

— Я бы послушно ушел, только о главном я с тобой не успел поговорить.

— О главном?

А Маришка уже вцепилась в юбку мамы Лу и тащила ее к двери, повторяя: «Ужин, ужин, ужин!» Савелий вскочил со стула и торопливо предложил:

— Я подожду тебя на скамейке за воротами, и мы поговорим о главном, ладно?

— Ладно, подожди, раз надо. А я постараюсь добыть для тебя бутерброд. Но пока выйди отсюда, чтобы в доме был мир.

Она сбежала из-за семейного стола через полчаса, со-
славшись на больной зуб. И выскользнула за ворота в на-
кинутом на плечи светлом плаще, главным достоинством
которого были большие карманы. Из одного кармана она
вытащила два куска хлеба с маслом, из другого — заверну-
тую в салфетку котлету.

— Вот тебе моя добыча. Я еле вырвалась оттуда — даже
отказалась от десерта. Боюсь, Карл мне этого не простит, но
я и не с таким справлялась. Так о чем главном ты хотел со
мною поговорить?

— Я к тебе заехал по пути. А еду я в Веймар, выполняю
последнюю волю Мали. Везу туда письма Фридриха, кото-
рые он писал Мали все шестнадцать лет их дружбы.

— Кому ты их везешь? Этой лживой гадюке Элизабет?

— Не лично Элизабет, а в Архив Фридриха Ницше, ко-
торый постепенно становится международным центром по-
клонения.

— Кто бы пять лет назад мог поверить, что мой Фридрих
станет объектом международного поклонения!

— Не заносись! Объектом поклонения стал не твой Фрид-
рих, а Фридрих Элизабет!

Лу это не понравилось.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что она воистину сумела его прославить. Так, что о
нем узнали миллионы.

— А я не сумела? Я первая написала о нем книгу!

— Миллионы твою книгу не читали, а читали хитрые
статейки Элизабет, в которых она расписывала ужасы его
болезни и величие его идей. Миллионы читали и плакали.
Она сумела завоевать их сердца.

— Я тоже пару раз писала в газеты. Но только две газеты
напечатали мои статьи.

— Читал я твои статьи. Ты писала не о его величии и
не о его трагедии, а о том, что все его идеи взяты у тебя. Ко-
го, кроме тебя, это может увлечь?

— Оставь! Весь успех гадюки Элизабет основан на том,
что она сумела охмурить этого мерзавца графа Гарри и он
все ей устроил!

— Что же ты его не охмурила? Ты, обольстившая всю Европу?

— Ах, ты не знаешь? Весь мир, кроме тебя, знает, а ты один не знаешь! Я не смогла его охмурить, потому что он предпочитает мальчиков!

Элизабет

— Ну как? — спросила Элизабет. Она закрыла стеклянную дверцу новой витрины и залюбовалась собственной работой. Письма Фридриха к Мальвиге и ее ответные письма к нему были расположены хитроумным веером, так, чтобы при желании можно было размотать сложную пряжу их многолетней дружбы.

— Красиво и ловко! — засмеялся граф Гарри.

— Почему ловко? — притворно удивилась Элизабет, — она не сомневалась, что Гарри видит ее насквозь. Он и не пытался скрыть от нее то, что имел в виду — распахнул стеклянную дверцу витрины и длинными пальцами отогнул одно письмо из умело сплетенного веера писем.

— Вслух прочесть? Или наизусть знаете?

— Оставьте, Гарри! Зачем вам это?

— Сам не знаю. Но вслух прочту — послушайте:

«Моя сестра между тем со всей силой обратила против меня свою врожденную враждебность, которую прежде срывала на нашей матери. Она объявила, что рвет со мной всякие отношения — из отвращения к моей философии и «потому, что я люблю зло, а она — добро», и тому подобные глупости. Меня самого она осыпала насмешками — а ведь правда заключается в том, что всю жизнь я был с ней слишком терпелив и мягок».

— Чего вы добиваетесь, Гарри? — Элизабет попыталась закрыть дверцу витрины, но граф не дал ей это сделать.

— А вот представьте, ничего. Развлекаюсь совершенно бескорыстно. — Он отогнул другую створку веера. — Хотите еще что-то пикантное прочесть? Вот, например:

«Единственное, что омрачает мою блестящую идею о вечном возвращении, это мысль о том, что по возвращении я опять встречу свою мать и сестру».

— Я вас хорошо изучила, Гарри, — сознайтесь, что вам от меня надо?

— Чего бы мне от вас потребовать? — притворно задумался граф. — Теперь, после смерти дорогого папы, деньги мне уже не нужны, да у вас их и нет, замуж за меня вы, зная мои грехи, все равно не выйдете. Так чего бы от вас потребовать?

Элизабет все же удалось закрыть дверцу. Это означало, что он ей уступил, — пересилить его она бы не смогла.

— Ну, не томите! Скажите уже, что вам нужно?

— Сознаюсь честно — мне надоело каждую неделю трястись в поезде Берлин—Веймар. Даже в купе первого класса воняет голландским сыром и чай подают отвратительный.

— Так за чем дело стало? Переезжайте в Веймар. Сейчас как раз сдается соседняя вилла.

— А что я буду тут делать? Я умру от скуки!

— А что вы делаете в Берлине?

— О-о-о! В Берлине идет совсем другая жизнь — там в моей холостяцкой квартирке у Бранденбургских ворот по вечерам собираются изысканные гости, подобных которым не найти в вашем пыльном Веймаре. В Берлине я каждый день после обеда прогуливаюсь по Унтер-ден-Линден в элегантном костюме, соломенной шляпе набекрень, с бамбуковой тросточкой в руке. Я иду не спеша, а навстречу мне катится поток друзей, приятелей, недругов и завистников. А здесь — куда я пойду и кого встречу?

— Чем я могу вам помочь, дорогой граф? При всем желании я не могу наполнить улицы Веймара вашими недругами и завистниками.

— Но кое-что вы можете для меня сделать.

— Что же это, ума не приложу?

— Вы можете уговорить эрцгерцога открыть здесь музей изящных искусств.

Потрясенная Элизабет ушам своим не поверила.

— Вы с ума сошли! Я могу уговорить эрцгерцога сделать такой пустяк, как открытие в Веймаре нового музея? За кого вы меня принимаете?

Гарри поглядел на нее сверху вниз — она была маленькая, немолодая, но все еще красивая, ее не портил даже сверкающий серебром косой глаз.

— Я принимаю вас за директора Архива великого философа Фридриха Ницше, главного драгоценного камня в короне эрцгерцога.

— Ну уж самого драгоценного! А Гете, а Шиллер, Лист?

— Поверьте моей интуиции — когда идеи вашего покойного брата овладеют миром, все эти славные имена поблекнут рядом с его именем!

— Я так и скажу эрцгерцогу, что славные имена поблекнут?

— Нет, конечно, — засмеялся Гарри, — вы должны сказать, что в короне Веймара сверкает литература, музыка и философия, не хватает только живописи.

— Ну хорошо, предположим я уговорю эрцгерцога, а вам что с того?

— А то, что вы заодно уговорите эрцгерцога назначить меня директором этого музея!

— Вас — директором? Вы что, хотите работать? И получать жалованье?

— Вот жалованья мне как раз не нужно, в этом мое главное преимущество, но мне нужно поле деятельности — у меня столько идей! Я буду устраивать выставки еще не признанных великих художников — Родена, Майоля, Мунка, Сера. Я буду проводить семинары по современному искусству. И в моем доме в этом городе великих теней зазвучат живые голоса.

— Предположим. Но как я доберусь до эрцгерцога?

— Он сам к вам придет. Мои шпионы донесли мне, что на следующей неделе запланирован визит эрцгерцога в Архив Ницше. Он хочет застать вас врасплох.

— Зачем врасплох?

— И у вас есть недруги и завистники, дорогая Лиззи.

— У меня? — не поверила Элизабет. — Кто, например?

— Например, ваша бывшая благотельница Козима Вагнер. Она недавно посетила Веймар и была принята эрцгерцогом.

— Была в Веймаре и не зашла повидаться со мной?

— Более того. По слухам, она пыталась внушить эрцгерцогу, что вы присваиваете деньги из фонда Архива.

— Я присваиваю деньги из фонда Архива?! — вспыхнула Элизабет. — То есть ворую у себя самой? На чем она основывает свои обвинения?

— На вашем пристрастии к дорогим нарядам. Вот это милое платьице, оно, небось, из Парижа? И сколько оно стоит?

— Не мой ли дорогой друг, уважаемый, обожаемый граф Гарри, строго-настрого наказал мне одеваться элегантно и дорого, чтобы получать благотворительные пожертвования для Архива? Не он ли объяснил мне, что богатые бедным не подают? Так и прикажете объяснить это эрцгерцогу?

— Вам ничего не придется объяснять — эрцгерцог человек воспитанный, он вас про цену платьев спрашивать не будет, он будет разглядывать экспонаты и прикидывать, сколько денег вложено в витрины и ремонт. И оценивать вашу способность увеличивать благотворительные пожертвования. А увидев киоск с керамическими копиями бедного Фрицци в кресле на колесиках, поймет, что вы на многое способны. Вот тут-то вы и сразите его предложением открыть еще один музей — и он вам поверит.

Нейтра

Граф Гарри, как всегда, оказался прав — эрцгерцог прислушался к совету Элизабет открыть рядом с Архивом Ницше музей изящных искусств. Но, как человек осмотнительный, он сначала пригляделся к способам, при помощи которых фрау Фюрстер-Ницше так успешно вела дела Архива. От эрцгерцога не укрылся слегка обидный факт уменьшения числа посетителей музеев Гете и Шиллера по сравнению с мощным потоком посетителей Архива Ницше. И еще более любопытный факт решающей роли графа Гарри Кесслера в широком

оповещении публики о достоинствах нового Архива. Может, и впрямь стоит украсить Веймар еще одним новым музеем, а этого блестящего умельца-графа назначить его директором?

Граф Гарри

Для начала эрцгерцог пригласил графа Гарри на ужин. Это была чисто мужская трапеза — несколько приближенных и никаких дам. После ужина эрцгерцог отозвал его за угловой столик и навел разговор на идею нового музея. Гарри пустил в ход все свое красноречие, и перед эрцгерцогом разверзлась бездна звезд полна — даже он, по собственному признанию, недостаточно образованный и слабо разбирающийся в искусстве, был потрясен открывшейся перспективой. Перед его восхищенным взором замелькали выставки, лекции и семинары, а главное — восхитительные ужины с настоящими мэтрами и с грядущими знаменитостями, которые по его милости станут знаменитостями прямо у него на глазах. И его слегка поблекший дворец снова засверкает яркими красками, когда слегка пренебрегавшие им коронованные родственники снова начнут съезжаться в ответ на его приглашения. А как обрадует этот восхитительный карнавал искусств молодую жену эрцгерцога Корнелию!

— Очень скоро Веймар опять станет культурной столицей Германии! — вслух прочитал его мысли граф Гарри.

В ответ эрцгерцог посоветовал графу подыскивать подходящее здание для нового музея. После ужина Гарри навестил свою верную союзницу, поджидавшую его в своей гостиной на втором этаже Архива Ницше. Зная, что он только что обильно поужинал, она не приготовила ничего, кроме бутылки шампанского. Увидев его сияющее лицо, Элизабет без лишних вопросов стала наливать вино в бокалы. Только после первого глотка она спросила:

— Ну, и что он сказал?

— Предложил подыскивать подходящее здание для нового музея. Наивный человек ваш эрцгерцог! Как он мог себе представить, что я его еще не нашел?

Нейра

Граф Гарри выбрал для музея здание в самом сердце Веймара на Театральной площади. Музей открылся обширной выставкой скульптур Родена. На вернисаж съехались лучшие люди Европы — как королевские особы, так и знаменитые художники и писатели. Граф Гарри не упустил ни одной возможности для рекламы своего детища, а возможности у него были безграничные. Служащие охотно рекомендовали всем посетителям выставки воспользоваться случаем и наведаться еще и в Архив великого философа Фридриха Ницше. Поток посетителей плавно перетекал из одного музея в другой.

Из дневника графа Гарри

23 июня 1903 года

Сегодня в одиннадцать утра эрцгерцог и эрцгерцогиня посетили открытие выставки художника Макса Клингера. Целый час я водил их из зала в зал. Эрцгерцогиня выражала свой восторг искренне и наивно. Поначалу этикет сдерживал ее, но вскоре ее хорошие манеры отступили перед чистым удовольствием. Она очень естественна. Эрцгерцог вел себя с высокомерной сдержанностью, но все же с полной готовностью служить искусству.

К полудню я пригласил на вернисаж местную элиту. Все как один пришли вовремя, любезные и нарядные. Это была очень элегантная толпа. Можно считать этот вернисаж большим успехом моей любимой затеи.

Нейра

И вправду, Веймар вскоре опять стал культурной столицей Германии. Он даже начал соперничать с культурной столицей Европы — Парижем, который не спешил признавать славу восходящих светил современного искусства. А Веймар при содействии графа Гарри их признавал и прославлял.

Из дневника графа Гарри

5 августа 1903 года

Торжественный ужин в честь писателя Андре Жида в Бельведерском дворце эрцгерцогини. Гости расположились небольшими группками за маленькими столиками, живописно разбросанными по просторному залу для трапез. Я сидел рядом с эрцгерцогиней, между Андре Жидом и прусским послом Мюллером. Элизабет, которой я устроил приглашение на ужин, непрерывно щебетала за другим столиком. Нужно вразумить ее, чтобы она говорила поменьше. Она утверждает, что это у нее нервное.

Потом Андре Жид читал отрывки из своих книг в круглом императорском зале. Присутствовало около тридцати человек. Андре Жид произносил свои тексты медленно и внятно, чтобы все хорошо его поняли.

Я отвозил Элизабет домой в своем фиакре. По дороге она сообщила мне, что этот ужин очень удался. А дальше продолжала тарыхтеть без перерыва в восторге от того, что провела вечер среди столь высокопоставленных персон, и все пыталась узнать у меня, достаточно ли элегантно она была одета для такого изысканного общества. Я терпел, терпел, но под конец не выдержал:

— Вы должны понять, что вы здесь представитель самого великого философа современности Фридриха Ницше. Вы — гордость этого города, благодаря вашему Архиву он превратился в культурную столицу Германии. Так что все эти высокогородные ничтожества должны быть благодарны вам за то, что вы согласились провести вечер в их обществе.

Эта идея так поразила Элизабет, что она даже прикусила язык, — а это ей совсем не свойственно. Так что несколько минут мы ехали в полной тишине.

Нейра

Подбодренный успехом своих замыслов, Гарри наводнил когда-то сонный Веймар своими знаменитыми высоко-

художественными гостями. Следующим за Андре Жидом в Веймар прибыл известный поэт и драматург Гуго фон Гофмансталь.

Из дневника графа Гарри

24 августа 1903 года

Сразу по приезде Гуго был всем недоволен. Комнаты в моем доме оказались для него слишком маленькими, погода в Веймаре слишком сырой и холодной, не то что у них в Вене, люди, окружившие его на приеме у прусского посла, несимпатичными. Когда он заявил, что критикует все из чувства дружбы ко мне, пришлось вызвать врача. Врач констатировал сильное расстройство в результате долгого путешествия, что меня очень удивило — это в двадцать семь лет!

После ухода врача мы заговорили о театре. Гуго начал рассказывать о постановке его новой пьесы «Электра», отчего сильно возбудился и его настроение изрядно улучшилось.

29 августа 1903 года

Сегодня мы отправились во дворец эрцгерцогини на ужин в честь Гуго. После ужина перешли в круглый императорский зал, где Гуго звучным мелодичным голосом прочел несколько стихотворений. Впечатление на слушателей он произвел потрясающее.

1 сентября 1903 года

Я пригласил эрцгерцогиню на ланч в моем доме. Доброжелательная эрцгерцогиня облачила свое пышное тело в голубое платье, чтобы выглядеть гармонично с обоями моей столовой. Вокруг стола я усадил всего двенадцать человек. После ланча Гуго прочел несколько глав из своей новой поэмы. Глава «Безумец» произвела сильное впечатление на Элизабет.

Нейтра

Я читаю дневники графа Гарри и все яснее понимаю, почему они так стремительно разлетелись по миру. В них сли-

ваются разнообразные его таланты — живой интерес к искусству, умение завязать дружеские отношения с лучшими его представителями по всей Европе, неустанная деятельность и при этом высокий вкус и необычайная проницательность. Уже не говоря о блистательности его пера и умении открыть читателю достоинства увиденных и оцененных им шедевров. Сегодня трудно сказать, случился ли в то время удивительный урожай шедевров или они стали шедеврами с легкой руки графа Гарри, но одно можно утверждать наверняка: создания человеческого гения в эпоху перед Первой мировой войной не достигли бы такого уровня истинной красоты без неутомимого участия графа.

Из дневника графа Гарри

21 августа 1904 года, Париж

С утра я отправился в Марли знакомиться с Аристидом Майолом. Оказалось, что он живет в крошечном крестьянском домике, окруженном обширным фруктовым садом. В ответ на наш стук в дверь, на которой не было колокольчика, на террасу вышла женщина и стала громко звать: «Аристид! Аристид!» На ее зов из глубины сада вышел широкоплечий крестьянин в синем рабочем блузоне и широкополой соломенной шляпе. Он не представился нам и не очень заинтересовался нашими именами — просто пригласил в небольшой домик в отдаленном уголке сада, который служил ему студией, и стал показывать свои работы.

Я сразу же купил у него за восемьсот франков маленькую женскую статуэтку и начал перебирать его эскизы. Мое внимание привлек набросок женской фигуры, сидящей на корточках, — это была восхитительная арабеска скупых линий. Я тут же предложил Майолю исполнить ее в камне, и он согласился за хорошую цену сделать ее в человеческий рост.

Я пригласил Майоля пообедать со мной в парижском ресторане. Во время обеда он набросал ногтем на скатерти мой

портрет и нашел его настолько удачным, что тут же попросил принести ему лист бумаги, чтобы сохранить набросок. Я начал искать черты его сходства с Огюстом Роденом, но он не согласился:

— У нас нет ничего общего, — заявил он. — Роден пытается выразить свет, а я хочу выразить форму. А если я иногда изображаю свет, то это простая случайность.

Через пару дней я опять поехал к Майолю. Я чуть не дремал под стук колес, как вдруг на какой-то станции ко мне в вагон почти на ходу вскочил сам Майоль. Он объяснил, что обедал с Роденом и сейчас возвращается домой. И, стоя на перроне, вдруг увидел меня в окне поезда. Я спросил его, почему он ваяет только женские фигуры? Он ответил, что у него нет денег на натурщиков и он работает только со своей женой. Поэтому у его скульптур такие красивые ножки, а вот грудь и живот у нее слегка подпортились от родов. Он бы с удовольствием ваял мужские фигуры — мужское тело привлекает его больше, чем женское.

3 сентября 1904 года, Лондон

Я пригласил Майоля в Лондон и повел его вечером на прогулку по набережной Темзы. Он застыл на подвесном мосту и долго стоял, наблюдая, как в черной воде отражаются огни парламента. Потом сказал:

— Можно подумать, что прямо из черной воды поднимаются дворцы из «Тысячи и одной ночи». Ты видишь, все небо красное? Я бы нарисовал его в ярких тонах красного и бордового. Но я не мог бы рисовать, как Моне; смешивая тысячи красок, я вижу каждый мазок отдельно от другого.

После ужина мы с Майолем провели вечер на боксерском матче в Уайтчепле. Майоль впал в настоящий экстаз:

— Никогда не думал, что вид обнаженных мужчин приведет меня в такой восторг. Движения боксеров ничуть не похожи на убогие позы профессиональных натурщиков.

Он лихорадочно делал зарисовки, красотой подобные лучшим наброскам Делакруа. Особенно увлекали его гордые стройные шеи и широкие плечи. В конце вечера он объявил:

— Сегодня я научился многому. Обнаженных мужчин надо ваять именно так — стоящими друг против друга с изрыгающими огонь открытыми ртами, с руками, готовыми к бою! Это не люди, а боги!

21 июня 1904 года, Веймар

Вчера мы на правлении Архива обсуждали возможность выставки эскизов Родена. Председатель правления был против, утверждая, что император нас не одобрит, так как он терпеть не может современное искусство, находя его отвратительным. Председатель все время повторял:

— Я не могу рисковать своим положением. Я уверен, что если император будет недоволен, то уволят именно меня.

Декабрь 1904 года, Лондон

Провел рождественский вечер с Герхартом Гауптманом. Необычайно симпатичный человек.

17 января 1905 года, Берлин

Утром получил печальное сообщение о скоропостижной кончине нашей милой Каролин, эрцгерцогини Сакс-Тюрингии. Она неожиданно умерла от воспаления легких, вызванного падением с лошади во время верховой прогулки. Через день после происшествия у бедняжки резко поднялась температура, и она скончалась буквально на глазах мужа и детей. Такая потеря, такая потеря! Она была не слишком образованна, но искренне любила современное искусство и меня, грешного. Эрцгерцог не одобрял ни того ни другого — он предпочитал только охоту и дружную мужскую компанию и не часто посещал приемы в музее, которые обожала покойная герцогиня.

21 января 1905 года, Веймар

Вернулся с похорон нашей бедной милой эрцгерцогини. На душе грустно и тревожно — скоро ли я почувствую расположение эрцгерцога?

24 января 1905 года, Берлин

Получил известие о серьезной болезни мамы. Уезжаю в Париж.

8 февраля 1905 года, Париж

Сегодня был у Родена. Хотел договориться с ним, чтобы он сделал бюст Ницше. Он очень колеблется, утверждая, что трудно делать портрет того, кого никогда не видел. Я уговариваю его, настаивая на том, что мне удалось снять посмертную маску Ницше.

— Это уже лучше, — отозвался Роден. — По крайней мере есть костная структура, это основа для каждого скульптора. Но главное — передать движение мышц, натянутых на кости. Когда ты схватываешь это движение, ты можешь начинать работу.

27 мая 1905 года, Париж

Обедал у Родена в Медоне. Облаченный в белый летний костюм, он встретил меня на станции, и мы поехали к нему в конной коляске. Всю дорогу он жаловался на государственные фонды, которые не делают ему заказов и не поддерживают его творчество. Мне кажется, что он преувеличивает.

После обеда мы отправились в маленький домик на краю деревни, который служит ему мастерской, и стали выбирать эскизы для веймарской выставки. Он отложил несколько набросков и объявил, что дарит их моему Архиву. Он хотел бы, чтобы в веймарском музее был создан постоянный зал гипсовых слепков с его скульптур — он считает, что гипсовые слепки отражают его творческую мысль вернее, чем мрамор и бронза. Я предложил ему записывать свои суждения об искусстве, и он с энтузиазмом согласился.

*Неожиданная запись в тот же день —
27 мая 1905 года:*

Русский Балтийский флот был отправлен в кругосветное плавание для участия в русско-японской войне только для того, чтобы немедленно быть затопленным японцами в битве при Цусиме.

Нейтра

Все, хватит переводить выдержки из дневника графа Гарри! Это затягивает, как воронка, — я вчера всю ночь читала

этот дневник и не могла оторваться. Но я не в состоянии перевести десять тысяч страниц! Буду действовать обычным путем — просто перескажу жизненную историю графа Гарри Кесслера — покровителя художников-модернистов, дипломата и шпиона.

Граф Гарри

Лондон

Он проснулся от громкого стука в дверь, посмотрел на часы и удивился — было без пяти восемь. Никто никогда не будил его так рано. Он закрыл глаза, надеясь, что это ошибка, но стук становился все громче. Его перекрыл еще более громкий голос:

— Гарри, откройте! Это я, Майоль!

Чертыхаясь, граф босиком прошлепал к двери — ночные тапочки куда-то запропастились, а шум, поднятий скульптором, небось уже разбудил всех соседей.

— Что случилось? — спросил он, не отворяя дверь. — Зачем вы явились в такую рань?

Майоль бормотал сквозь дверь, что он час назад прибыл в Лондон и должен срочно посоветоваться с графом Гарри по важному делу, но тот не стал его слушать и предложил встретиться вечером в ресторане «Савой». Когда разочарованный скульптор ушел, Гарри вернулся в постель, но заснуть уже не мог — ему нужно было мысленно подготовиться к предстоящей через пару часов деловой встрече.

Все произошло две недели назад, неожиданно, но заманчиво. Он тогда был в Берлине, и его вдруг пригласили в императорский дворец на фортепианный концерт. Он давно не был при дворе и с огорчением отметил, как постарела за это время императрица. После концерта избранным гостям предложили остаться на легкий ужин. Гарри был не в восторге от императорской кухни, но само приглашение казалось лестным, и он с удовольствием поднялся на второй этаж в малый обеденный зал.

Когда он обвел глазами нарядный зал в поисках приятного собеседника, его поманил за свой столик директор Дойче

Банка господин ЛЛ., с которым Гарри был знаком только шапочно. Слегка удивившись, он сел за столик господина ЛЛ., начиная подозревать, что приглашение на концерт было не случайным. Так оно и оказалось.

После нескольких наводящих вопросов директор банка вдруг рассыпался в комплиментах, восхищаясь светскими манерами молодого графа и его редким знанием многих европейских языков. Еще не понимая, куда тот клонит, Гарри насторожился, и не напрасно.

— Мы давно наблюдаем за вами, — продолжал господин ЛЛ.

«Кто это — мы?» — встревожился Гарри, но промолчал.

Можно было подумать, что господин ЛЛ. прочел его мысль:

— Мы — это министерство иностранных дел. Нас заинтересовала легкость вашего порхания между всеми европейскими столицами, равно как и ваши тесные связи со многими видными европейскими светилами. И нам стало жаль, что мы не используем ваши прекрасные качества.

Директор Дойче Банка выжидательно замолчал, дав Гарри возможность дополнить его речь:

— И вы решили их использовать?

— Замечательная догадка! — воскликнул господин ЛЛ. и изложил суть предложения министерства, показавшееся графу Гарри заманчивым. И вот сегодня он, тщательно одевшись, направился на встречу с директором крупного английского банка. Разговор предстоял деликатный — нужно было вынудить англичан заключить сделку, выгодную и Британии, и Германии, но представить дело так, будто немецкая сторона действует исключительно из человеколюбия.

Речь шла о предстоящем немецком проекте постройки железной дороги Берлин—Багдад, пересекающей всю Месопотамию. Проект был баснословно дорогой, и графу Гарри поручили вовлечь в него англичан. Хитрый ход министерства заключался в том, что английский банк, вкладывающий деньги в транспорт Ближнего Востока, принадлежал кузенам графа Гарри, братьям Линч. Именно Генри Линчу и нанес визит

в то утро Гарри. Он прекрасно знал, как нужно себя вести с людьми, от которых хочешь чего-то добиться. Недаром он отлично ладил с такими уникальными эгоцентриками, как Огюст Роден, Аристид Майоль и Гуго Гофмансталь.

Его кузен Генри Линч внимательно выслушал предложение Дойче Банка, изложенное графом Гарри в свойственной ему лестной фразеологии. По его словам, дело не в баснословной цене проекта, а в его политическом влиянии. Если железная дорога Берлин—Багдад будет принадлежать исключительно Германии, то неизбежно вспыхнет военный конфликт между Германией и Британией, а этого нужно избежать во что бы то ни стало. Генри Линч согласился, но не преминул задать важный вопрос: «А что Англия получит за свое участие в железнодорожном проекте?» На это у графа Гарри был готов ответ: «В этом случае Германия не будет возражать против единоличного влияния Британии на политику и экономику государств Ближнего Востока». Его слова явно удовлетворили Генри Линча, и он обещал подумать, но проницательный Гарри почуял, что кузен готов к положительному ответу на его предложение.

Поэтому, направляясь в ресторан «Савой», где его ожидал ужин с Майолем, довольный собой Гарри вдруг понял, что перед ним открывается новая карьера, дипломатическая.

Вернувшись в Веймар, граф почувствовал, что его отношения с эрцгерцогом становятся все хуже. В начале ноября тот пожелал посетить мастерские приглашенных скульпторов — так называли знаменитых представителей искусств, получивших стипендии и мастерские при музее Кесслера. Прохаживаясь среди эскизов и гипсовых слепков, эрцгерцог постепенно наливался злостью — ясно было, что он не понимает смысла того, что видит. «Что это такое?» — сердито спросил он, тыча пальцем в один из эскизов, и поспешил к выходу.

«Надо же, какой грубый мужлан! Милая покойная эрцгерцогиня не сердилась бы, а радовалась находкам моих подопечных», — огорчился Гарри и приготовился к неприятностям.

И, предвидя их, постарался задобрить эрцгерцога. Для этого он устроил у себя дома званый обед, на который пригла-

сил эрцгерцога, некоторых влиятельных граждан Веймара и самых знаменитых представителей разных искусств — скульпторов, художников, писателей. Он тщательно продумал меню, составил набор лучших вин и рассчитал, кого с кем посадить рядом, — в таких делах не было ему равных. Поначалу разговор за столом тек напряженно, но после нескольких бокалов отличных вин языки развязались и беседа стала оживленной. Один из художников произнес тост в защиту постимпрессионизма, на что эрцгерцог возразил, что искусство должно радовать глаз, а не раздражать. И тут наступил час графа Гарри. Он произнес звездную речь в защиту принципов своего музея — ни одному из современных течений не давать преимущества, а представлять в равной мере всех. Эрцгерцог выразил полное согласие с этим принципом и ушел далеко за полночь в хорошем настроении.

Петра

Результатом этого прелестного вечера явилось разрешение эрцгерцога сделать выставку произведений искусства в стиле модерн в одном из залов музея Гете. Гарри из чистой вежливости отправился сообщить об этом директору музея. Услышав новость, тот пришел в неопишемую ярость: затопал ногами, затряс руками и побагровел так, что Гарри испугался, как бы старика не хватил удар.

— Только через мой труп я впущу в музей эту грязь! Этого ужасного грязного Гогена, способного осквернить наш замечательный город!

Однако он не посмел ослушаться всемогущего эрцгерцога и предпочел выйти в отставку. И все же это не спасло графа Гарри от гнева благочестивых граждан благородного города Веймара.

Граф Гарри

Гарри с удовольствием оглядел выставочный зал. Все было отлично — и элегантно обрамленные уникальные роде-

новские акварели, и льстящее им освещение, умело сконцентрированное в нужных точках. Сердце Гарри ликовало — никому еще не удавалось собрать столь полную экспозицию гениальных работ Родена. Эта экспозиция должна принести заслуженную славу не только самому скульптору, но и достойному этой славы прекрасному городу Веймару. Гарри остановился перед одной, особенно радующей его сердце картиной — на ней была изображена фигура женщины, приседающей на корточки. Именно приседающей, а не сидящей. Рисунок был смелым, стремительным, летящим — движение женщины схвачено со спины так натурально, что сразу становилось ясно: она садится, а не встает. При взгляде на этот эскиз сердце Гарри задохнулось от восторга.

Налюбовавшись, он погасил свет, прикрыл ставни и посмотрел на часы. Пора торопиться, до вернисажа оставалось не так уж много времени, а нужно успеть принять ванну, немного отдохнуть и тщательно одеться, не упуская мелочей. Все вроде предусмотрено — запонки, галстук, манжеты, но что-то может быть упущено.

Он подъехал к музею за четверть часа до открытия выставки и увидел, что публика уже начала собираться: по прогулочной дорожке перед входом прохаживались элегантно одетые дамы и мужчины в вечерних костюмах, некоторые даже во фраках. Внутри служители в белых куртках готовили легкую закуску — разливали по бокалам пенистое рейнское вино и раскладывали на блюдах крохотные печенья, украшенные маленькими ломтиками сыра. В вечернем воздухе была ощутимо разлита праздничная атмосфера. Это был триумф графа Гарри — даже в Париже никто не сумел бы собрать такую полную коллекцию акварелей великого Родена. Да еще с дарственной надписью самому эрцгерцогу.

Домой он вернулся поздно, довольный и убагодворенный. В голове пенилось от выпитого рейнского вина и комплиментов публики. Утром его разбудил тревожный стук в дверь. Он услышал, как слуга лениво прошаркал открывать

дверь, и глянул на часы — было уже десять, он здорово проспал, видно, перебрал вчера рейнского вина. В спальню, потрясая газетой, без стука ворвался его друг, архитектор Ван дер Вельде.

— Ты только послушай, что тут написано! — закричал он, и с ходу начал читать:

«Увы, иногда в нашем прекрасном музее на Карлплац бывают выставлены экспонаты, глубоко оскорбляющие наши чувства. И мало того, что эти экспонаты отвратительны, они еще дерзко посвящены нашему обожаемому эрцгерцогу. Это тем более возмутительно, что наш дорогой эрцгерцог, отбывший с государственным визитом в Индию, не может лично отвергнуть такое безобразное посвящение. Особенно оскорбляет глаз вид сзади одной сидящей на корточках обнаженной женской фигуры, явно намеренной опорожниться. Фигура эта не отличается ни красотой, ни молодостью, а только лишь желанием художника плюнуть в лицо морали и нравственности. Внимательно осмотрев экспонаты выставки, мы настоятельно советуем нашим дочерям и женам воздержаться от посещения музея».

— А что станет с их женами и дочерьми, если они увидят фигуру обнаженной женщины, сидящей на корточках? — удивился Гарри. Он еще не осознал серьезности ситуации, в отличие от Ван дер Вельде:

— Напрасно ты шутишь, Гарри. Тебе эта статейка может стоить директорского поста.

— Оставь, Анри, — собака лает, ветер носит.

— Напрасно ты так легкомысленно относишься к этой статейке. За ней стоят твои враги и завистники.

Но Гарри все еще не врубился в ситуацию:

— А что, у меня есть враги и завистники?

— Перестань паясничать, — рассердился Анри. — Бьюсь об заклад, что это замечательное творение уже едет в Берлин к императору!

— Только не преувеличивай! Что, у императора нет других дел, кроме художественных выставок?

Нейра

Ах, боже, как он был не прав! Император Вильгельм Второй терпеть не мог модерн в искусстве и только и ждал случая, чтобы что-нибудь запретить, а может быть, даже желал приструнить графа Гарри, который слишком много о себе вообразил. Хотя Вильгельм Второй уже много лет восседал на императорском троне, он все еще не забыл, как его покойный дядя Вильгельм Первый обхаживал и баловал этого щелкопера, который хорош собой и легок в движениях, тогда как бедный Вильгельм Второй, хотя и император, был неуклюж, криворук и кривошей.

Поэтому, насладившись троекратным чтением статьи из веймарской газеты, он с удовольствием поставил поперек ее текста свой приговор: «Гнать ногой под зад!» Всякому здравомыслящему человеку было ясно, что гнать надо было не знаменитого французского скульптора Родена, а своего зарвавшегося наглеца, осмелившегося представить благочестивой публике города Веймара рисунок обнаженной женщины, сидящей на корточках. Так что вернувшемуся из Индии эрцгерцогу ничего не осталось, как выгнать ногой под зад своего уже бывшего фаворита графа Гарри из созданного им музея. Не помогли ничьи просьбы и ходатайства и даже слезы любимицы эрцгерцога Элизабет Ницше. Он был неумолим.

Но увольнение с поста директора недостаточно выполняло приказ императора насчет ноги под зад, тем более что граф Гарри был финансово независим и жалованья не получал. Нужен был еще один пинок, более чувствительный, вроде плевка в лицо. Император был крут. Эрцгерцог не то чтобы его боялся, но слегка трепетал в предчувствии его гнева. А сомнения не было в том, что прусский посол в Веймаре детально докладывал императору обо всем происшедшем при дворе эрцгерцога.

Плевок в лицо получился сам собой, когда во дворце эрцгерцога был устроен прием в честь благополучного возвращения его светлости из Индии, где он участвовал в опасной охоте на слонов. Эрцгерцог лично пожал каждому приглашенному

на прием руку, и только когда к нему приблизился граф Гарри, демонстративно повернулся к тому спиной. Гарри на секунду онемел от такой несправедливой обиды, но быстро взял себя в руки и спокойно отошел к окну, будто просто проходил мимо его светлости, вовсе не рассчитывая на его рукопожатие. Маневр этот, конечно, никого не обманул — все, особенно враги и завистники, хорошо поняли, что произошло.

Простояв у окна несколько минут, Гарри не спеша покинул зал и спустился в сад по парадной лестнице. Убедившись, что никто из придворных его не видит, он быстрым шагом вышел на дворцовую площадь и, не взглянув на вереницу фиакров и карет, дожидавшихся окончания церемонии, отправился пешком по нарядной центральной улице. Накрапывал мелкий дождик, но Гарри это не замечал: по его лицу текли слезы — он оплакивал свою так неожиданно-негаданно рухнувшую заветную мечту!

Элизабет

Гарри не помнил, сколько времени он шагал мимо красивых особняков центральной улицы, сжимая кулаки и утирая слезы. Неужели у него не будет больше дорогого его сердцу музея, в который он вложил столько сил и любви? Неужели больше никогда ему не удастся создавать великих художников — находить их, приручать и открывать миру, прирученных? Один Майоль чего стоит — кто бы, кроме Гарри, умудрился прославить такого неотесанного мужика? А остальные? Трудно сосчитать, скольких он вытащил из небытия и безвестности, не только художников и скульпторов, но также поэтов и драматургов. Одним из его достижений был Гуго фон Гофмансталь, которого после премьеры «Царя Эдипа» без сомнения можно смело назвать величайшим современным поэтом Германии. Где бы сейчас был Гуго без постоянной поддержки графа Гарри?

А Элизабет с ее Архивом Фридриха Ницше? Так бы и ютилась в своем захолустном Наумбурге в нищем доме с протекающей крышей! И кто знает, может быть, без участия гра-

фа Гарри великие идеи Фридриха так и были бы засыпаны песком забвения? А семинары по искусству? А классы? А лекции? Теперь все пойдет прахом!

Погруженный в отчаяние, он не заметил, как рядом с ним остановился фиакр, но все же наконец услышал женский голос, многократно повторяющий его имя. Из окна фиакра выглянула Элизабет.

— Садись ко мне, Гарри, — сказала она, неожиданно переходя на «ты», как старшая. Элизабет и была старше графа на двадцать два года.

— Они все видели, — пожаловался Гарри, садясь рядом. Элизабет вынула из сумочки батистовый носовой платочек и вытерла мокрое лицо графа. Хотя он долго шагал под дождем, она все же заподозрила, что лицо его увлажнено слезами:

— Не нужно плакать из-за них, Гарри. Они гнусные люди и не стоят твоих слез.

— Я плачу не из-за них, а из-за музея. Я этого так не оставлю, я обращаюсь за помощью к императору.

— Император тебе не поможет.

— Почему не поможет?

— Неужели ты думаешь, что эрцгерцог расстался с тобой по собственной воле? Он просто выполнил приказ императора.

— Не может быть! Император ко мне расположен. Меня не раз приглашали во дворец на концерты и ужины...

— Был расположен, но уже нет.

— Откуда ты знаешь?

— Сознаюсь, я ходила к эрцгерцогу просить за тебя. Я даже плакала и умоляла его не увольнять тебя. И тогда он показал мне отзыв императора на ту ужасную статью. — Элизабет секунду подумала и решила смягчить формулировку. — Император написал кратко: «Гнать в шею!»

— И одной статьи было для этого достаточно?

— Увы, она была не одна. Ты даже представить себе не можешь, сколько доносов от твоих приятелей и собутыльников он получил из-за этой злополучной выставки.

— Настолько она их возмутила?

— Я думаю, они просто воспользовались случаем, чтобы от тебя избавиться.

— Чем я им мешал? — задохнулся Гарри.

— Тем, что ты такой красивый и удачливый. Тем, что ты заполнил их пыльный город шумной толпой туристов. Тем, что из-за тебя туристы вместо музеев Гете и Шиллера посещают Архив Ницше. Разве этого мало?

Нетра

Изгнанный из рая граф Гарри уехал в Берлин в поисках утешения, того, чем сердце успокоится. И не успел как следует оглядеться, как его пригласил к себе герр Гвиннер, член совета директоров Дойче Банка, ответственный за финансирование железной дороги Багдад—Берлин. Герр Гвиннер недоумевал, почему ему, ссылаясь на графа Гарри Кесслера, позвонил директор английского банка «Братья Линч» и предложил взять на себя долю участия в постройке месопотамской железной дороги. Вопрос этот смутил Гарри — ему стало ясно, что господин ЛЛ. не посвятил своего заместителя в секрет его прошлой английской миссии. Графу понадобилась изрядная хитрость и изворотливость, чтобы выйти из неловкого положения и не выдать могущественного директора Дойче Банка. Удачно справившись с вопросами Гвиннера, он решил, что пора подумать о дипломатической карьере.

Граф Гарри

Сразу по приезде в Лондон граф Гарри послал курьера в германское посольство, чтобы известить об этом посла Вилли Метерниха. Не прошло и получаса, как Вилли примчался к графу в отель и предложил пообедать у него дома, чтобы избежать любопытных ушей. Они надолго засиделись у камина в уютной столовой, обсуждая множество наболевших проблем — и строительство месопотамской железной дороги, и обиды все растущей в Англии немецкой общины, и ус-

пехи немецких живописцев на лондонских выставках. Между делом посол поделился с Гарри последними пикантными сплетнями из жизни королевского дома и попросил избавить его от посещения ланча в имении бывшей любовницы короля. Судя по всему, Гарри ему помог.

Нетра

Я не собираюсь описывать все дипломатические успехи моего героя, только уверяю, что их было немало. Но они не могли вытравить из сердца его главный интерес — любовь к открытию новых талантов. И преданность идее проповеди наследия его кумира, Фридриха Ницше.

Граф Гарри

Граф Гарри откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Перед его внутренним взором проступил вполне реалистический образ задуманного им проекта — постройки грандиозного мемориала Фридриха Ницше. С годами его восхищение великим философом не только не угасало, но разгоралось все ярче. Ради него Гарри переступил через обиду, нанесенную ему эрцгерцогом, когда тот, поддавшись давлению пошлых буржуазных ханжей, уволил Гарри с должности директора созданного им музея.

Сначала оскорбленный Гарри хотел покинуть Веймар, но, сдавшись на уговоры Элизабет, повременил с отъездом и постепенно одумался. Зачем он должен уезжать? Чтобы доставить удовольствие своим гонителям? Ведь он выбрал для себя этот город ради прославления кумира, а для увековечивания памяти Фридриха еще не все сделано. И граф начал разрабатывать грандиозный проект мемориала Ницше.

Кроме того, потеряв пост директора музея, он опять обрел былую свободу. Не связанный никакими обязательствами, мог в любой момент покинуть Веймар и уехать, куда ему вздумается. Гарри только вчера вернулся из очередной по-

ездки в Париж, куда отправился на несколько дней по приглашению знаменитого русского хореографа Дягилева, чтобы присутствовать на премьере балета Стравинского «Весна священная» с участием любимца Дягилева танцора Нижинского. Красота и талант Нижинского потрясли даже выдавшего виды графа Гарри. Он завершил этот памятный вечер романтической поездкой с Нижинским по пустынным улицам ночного Парижа.

Поток его мыслей был прерван цокотом каблучков Элизабет по ступенькам лестницы, ведущей из выставочного зала в контору Архива, где и для письменного стола Гарри нашелся уютный уголок. Элизабет ворвалась в благополучную тишину его воспоминаний с отчаянной мольбой о помощи.

— Гарри, дорогой, пожалуйста! Останови Томаса! Только ты можешь его отговорить!

— От чего отговорить?

— Ты ведь понимаешь от чего, правда?

— Что, он тоже хочет уйти в отставку?

— Ну да, в отставку, как все эти высоколобые знаменитости! — заплакала Элизабет.

— О великий боже! И Томас Манн хочет уйти в отставку? Он уже седьмой! Сознайся, что ты натворила?

— Ума не приложу. Спроси у него.

Гарри поспешил вниз, миновал длинный зал экспозиции и, свернув к двери кабинета директора Архива, осторожно постучал. Томас Манн ответил не сразу. Гарри подождал полминуты, постучал опять и решительно вошел. Знаменитый писатель, сгорбившись над письменным столом, выгребал из ящиков бумаги и мелкие вещички и бросал их в дорожный саквояж. По резким взмахам руки было видно, что он крайне раздражен.

— В чем дело, Томас?

— Все, все, ухожу! И не удерживайте меня! Она меня довела! Я наглotalся дерьма досыта!

— Хорошо, хорошо, никто вас насильно удерживать не будет, — почти проворковал Гарри. — Но хоть объясните, в чем наша дорогая Лиззи провинилась.

— А вы не знаете? — ощерился знаменитый писатель. — Она вам не сказала?

— По-моему, она сама не знает.

— Как же, не знает! Даже кошка знает, чье мясо съела.

— А чье мясо наша кошка на этот раз съела?

Гарри придвинул стул и сел на него верхом — было ясно, что разговор предстоит долгий. Манн покосился на него, перестал бросать безделушки в саквояж и лихорадочно забегал по комнате.

— А все то же — мясо своего брата, как всегда.

— По-вашему, Лиззи ест мясо Фридриха? — взорвался Гарри.

— А что есть этот прекрасный Архив, как не комбинация огрызков плоти великого философа, переработанных практичным умом его сестры?

— И что в этом плохого? Ведь вы понимаете, что без ее практичного ума этого прекрасного Архива не было бы вовсе.

— Но есть предел жульничеству и обману! — вспыхнул писатель.

Граф Гарри сделал вид, что его не понял.

— О чем вы говорите, Томас?

— Разве вы не знаете, что фрау Фюрстер собирается издавать новый дополненный вариант книги Ницше «Воля к власти»? Как вам нравится: новый вариант книги, автор которой мертв уже десять лет?

— А если предположить, что, разбирая бумаги брата, Лиззи нашла новые странички книги? Ведь при жизни Фридриха она не была издана.

— Ради бога, Гарри, не изображайте из себя наивного идиота! Кто лучше вас знает, что книга «Воля к власти» была не только не издана при жизни Фридриха, но даже и не написана. Он оставил после себя всего несколько разрозненных листочков с не всегда ясными афоризмами, и только.

Гарри попробовал занять защитную позицию:

— Откуда вы это взяли?

— Я — директор Архива Ницше уже десять месяцев. Я это время даром не терял и добросовестно изучил все документы Архива!

— А я-то думал, что вы используете это свободное от житейских забот время для творчества! Ведь вы писали день и ночь. Мне даже известно, что ваш новый шедевр будет называться «Смерть в Венеции», не правда ли?

— Я вижу, от ваших шпионов не укроешься, — засмеялся Манн. — Но и мой зоркий глаз много чего интересного здесь разглядел.

— Что же он разглядел? — окрысился граф.

— Что книгу, как она есть, дописала фрау Фюрстер по своему разумению, — прищурился Манн. — Надеюсь, вы имеете представление о ее разумении?

— Вы напрасно принижаете ее способности. Она очень востра, просто у нее другой ум, который не нужно недооценивать. Ведь вы сами пять минут назад признали, что без ее практического ума нашего прекрасного Архива не было бы вовсе.

— Пусть вы даже правы, — согласился Манн. Но тут же возразил сам себе: — Только зачем она со своим практическим умишкой лезет в переделку книг, которые не ее ума дело?

— Ясно зачем — чтобы они лучше продавались. Книги нашего возлюбленного кумира в ее редакции гораздо понятнее простым людям, чем его оригинальное творчество. Не все же такие изысканные читатели, как мы с вами.

Манн не поддался на лесть.

— Значит, это для простого читателя она включила в оглавление будущей книги главу «Порода и родословная»? Мне кажется, это глава была бы более уместна в ненаписанной книге Бернарда Фюрстера, покойного супруга Лиззи.

— А вам не все равно, что в оглавлении этой новой книги будет?

— Еще как не все равно! Там на титульной странице написано — Архив Фридриха Ницше, генеральный директор Томас Манн! Я не могу позволить, чтобы мое имя появилось в таком контексте. Теперь вам придется снять его с титула.

— К сожалению, я не могу вас удержать насильно, Томас, — опечалился Гарри. — Но мне очень, очень жаль, что вы нас покидаете.

Манн, казалось, окончательно поставил точку на своих отношениях с Архивом Ницше. Он захлопнул саквояж и, сутулясь, направился к выходу. Однако в дверях он неожиданно замедлил шаг и обернулся к графу:

— Скажите, Гарри, а вас не пугает опасность практических результатов, к которым эта система упрощения может привести?

— Не пугайте меня, Томас! — засмеялся граф Гарри. — Какой философский трактат может привести к практическим результатам?

Нетра

Интересно, вспомнил ли граф Гарри Кесслер этот разговор через двадцать пять лет, когда он вынужден был спасаться бегством из гитлеровской Германии, провозгласившей идеологическим кумиром нацистской партии философа Фридриха Ницше, упрощенного своей сестрой Элизабет?

Граф Гарри

После демонстративного ухода Томаса Манна с поста директора Архива граф Гарри мог бы рассердиться на Элизабет, но он не мог на нее сердиться — не было у него союзника верней и преданней. За долгие годы их совместной борьбы за внимание общества он хорошо изучил ее достоинства и недостатки. И те, и другие были направлены к одной цели — к прославлению идей и образа Фридриха Ницше. А если Элизабет иногда и себя не забывала — что ж, он мог ей простить эту маленькую слабость.

И все же надо было ее наказать. Ведь Гарри опять придется искать нового директора Архива, уже восьмого, — кого-нибудь из уважаемых и знаменитых, который из-за проказ Элизабет хлопнет дверью, пожалуй, раньше, чем через год, именно потому, что он уважаемый и знаменитый. Самый лучший способ наказания — отъезд из Веймара в Берлин, тем более что у Гарри там накопились много неза-

вершенных дел. В первую очередь это открытие выставки норвежского художника Эдварда Мунка, которого европейское артистическое сообщество никак не желает признать, частично из-за его оригинального стиля, частично из простой ревности — уж больно хорош! Впечатленный мастерством Мунка, граф Гарри поставил себе целью добиться признания художника — он снял для выставки дорогостоящий зал в центре города и пригласил на вернисаж своих многочисленных друзей из журналистов и критиков.

По приезду в берлинскую квартиру Гарри прочел письмо от поэта Райнера Мария Рильке, который просил его о встрече. Граф был не прочь встретиться с Рильке, он считал его неплохим поэтом, хотя порой, на вкус Гарри, слишком туманным. А главное — Рильке был большим поклонником Родена, почти год работал у того секретарем и в результате написал довольно впечатляющую книгу о творчестве великого скульптора. За что Роден на него обиделся и уволил.

На обед к Гарри Рильке пришел с женой, с которой, по слухам, давно был в разводе, но продолжал время от времени появляться в свете. После их ухода граф Гарри написал в дневнике:

«Странная пара. Она — волевая с мужскими чертами, он — гораздо более женственный, особенно когда говорит, — голос его напоминает голос обиженной судьбой девушки».

Рильке рассказал, как он, рожденный и воспитанный в Праге, в немецкой семье, запрещавшей ему знание чешского языка, пришел к особой любви к славянским наречиям.

— Все началось с того, — тонким голоском произнес Райнер, — что я с подругой отправился в Москву. Поехал как спутник, ничего от этой поездки не ожидая. Окна нашей комнаты в гостинице выходили прямо на кремлевскую площадь, можно было видеть часовню, убранство которой отливало серебром, и свечи там горели денно и ночью. Туда непрерывно стекались люди, становились на колени и молились. И я, бездомный с детства, вдруг почувствовал, что вернулся домой. На следующий год я опять отправился в

Россию, на этот раз путешествовал по ее великой реке Волге, желая еще раз подтвердить чувство родства с этой страной и ее культурой.

Граф Гарри отнесся бы с большим доверием к рассказу Рильке, если бы не знал имени подруги, которую он сопровождал в поездке по России. А была это та самая женщина, которую Гарри люто невзлюбил много лет назад, женщина, утверждающая, что она и есть Заратустра, источник всей идеологии Ницше, создательница всех его теорий и автор афоризмов, неотразимая Лу Андреас фон Саломе.

Лу

Невысокий молодой еврей был хорош собой. Совсем молодой, не старше Райнера. У него были яркие еврейские глаза и чувственный еврейский рот. Но на удивление он не проявил ни капли чувственного интереса к Лу. Это было необычно и обидно. Неужели она для него стара? Впрочем, какая разница? Она была удовлетворена сексуальной жизнью с Земяком и прекратила свои лихорадочные поездки по европейским столицам в поисках приключений. И все же равнодушие молодого еврея к ее чарам было неприятно. Она сделала пробный выпад:

— Я не совсем понимаю, чего вы хотите от меня, господин Бубер?

— Можете звать меня просто Мартин. Я хочу, чтобы вы написали эссе об эротике для моего сборника «Серии».

Об эротике! И это при полном отсутствии эротического влечения к ней!

— Почему именно я?

— Потому что вы свободны от предрассудков и прославились своим откровенным признанием эротического чувства у женщин. А в нашем буржуазном обществе все еще принято считать, что женщины равнодушны к сексу.

— Такая у меня оказывается репутация! В просторечии это называется шлюха.

— Оставьте, очаровательная Лу. Я не называл вас шлюхой. Да ведь и вас не интересует ни просторечие, ни буржуазная мораль.

— Меня интересуют вы! Что привело вас ко мне?

— Вы хотите знать, влюблен ли я в вас, как все остальные? Нет, не влюблен, во всяком случае пока.

— Что значит — пока?

— Пока вы не напишете мне то, что мне нужно для моего сборника. Я не хочу зависеть от вашей милости.

И как ни странно, она, отложив все предыдущие замыслы и проекты, принялась в экстазе излагать свои соображения об эротике. Она писала с каким-то несвойственным ей остервенением, словно выпуская на волю скрытые где-то в глубине души мысли, давно взлелеянные ею, но запретные даже для себя самой. Она настаивала, что миром правит любовь, любовь чувственная, телесная, важнейшей составляющей которой является эротика. Ее уже не пугало, что уважаемое общественное мнение накажет ее за столь непристойное вольнодумство. Особенно увлекала ее мысль о верности, вернее, о неверности. Эротика — это средство, которое позволяет мужчине и женщине на миг слиться в единое целое. Но чем утонченнее натура, тем труднее партнерам удовлетворить друг друга. И потому каждый из них в поисках удовольствия ищет все новых и новых возможностей. Это означает, что для утонченной натуры верность невозможна, а неверность неизбежна. И нет разницы, мужчина это или женщина.

— Замечательно! — воскликнул Мартин, наскоро пролистав рукопись. — Как раз то, что нужно!

Он не слишком заинтересовался размышлениями Лу о неизбежной неверности избранных особей, но был в восторге от ее интерпретации эротической любви. Потому что сам он занимался толкованием религиозного чувства. И для понимания этого чувства предложил философскую идею разложения отношений человека и Бога в терминах «ты» и «я». В обычной жизни «ты» и «я» отделены друг от друга, зато в момент религиозного экстаза они сливаются в единое целое, как мужчина и женщина в истинном акте любви.

Мартин Бубер опубликовал эссе Лу «Эротика» отдельной книгой, которая выдержала пять изданий.

Петра

Честно говоря, меня это весьма удивило — я добросовестно пыталась прочесть эту книгу, но мне редко удавалось прорваться сквозь туманную пелену писательской манеры Лу. Ее мысли, возможно, были оригинальны и смелы для ее времени, но я сомневаюсь, что средний читатель мог глубоко проникнуть в невразумительную вязь ее размышлений. Скорей всего читателей увлекала сама тема, особенно та ее часть, которая касалась эротики женщин.

Лу

Да, Лу сама написала, что для утонченной природы верность невозможна, а неверность неизбежна. Она — умная девочка, и не следовало бы огорчаться, что Земек ей изменяет. Ведь Лу не сомневалась, что он утонченная натура, а значит, эта измена предсказана ею самою. И все же Лу не могла избавиться от удушливого чувства обиды — привыкла, что инициатива разрыва всегда принадлежит ей. Собственно, инициатива разрыва у нее осталась, и нужно воспользоваться ею как можно скорей. Об интрижке Земека с молодой медсестрой Лу узнала случайно, но уже пару месяцев чувствовала не то чтобы его охлаждение, но какую-то неуловимую прохладу его ласк. Так что настала пора разлуки. А жаль, это было счастливое время, творческое — она так много написала за эти годы.

Но ведь хорошо и вернуться домой к Карлу, а то, если его опять не приручить, он может совсем от нее отвыкнуть. Да и Маришка подрастает, ее тоже нужно приручать, и она может отвыкнуть, несмотря на всю вложенную в нее любовь.

Вещей у Лу было не так уж много, она позвала горничную Хильду, чтобы та сложила чемоданы и вызвала фиакр. Если горничная и удивилась, то виду не подала, хотя Лу не сомневалась, что как только за ней захлопнется дверь, Хиль-

да помчится докладывать Земеку о ее отъезде. В этом таилась любопытная загадка: устремится ли Земек на вокзал, чтобы остановить Лу и уговорить не покидать его?

Поезд на Берлин подошел к платформе слишком быстро, чтобы Лу смогла честно решить эту загадку. Но все же она ждала на платформе довольно долго, так что было неясно, достаточно ли поторопилась Хильда проинформировать хозяина или хозяин недостаточно поторопился, чтобы задержать любимую женщину, то есть была ли эта женщина достаточно любимой.

В поезде Лу почувствовала себя немного лучше — самые светлые дни в ее прошлом были связаны с поездами. Как давно это было, до Райнера и Земека, когда она с радостью порхала по Европе, легко меняя адреса и любовников. Похоже, постоянство не пошло ей на пользу. Именно в тот момент, когда она поняла это, на платформу вбежал встрепаный Земек и помчался к вагонам первого класса — он знал, что его Лу вторым не ездит. Но только он поравнялся с окном, за которым сверкали глаза Лу, состав тронулся и покатил прочь от Земека. Тот отчаянно замахал руками, пробежал за поездом несколько шагов и постепенно стал отставать.

Лу бы обрадоваться — ведь он все же поспешил за ней на вокзал, — но она вовсе не обрадовалась, а опечалилась: славная сказка кончилась и прошлого не вернуть. Да и радоваться было нечему — ей предстояла встреча с Карлом, который непременно будет наказывать ее за все, и за Райнера, и за Земека, так что даже мысль о Маришке не могла ее утешить.

Наутро, выпив чашечку кофе на берлинском вокзале, она попросила носильщика нанять для нее фиакр и погрузить чемоданы. Но, оказавшись у дома в Шмаргендорфе, она обнаружила на пороге другую гору чемоданов, а рядом с ними заплаканную Маришку.

— Не хочу уехать! — рыдала Маришка. — Мама Лу никогда нас не найдет!

— Ну и пусть не найдет. Мы от нее убежим и спрячемся! — сказал Маришке Карл, выходя на крыльцо. И осекся, увидев появившуюся из фиакра Лу.

Однако, надо отдать ему должное, он быстро нашелся. Простер к Лу руки и воскликнул:

— А ты вовремя привела нам фиакр! Мы как раз собирались за ним послать садовника на станцию!

— И куда, вы, интересно, собрались без меня?

А Маришка уже висела у нее на шее, вытирая об ее плечо мокрый от слез нос.

— Мама Лу! Как хорошо, что тоже поедешь с нами, и мы спрячемся все вместе!

— Где же вы собирались от меня спрятаться? — спросила Лу мужа.

От нее не укрылось, как Карл опасно покосился на входную дверь. «Конечно, он знает, что Мари подслушивает как всегда».

— Меня пригласили профессором в университет в Геттингене. И я купил там дом.

— Купил дом, а мне ни слова? Почему?

— Мы хотели от тебя спрятаться, — объявила Маришка.

— И ты тоже хотела?

— Я плакала, но они объяснили, что это такая игра.

Решив, что пора вмешаться, Мари выскочила на крыльцо.

— Не слушайте вы ее, фрау Андерс! Мало ли что моя девочка может придумать!

Лу твердо спустила Маришку на землю:

— Но то, что вы собирались уехать отсюда, не известив меня, моя девочка не придумала, правда, Маришка?

Маришка почуяла неладное и опять приготовилась плакать.

— Они сказали, что это такая игра — вроде в прятки.

Кучеру надоело ждать.

— Вы собираетесь платить, уважаемая фрау? Мне пора ехать обратно.

— Но зачем же уезжать? — удивился Карл. — Ведь мы решили, что вы отвезете нас на берлинский вокзал.

— Но я не могу взять сразу всех вместе с вашими чемоданами.

— Не нужно всех вместе, — быстро решила Лу. — Вы возьмете нас троих и пару чемоданов, а мы придем со станции другой фиакр за Мари и остальным багажом.

Мари вспыхнула и хотела было возразить, но Карл остановил ее взглядом. Она смирилась, понимая, что спорить нет смысла, — не оставлять же Лу с их багажом. Но все же не сдалась окончательно:

— А Маришка поедет со мной, правда, доченька?

— Совсем неправда, — возразила доченька, — я соскучилась и хочу с мами Лу.

Не ожидая новых возражений, Лу быстро посадила девочку в фиакр и взобралась вслед за ней, так что Карлу ничего не осталось, как последовать за ними. Покачиваясь на мягких рессорах, Лу опять почувствовала себя счастливой — она одержала маленькую победу. Она очень любила побеждать.

Петра

Так началась новая полоса жизни Лу — жизнь без Земека.

Лу

Надо сказать, что после бегства от Земека жизнь оказалась не такой уж печальной. Не говоря уже о том, что брошенный ею Зедек засыпал ее градом слезных писем, умоляя вернуться, а новый дом в Геттингене доставил ей неожиданную радость. Он был прелестным, отлично спланированным, просторным, с большими комнатами и огромным запущенным садом, который только и ждал, чтобы кто-нибудь о нем заботился. И Лу занялась садом — она наняла молодого улыбчивого садовника, и они часами сажали цветы, стригли кусты и окапывали деревья.

Пришлось, конечно, преодолевать отчаянное сопротивление Мари, привыкшей за последние годы быть полноправ-

ной хозяйкой в доме Карла. Но Лу нравилось бороться, и она всегда добивалась своего. Тем более что Карл не вмешивался, а маленькая Маришка неизбежно была ее верной союзницей.

Несколько месяцев она наслаждалась покоем — копалась в саду, никуда не стремилась, читала забытые книги и почти ничего не писала. Потом это инертное существование начало ее беспокоить — не означало ли оно приближение старости? Ведь через год ей неизбежно исполнится пятьдесят лет — это страшная цифра, когда-то она даже представить себе не могла, что доживет до половины столетия. Да и сейчас это было нелепо — она все еще чувствовала себя молодой. И чтобы доказать это себе и другим, она обязана преодолеть инерцию комфортабельного бытия и тронуться в путь.

Лу еще не знала куда, но это было неважно. Важно сойти с места и тронуться в путь — стоять у вагонного окна под перестук колес и ожидать новых встреч и новых увлечений. Коротких, ни к чему не обязывающих, но наполняющих душу верой в свою силу и чары.

Принять решение, куда ехать, ей помогло очередное письмо Райнера, в котором он рассказывал, как провел несколько счастливых месяцев у своих шведских друзей. Его послания — одна из причин главных страданий ее жизни — Райнер всегда был бездомным, неустроенным, нелюбимым и неприкаянным. И только она, Лу, могла спасти, приютить и приласкать его. Ей было безумно его жаль, хотя иногда ей казалось, что он такой бездомный и неустроенный только для того, чтобы она наполнилась состраданием и опять взяла его к себе, как голодного котенка. Она ведь точно знала, что у него за эти годы было несколько возможностей наладить свою жизнь, взвалив бремя ответственности на плечи какой-нибудь другой женщины, очарованной его талантом и бесприютностью. Но всегда в последнюю минуту он устраивал любое безобразие, навсегда отвращавшее от него эту несчастную другую женщину, и сказка кончалась разрывом и слезами.

Писал Райнер хотя и жалостно, но художественно, так что его описание шведской жизни подтолкнуло Лу отправиться в путешествие по Швеции, которая очень пришлась ей по сердцу — своими дремучими лесами и зеркальными озерами она напоминала ей окрестности Санкт-Петербурга. Она все чаще вспоминала свое российское детство, с годами оно начинало казаться ее все более и более счастливым. Не говоря уже о неизгладимой памяти о ее беззаветной дружбе с отцом, даже конфликтные отношения с матерью представлялись почти пасторальными.

Эти отношения постепенно улучшались после каждого очередного визита Лу в Петербург — то ли Лу смягчалась, то ли мать становилась не такой непримиримой. Последний визит врезался в память Лу особенно пронзительной сценой. Ее берлинский поезд уходил из Петербурга на рассвете, и она, попрощавшись с матерью накануне вечером, утром на цыпочках вышла в прихожую, стараясь не потревожить хрупкий сон старой женщины. И вдруг к своему изумлению наткнулась на поджидавшую ее мать. В несвойственном ей порыве Лу сделала то, чего не делала с детства, — обняла маму и прижалась щекой к ее щеке. Обе щеки были мокрые от слез. Это были прощальные слезы — через несколько месяцев мать Лу скончалась.

Она оставила дочери небольшое наследство. На привычно хорошую жизнь этих денег бы не хватило, но хорошая жизнь Лу была надежно обеспечена Карлом, так что можно было потратить их на что-нибудь безумное и неординарное. Нужно было только придумать, на что именно. Лу не сомневалась, что реальность поможет ей решить этот вопрос, а пока она, насытившись красотами шведской природы, отправилась в Стокгольм, который отложила на десерт.

Стокгольм потряс Лу портретным сходством с Санкт-Петербургом. Любуясь прозрачными каналами и нависшими над водой мостами, она чувствовала, что вернулась домой, и, умиротворенная, решила нанести светский визит поэтессе Эллен Кей, приятельнице Райнера, которая курировала переводы его поэзии на шведский язык. Она шла к

Эллен, с печалью думая о том, что в Швеции Райнер гораздо более популярен, чем в родной Германии. Она даже не подозревала, что этот визит перевернет весь ход ее жизни.

Нетра

Этим вечером в доме Эллен Кей Лу познакомилась с психоаналитиком Паулем Бьерре, который, как любой другой мужчина, немедленно в нее влюбился. Желая привлечь ее внимание, он стал посвящать ее в тайны теории подсознания. Лу зачарованно слушала Бьерре — тот мир, который открывался перед ней, был по сути ей близок и знаком. Он всегда жил в ее душе, она просто не нашла для него словесного выражения.

Увлечшись рассказом Бьерре о достижениях психоанализа, она позволила ему не только проводить ее до отеля, но и подняться с ней наверх. Не желая прерывать увлекательную беседу, она заказала в номер легкий ужин, который затянулся далеко за полночь, так что гость вынужден был остаться у нее до утра. За утренним кофе он сообщил Лу, что через день должен уехать в Германию, в город Веймар, на конгресс психоаналитиков. И предложил отправиться вместе с ним, пообещав представить ее самому Зигмунду Фрейдю.

Это предложение привело Лу в восторг — ничего лучшего новый любовник сделать для нее не мог. Ее возвращение к прежней вольной жизни было восхитительно — она увлеклась Паулем Бьерре, который был лет на десять ее моложе, психоанализом, который только недавно вылез из пеленок, и Зигмундом Фрейдом, который обещал стать вечно знаменитым.

Правда, приезд Лу в Веймар был изрядно омрачен неожиданным для нее торжественным приемом, оказанным на открытии конгресса ее вечному недругу Элизабет Ницше. Озабоченная своими личными проблемами, Лу как-то выпустила из виду, что Веймар стал опять культурным центром Германии в значительной степени благодаря процветанию там Архива Фридриха Ницше. Поэтому она вздрогнула от

обида, когда Элизабет, вошедшую в зал в сопровождении другого ее недруга, лощеного франта графа Гарри Кесслера, почтительно встретил сам распорядитель конгресса и усадил в оставленный для почетных гостей первый ряд. Пока они шли по проходу, Гарри наклонился к Элизабет и что-то шепнул ей на ухо. Она обернулась к залу, и луч света отразился в ее косом глазе, направленном на Лу. Элизабет приятно было видеть, что Лу, главный вдохновитель творчества Фридриха, затерялась где-то в четвертом ряду, никому здесь неизвестная и непризнанная.

Однако все остальное прошло отлично. В перерыве Пауль, как и обещал, представил ее Фрейду. А дальше все пошло как по маслу — великий врачеватель женщин Зигмунд Фрейд, как любой другой мужчина, не смог устоять против чар неотразимой Лу Саломе. Он пригласил ее приехать к нему в Вену, чтобы из первых рук получить уроки психоанализа. Лу была очарована Фрейдом не меньше, чем он ею. Она была готова отправиться к нему в Вену хоть завтра, но перед ней возникла новая мучительная проблема, которую нужно было решать неотложно. Это был вопрос жизни и смерти.

Лу

Правда, вопрос жизни и смерти не ее, а поэта Райнера Марии Рильке. Но она несла ответственность за его судьбу, добровольно взвалив на себя эту ответственность пятнадцать лет назад, когда подобрала его, совсем юного несмышлениша, и сделала своим рабом на всю жизнь.

Прошли годы с тех пор, как Лу его бросила посреди дороги — да-да, именно бросила — внезапно, без предупреждения, одним взмахом руки, как слепого котенка, поскольку всегда считала, что бросать нужно с размаху, не мямлить, не тянуть резину, а решительно и бесповоротно. Лу договорилась об этом еще с Фридрихом, тогда, в Таутенбурге, и они прекрасно сформулировали это решение: «Падающего толкни». Теперь эти слова приписывают только Фридриху — кто-

то возмущается, кто-то восхищается, но только Фридрихом, а о ней забыли. Но она им еще напомнит о себе, еще посмеется над теми, кто возмущается, и над теми, кто восхищается.

Последнее время Райнер опять начал терзать ее жалобными письмами. За эти годы он много раз впал в отчаяние и умолял принять его обратно, но Лу была тверда и непреклонна. Его последнее письмо просто приставило ей нож к горлу:

«Если бы мы могли встретиться хоть ненадолго, дорогая Лу, — это моя единственная надежда. Без тебя я не существую. Я часто говорю себе, что связан с человечеством только через тебя, оно видится мне через тебя, оно дышится мне через тебя, без тебя оно меня не замечает и ничего обо мне не ведает».

Лу увидела в этом письме не только жалобу, но и угрозу — в одно прекрасное утро Райнер приползет к ее дому и ляжет ничком на ее пороге. Ей только этого не доставало! Стало ясно, что нужно срочно принимать меры. Она отставила на время мечту о психоанализе и начала обдумывать сложный хитроумный план по спасению себя от Райнера. Такой план мог созреть только в гениальной голове Лу Андреас фон Саломе.

Хорошо бы бедного Райнера как-нибудь прикончить, но даже ее жесткость такой крайности не допускала. Значит, избавиться от Райнера, оставив его в живых, можно только одним способом — пресечь его жалобы на то, что его никто не замечает и никто ничего о нем не ведает. Другими словами — сделать его знаменитым.

Идея была Лу ясна, но детальную технику выполнения ее нужно было еще разработать: сделать романтического поэта знаменитым вряд ли простая задача. И Лу начала действовать. Она нашла берлинское издательство «Инзель Бюхерай» («Библиотечный остров»), которое намеревалось выпустить в свет поэтический сборник неизданных или малоизвестных произведений немецких авторов. Отлично,

в самый раз! Только нужно спешить — времени осталось немного. Сейчас конец октября, а последняя дата для предоставления рукописей в издательство 1 декабря 1911 года.

Первым делом нужно было связаться с Райнером, а это совсем не так просто — он, как блуждающая звезда или как бездомный пес, вечно бродил от одной дамы к другой. Лу отправила ему телеграмму, назначив телефонный разговор на семь часов вечера через день. Напрасно прождав на телефонной станции почти час, она поняла, что он ее телеграмму не получил. Тогда она пустилась во все тяжкие, послав телеграммы по адресам всех известных ей дам Райнера. И добилась своего — на четвертый день он явился на переговорную.

— Лу! — с ходу закричал он в трубку, не слушая ее, — ты меня ищешь? Ты хочешь со мной встретиться? Как я рад!

— Перестань радоваться и послушай меня. У тебя есть неопубликованные стихи?

— Неопубликованные стихи? — удивился Райнер. — Как раз нет. Ты же знаешь, я летом издал новую книгу.

— А что-нибудь старое неопубликованное есть?

— Вряд ли, ты же знаешь, я все сразу стараюсь напечатать. А зачем тебе?

— Потом объясню, Но если старого нет, может, ты срочно что-нибудь напишешь?

— Я — срочно? Ты же знаешь, я пишу только, когда на меня накатывает. А сейчас я пуст как выжатый лимон.

— Тогда постарайся вспомнить что-нибудь старое, что ты так и не отправил в печать. И поскорей, мне очень нужно.

— И для этого ты меня так срочно искала? А я-то вообразил!

— А ты не воображай, а вспоминай, вспоминай! И как только вспомнишь, сразу вызывай меня на переговорную.

Лу сердито повесила трубку, и сама стала рыться в памяти — чутье подсказывало ей, что там непременно найдется позабытый стишок. И стишок нашелся, и даже не стишок, а целая поэма. Ее название всплыло в памяти Лу во сне, посте-

пенно — сначала фамилия Рильке почему-то начала двоиться, один Рильке вверху, а другой внизу. Потом при той, что внизу, возникло имя Кристоф, а вовсе не Райнер Мария. И наконец — ура! Вспомнила! «Корнет Кристоф Рильке». Чем этот корнет отличился, она не имела представления, но это не существенно. Существенно было то, что поэма не публиковалась. Хотя... она была однажды напечатана в каком-то заходистом журнальчике. Но кто об этом знает?

Поутру, едва выпив кофе, Лу помчалась на телеграф отправлять телеграмму Райнеру. Получилась не только многословно — она не пожалела денег, — но и слегка угрожающе, так как Лу боялась, что Райнер ее не послушается.

«Дорогой Райнер, немедленно найди среди своих бумаг старую поэму «Корнет Кристоф Рильке». Как только найдешь, сразу перепечатай и отправь мне с курьером. Все расходы я беру на себя. Обязательно поспеши выполнить мою просьбу, иначе я не буду отвечать на твои письма».

К радости Лу, курьер привез ей поэму Райнера через два дня. К поэме было приложено письмо, наверняка с очередной мольбой о встрече. Письмом Лу пренебрегла и сразу стала читать поэму. Интересно, почему при всем своем страстном стремлении срочно публиковать все написанные им строчки Райнер никогда не предлагал ее издательствам? Стихотворному тексту предшествовало прозаическое вступление:

«...24 ноября 1663 года Отто фон Рильке был пожалован частью состояния, оставленного нашим в Венгрии братом Кристофом, куда входили дворянская усадьба в Лангенау и замок в Линде. Для вступления во владение имуществом Отто должен был дать подписку, согласно которой его обладание ленным поместьем признается недействительным в случае, если его брат Кристоф вернется из похода барона фон Пировано. Согласно предъявленному Отто свидетельству о смерти, его брат скончался во время кампании в звании корнета австрийского императорского конного полка...»

Дальше шли стихи — начало не очень обещающее, но как вступление вполне приемлемое:

«Скачка, скачка... днем и ночью... снова скачка... днем и ночью... скачка без конца... смелость утомилась, а тревога велика...

Не горбятся горы, деревья отстали, никто не отважится стать у дороги. Измучены жаждой, чужие лачуги устало столпились — хотели напиться. Напрасно безвольно присели у сруба — пришла в запустенье криница. Ни башни вокруг... нет для глаза отрады...

Сгустилась тьма... нам путь знаком... ужели? Сегодня — как вчера, а завтра — как сегодня: с зарей мы скачем к солнцу... оно все тяжелее... ближе... ближе... а ночью возвращаемся назад — к началу уже прожитого дня...

Или, быть может, это снится нам?

Нещадно солнце пáлит, как в краю родном в разгаре лета, когда мы жарким днем прощались с домом. И долго пламенели на зеленом поле луга одежды наших женщин, вслед смотрящих».¹

Вполне банально, но главное — что будет дальше? Лу посчитала — четырнадцать страниц, как раз то, что надо. И попыталась читать дальше, текст был довольно беспомощный, очень юношеский, — сколько Райнеру было лет, когда он эту поэму написал? Лу опять посчитала — выходило двадцать два. Она знала его творчество — в двадцать два он еще не дорос до зрелости. Все же решила прочесть его письмо, и не напрасно:

«Дорогая Лу. Не понимаю, зачем тебе понадобилась эта старая рухлядь. Я перечитывал и стыдился — неужто я эту поэму написал? Не случайно ведь я никогда не пытался ее опубликовать. Наверно, меня привлекло тогда имя Рильке, я старался с этим Кристофом сродниться, — скакать на лошади, обнимать таинственную женщину в таинственном замке и отдать жизнь за таинственное знамя. Чье это было знамя, чье войско, против кого оно воевало? Я и сам не

¹ Перевод с немецкого языка Раисы Шиллигат.

знаю. Так что не пытайся из этого пальца что-то высосать, все равно ничего не выйдет. У меня уже опубликована почти дюжина книг со стихами гораздо более высокого качества, и все равно никто меня не знает и не читает».

Петра

Ах, как он ошибался! Вот что написано в сегодняшних литературных справочниках о поэме «Корнет Кристоф Рильке»:

«...не побоюсь громких слов, но именно победное шествие детища молодого поэта началось 23 мая 1912 года. Произведение вышло в первом томе сборника издательства «Insel-Bücherei», тираж которого составлял 10 000 экземпляров. В мгновение ока сборник был распродан. Именно поэма Рильке обеспечила популярность всех книг этой серии.

На сегодняшний день количество опубликований «Корнета» приближается к полутора миллионам экземпляров. Это произведение было неоднократно положено на музыку. Композиторы Пауль фон Кленау (1918) и Курт Вайль (1919) написали кантаты. Речитативы для чтеца или для хора с оркестром создали Виль Айзенман (1936), Франк Мартин (1942), Виктор Ульман (1944, в концлагере Терезианстадт, незадолго до отправки в Аусивитц), а также Дуглас Лильбёрн (1950). Балладу «Корнет» написал Анри Коре (1951), на основе текста Рильке в оперных театрах идет опера Зигфрида Маттуса (1983). На конкурсе национальной премии «Золотая маска» в Санкт-Петербурге в 1999 году, в номинации опера, спектакль «Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке» З. Маттуса в постановке театра «Санкт-Петербург-Опера» был признан лучшим».

Сам автор этого сообщения слегка удивлен неожиданным мгновенным успехом поэмы Рильке и ищет ему объяснение:

«Что же привлекает читателей и переводчиков в этом произведении? Почему к нему то и дело возвращаются? Это не поэма в стихах. Но и не проза тоже. Грань перетекания

одного жанра в другой так тонка, что читатель почти не ощущает ее. То же самое можно сказать и о содержании текста: романтика боевых походов неотделима от реальной жестокости войны, а строгая завязка и безжалостная развязка, убеждающие своей документальностью, одновременно служат обрамлением той мистической атмосферы, в которую погружен юный корнет».

Автор статьи сам чувствует, что объяснение неубедительно. И поспешно нащупывает другое, столь же неубедительное:

«Огромную популярность эта романтическая история имела во время обеих мировых войн, когда людям была особенно близка и понятна фигура молодого солдата из средневековья, парящего над временами, который волею судеб балансирует между честью, героизмом, благородством и совершенной бессмысленностью смерти в самом начале жизни. Это очень знакомо всем людям, независимо от национальности и страны проживания».

Трудно себе представить, какое отношение имеет цокот копыт коня, скачущего неведомо куда на битву неведомо с кем, к топоту сапог нацистской армии, шагающей по дорогам поверженной Европы. И приходится искать другое объяснение, еще более неубедительное:

«В языковой личности Рильке... произошло определенное нивелирование национально обусловленных особенностей, что способствовало становлению уникальной языковой личности общечеловеческого типа. Не в этом ли секрет?»

Тут уже трудно сдержать удивление: какими же национальными особенностями немецкого языка Рильке пренебрег? Неужто склонением артиклей или собиранием всех глагольных приставок в конце фразы? Вряд ли. Значит секрет не в этом.

Главная часть секрета проста: умело был создан миф. Известно, что миф бессмертен — его не так уж трудно создать, но невозможно уничтожить.

Что же, поищем вторую часть секрета — кем и как миф был создан. Пофантазируем на эту тему — так, чтобы наши фантазии выглядели достоверно.

Лу

За французскими окнами полыхал красками осенний сад — оранжевыми, красными, багряно-золотыми. Карл, Лу и Маришка ритуально сидели вокруг утреннего стола, сервированного к завтраку. Закончив наливать кому кофе, кому какао, Мари села к четвертому прибору. Ели молча.

— Я уезжаю в Берлин ненадолго, — прервала молчание Лу.

— Ненадолго? — вопросительно поднял брови Карл.

— Недели на две, — уточнила Лу.

Маришка заплакала, а Мари быстро вышла на кухню, чтобы не выдать свою радость — две недели она опять будет полноправной хозяйкой в доме.

После завтрака Мари поставила на стол кофейник со свежесваренным кофе, надела на Маришку замшевую шубку, привезенную ей Лу из Швеции, и отправилась с ней на прогулку, а Лу и Карл наконец остались наедине. Наступал их любимый час, когда они обменивались мнениями о своей работе и соображениями о новостях в искусстве и философии. Мари ненавидела оставлять их наедине за столом — в эти редкие моменты их жизни она не могла противостоять Лу, высказывая свое недовольство.

— Что, у тебя в Берлине кто-то завелся? — спросил Карл.

— Да нет, я еду по издательским делам.

— С каких пор твои издательские дела требуют личного присутствия? Я думал, ты себя обеспечила до конца дней.

— Это не мои дела, а Райнера.

— Ты все еще занимаешься делами Райнера?

— Не хотела бы, но вынуждена. Иначе существует опасность, что он явится сюда и попросит убежища.

— Он что — болен?

— И болен тоже. Но главное — одинок и не признан.

— Надеюсь, ты не намерена опять приютить его в нашем доме?

— Конечно нет. Но у меня возник грандиозный замысел. Выслушав ее, Карл хмыкнул:

— Ну и ну! Дай-ка мне почитать эту неопубликованную поэму Райнера.

Карл читал медленно и вдумчиво, пока Лу паковала чемодан для поездки в Берлин. Он был человек обстоятельный, поэтому, закончив чтение, опять вернулся к началу и пролистал поэму до конца.

— Вряд ли у тебя что-то получится — это такое юношеское неумелое творение. Недаром Райнер не хотел его публиковать.

— Тем интересней будет, если получится! Как я тогда посмеюсь!

— Стоит ли этот смех таких усилий?

— Не забывай — эти усилия не ради смеха, а ради нашей с тобой спокойной жизни. Представь, что будет, если Райнер ляжет у нас на крыльце и объявит, что не сдвинется с места, пока мы его не впустим в дом?

— Ладно, убедила, — согласился Карл. — Езжай, я желаю тебе успеха.

Нетра

Чтобы лучше обеспечить успех, Лу, сидя в уютном купе берлинского поезда, стала более внимательно изучать вырезанное из газеты объявление издательства «Инзель Бюхерай» о готовящемся к печати сборнике неопубликованных поэтических произведений. Она так спешила организовать свой отъезд, что не смогла дома всмотреться в мелкий шрифт. А сейчас ей бросилось в глаза имя подписавшего объявление директора издательства — Антон Киппенберг. Когда-то давно она слышала это имя, нужно было только сосредоточиться и вспомнить, где и когда.

Постепенно в ее памяти начали проступать мелкие детали, которые осталось только привязать к месту и времени.

Тесная комната, заполненная папиросным дымом, молодые лица вокруг обшарпанного стола, заваленного рукописями и остатками бутербродов, и среди них одно лицо, черты которого смазаны в памяти, но имя проступает четко — Антон Киппенберг. Значит, он был среди молодых поэтов, роящихся вокруг бывшего родного журнала «Фрайе бюне». И можно не сомневаться, что он ее не забыл — Лу была уверена, что она незабываема. Она вздохнула с облегчением и позволила себе задремать.

Лу

Все следовало тщательно продумать. Свой первый день в Берлине Лу потратила на разведку — она внимательно оглядела здание издательства «Инзель Бюхерай» и отметила, что прямо напротив него приветливо открывает двери прелестное кафе «Апфель штрудель». Она даже зашла туда и заказала чашечку кофе со штруделем, после чего осмелела настолько, что под предлогом ошибочного адреса проникла внутрь издательства, чтобы получше рассмотреть расположение его комнат. Как она и предполагала, издательство было небогатым, да и откуда ему быть богатым, от публикации стихов, что ли? Что ж, тем лучше, это очень устраивало Лу, — чем беднее издательство, тем больше шансов на успех ее замысла. Ведь как только у нее зародился этот отчаянный замысел, она решила вложить в него деньги, оставленные ей в наследство покойной мамой, и надеялась, что их хватит.

Назавтра она встала рано, приняла душ и тщательно уложила волосы, — хотя знала, что выглядит молодо, все же хотела сегодня быть не хуже, чем во времена расцвета журнала «Фрайе бюне». После чего Лу отправилась в кафе «Апфель штрудель» и, уютно устроившись у окна с чашечкой отличного кофе, стала наблюдать за дверью издательства. Через полчаса пришла секретарша, которую она видела вчера в приемной. А вслед за ней в поле зрения Лу вплыл приятный господин примерно того же возраста, что ее шведский любовник, и да-

же чем-то на него похожий. Хотя одет он был не как молодой поэт авангардистского журнала, а вполне по-джентльменски и даже франтовато, Лу без труда опознала его как одного из славных парней из ее прошлого.

Итак, Антон Киппенберг — отлично! Насколько она помнит, он предложения ей не делал, впрочем, она могла и забыть — все эти молодые авангардисты были чем-то похожи друг на друга, такие милые встрепанные похотливые кобельки. Но надо этому Антону отдать должное — не все кобельки стали директорами издательств, пусть даже небогатых. Что ж, пора идти. Идти в атаку.

Лу расплатилась, оставив щедрые чаевые, — кто знает, сколько раз еще придется пить здесь кофе с яблочным штруделем, — подхватила лежащий на стуле изящный портфельчик и храбро вошла в приемную издательства. При виде ее секретарша Киппенберга в восторг не пришла.

— У вас назначена встреча? — нелюбезно спросила она, глядя на чистую страницу дневника.

— У меня ничего не назначено, но если вы отнесете господину Киппенбергу мою визитную карточку, я не сомневаюсь, что он будет рад меня видеть.

Секретарша на секунду заколебалась, брать карточку или не брать, но тут дверь кабинета отворилась, и директор издательства появился в приемной собственной персоной. Неизвестно, что он собирался сказать, потому что, увидев Лу, об этом забыл, расплылся в улыбке и воскликнул:

— Очаровательная Лу фон Саломе! Какой счастливый случай привел вас сюда?

Лу изящным движением обогнула стол секретарши:

— Я вам немедленно это расскажу, дорогой Антон, если вы пригласите меня в свой кабинет.

— Прошу, прошу! — Киппенберг распахнул перед ней дверь кабинета, бросив на ходу секретарше:

— Два кофе, пожалуйста, Магда. И никого ко мне не впускать.

Когда дверь кабинета закрылась, Антон вытянул из пальцев Лу ее визитную карточку.

— Значит, теперь вы Лу Андреас фон Саломе! Кто же он — ваш Андреас? — И вдруг вспомнил: — Да-да, вы тогда стремительно вышли замуж за какого-то профессора! Это и был Андреас? Наши ребята были страшно разочарованы, они ведь по очереди делали вам предложения, хотя было наперед известно, что вы всем им откажете. И все-таки, когда вы вышли замуж, им было обидно.

— А вы мне предложения не делали? — любопытствовала Лу и замолчала, потому что в кабинет вплыла Магда с подносом, на котором был сервирован традиционный утренний кофе.

— Не делал, — сознался издатель, когда секретарша вышла. — Я тогда был уже женат.

Лу пригубила кофе и оставила чашечку — кофе был неплохой, но похуже, чем в кафе напротив.

— Я слышала, вы задумали интересный проект.

— Вы имеете в виду сборник неопубликованных стихов?

— Именно! Рискованный проект, не так ли?

— Вроде бы — да. Но я себя слегка обезопасил, беру с авторов 50 пфеннигов за страницу.

— Всего лишь 50 пфеннигов? На этом не разживешься. Впрочем, в объявлении это не написано.

— Написано мелким шрифтом, вы не разглядели. Но я все еще не понял — в чем ваш интерес? Неужели вы принесли мне свои стихи?

Лу открыла портфельчик, вынула из него тонкую пачку листков и положила ее на стол.

— Я действительно принесла стихи, но не свои. Это неизданная поэма Райнера Мария Рильке.

Она нарочно произнесла полное имя Райнера, чтобы подчеркнуть значительность события. Киппенберг удивился:

— Незданная поэма Рильке? — он взял в руки листки и начал их проглядывать. — Как странно — он ведь немедленно публикует все им написанное! Когда он сочинил эту поэму?

— Честно говоря, точно не знаю. Лет десять назад, не меньше. Она затерялась в его вещах — он бросил их у меня, когда

мы расстались. А я ее неожиданно нашла, разбирая бумаги при переезде.

— А почему он сам ее не принес?

— Он о вашем проекте ничего не знает, так как газет не читает. И я решила сделать ему сюрприз.

— А он не рассердится?

— Райнер рассердится на меня? Вы шутите! — засмеялась Лу. — Он просто будет счастлив, что я о нем позаботилась.

Антон снова пролистал поэму.

— Бумага что-то совсем свежая. Не похоже, что это написано десять лет назад.

— Неужто вы думаете, что я принесла вам оригинал? Конечно, это копия. Оригинал я спрятала у себя. Когда придет время, Райнер поставит на нем автограф, и он станет библиографической редкостью.

Киппенберг быстрым, хорошо тренированным глазом стал читать поэму Райнера по диагонали. Отложив листки, он вздохнул:

— Странное творение. Прямо скажу — далеко не шедевр. Вы говорите, он написал это лет десять назад? Оно и видно — романтическая юношеская чушь. Вы уверены, что он согласится этот опус публиковать?

— Он согласиться на все, что я ему предложу.

Киппенберг поморщился:

— А вы уверены, что хотите эту поэму опубликовать? Вряд ли она сделает честь славному имени Райнера Рильке.

— Я позабочусь о том, чтобы она сделала ему честь.

— То есть? — поднял брови Киппенберг.

— Вы знаете меня много лет, Антон: я всегда добиваюсь своей цели. А сегодня я решила прославить имя Райнера именно этой поэмой.

— Но я еще не согласился включить ее в свой сборник. Снижение качества может ударить по моим шансам на его окупаемость, — отпарировал Киппенберг.

— Я уверена, что от моего предложения вы не сможете отказаться.

В глазах Киппенберга затеплилась тень понимания.

— Я готов выслушать все, что вы скажете, — сказал он.

— Сколько экземпляров вы планируете издать?

— Для начала 300.

— И сколько предположительно будет стоить один экземпляр?

Киппенберг покосился на дверь — Лу поняла: он знает, что секретарша подслушивает, совсем как Мари. Потом взял листок поэмы Райнера и написал на обороте цифру.

— Смело! — воскликнула Лу, взглянув на листок. И поставила под цифрой Антона 500.

— Издавайте столько. Я с ходу покупаю триста.

— Что значит — с ходу?

— Я плачу за них вперед.

— За все триста? И куда вы их денете?

— Штук 30 вы отправите мне, а остальные я подарю вам. Но вы сообщите в газетах, что бóльшая часть тиража разошлась в первый же день.

— А дальше что?

— А дальше во всех главных газетах Германии появятся рецензии на сборник, восхваляющие поэму Райнера.

— Вы так в этом уверены?

Может быть, Лу не вполне была уверена, но Киппенбергу она этого не показала.

— Вы наверно догадываетесь, что предложения мне делали не только молодые поэты, но и молодые критики. И некоторые из них сейчас весьма влиятельны.

Киппенберг понизил голос:

— Но это же авантюра! Нас могут схватить за руку!

Лу тоже понизила голос:

— Главное, держите язык за зубами, и никто нас не схватит. Вы же не станете отрицать, что Райнер Рильке очень талантливый поэт? Талантливый, но недостаточно признанный. Разве такой уж грех протянуть ему руку помощи? Ведь он бедный, больной и бездомный.

И положила на стол конверт с деньгами, Антон молча взял его, пересчитал кредитки и сунул конверт в карман.

Лу поднялась, готовясь уходить.

— Значит, договорились? А на какой месяц вы планируете выход сборника?

— Я предполагаю, что сборник выйдет в мае будущего года.

— Отлично, это дает мне достаточно времени на подготовку.

Под пристальным взглядом секретарши Киппенберг проводил Лу до двери, поцеловал ей руку на прощание и прошептал:

— Жаль все-таки, что я тогда не сделал тебе предложение.

Петра

Лу провела еще неделю в Берлине для того, чтобы встретиться со своими бывшими поклонниками, тем более что некоторые из них были больше, чем поклонники. Я не берусь воспроизвести все их разговоры, но один, особенно впечатляющий, все-таки приведу.

Лу

Она послала своему приятелю Мартину Буберу открытку с предложением встретиться через три дня в кафе Каплинского на Курфюрстедам. Почта в Берлине работала отлично, и Лу была уверена, что, получив открытку, Мартин сумеет выкроить время для встречи. И не ошиблась — еще издали она узнала за стеклянной стеной кафе красивую голову Бубера, освещенную стоящей на столике лампой. Увидев ее в дверях, Мартин, широко раскинув руки, пошел ей навстречу:

— Лу, дорогая, как я рад вас видеть! Вы еще прекрасней, чем были, когда мы работали над вашей знаменитой книгой «Эротика»!

Лу не стеснясь поцеловала Мартина в смуглую щеку.

— Да, вы как издатель моей книги проделали отличную работу, достойную таланта ее автора!

Они вернулись к столику у окна и, заказав кофе с прославленными крошечными пирожными Каплинского, пару минут сидели молча, наслаждаясь взаимным пониманием и симпатией. Когда официантка, закончив расставлять приборы с пирожными, оставила их наедине, Мартин сказал:

— Я неплохо знаю вас, дорогая Лу. Если вы вызвали меня сюда открыткой, значит, я вам зачем-то нужен. Так не тяните и скажите прямо, чем я могу вам быть полезен.

Лу выбрала самое привлекательное пирожное, наколола на вилочку и, задержав у рта, согласилась:

— Вы умница, Мартин, я действительно нуждаюсь в вашей помощи. Не стану скрывать, я затеяла отчаянную авантюру с благородной целью спасти моего давнего друга Райнера Рильке.

— Вы что, опять вместе? — удивился Мартин.

— Конечно, нет! Если бы мы опять были вместе, Райнер бы не нуждался в службе спасения, а был удовлетворен и счастлив. А сейчас он одинок и в таком отчаянии, что я боюсь не только за его рассудок, но и просто за его жизнь.

— Не могу представить, как я могу его спасти. Хотя я издал вашу книгу об эротике, вряд ли смогу заменить ему вас.

— Заменить меня Райнеру не мог бы даже знаменитый граф Гарри Кесслер, — засмеялась Лу. — Но вы можете помочь мне обратить внимание читающей публики Германии на исключительно талантливую поэзию Райнера.

— Вы хотите сказать, что речь идет не о любви, а о поэзии?

— Нет-нет, именно о любви! Но не о женской любви, а о любви читателей. Если Райнера начнут любить читатели, то любовь читательниц будет ему обеспечена.

И Лу открыла Мартину суть своей интриги с издательством «Инзель Бюхерай». Как она и ожидала, Мартин пришел в восторг.

— То есть вы пытаетесь избавиться от Райнера, окружив его влюбленной толпой других женщин? Я всегда считал вас хитрой штучкой, Лу Саломе, но не думал, что вы изобретательны до такой степени!

— Так вы поможете мне?

— С удовольствием, если смогу. Что я должен для вас сделать?

— Вы — человек влиятельный в определенных интеллектуальных кругах. Я хотела бы, чтобы, когда сборник Киппенберга выйдет, вы написали и опубликовали в уважающих вас изданиях хвалебный отзыв не столько о сборнике, сколько о поэме Райнера.

Мартин, конечно, уже предвидел эту просьбу и приготовил достойный ответ:

— Вам не кажется, что для начала я должен эту поэму прочитать?

Лу, конечно, тоже предвидела его требование и приготовила не менее достойный ответ:

— Суть в том, чтобы вы согласились написать хвалебный отзыв о поэме Райнера независимо от того, понравится ли она вам или нет.

— То есть вы подозреваете, что она мне не понравится!

— Это возможно. Иначе, зачем бы я заранее обратилась к вам за помощью?

Мартин задумался.

— А как же мое доброе имя? Что, если надо мной будут смеяться?

Лу взяла еще одно пирожное.

— Поверьте, никто смеяться не будет. Наоборот, все будут восхищаться вашим вкусом. Обещаю, вы окажетесь в очень хорошей компании. Вы сделаете это для меня?

Мартин рассеянно отхлебнул кофе и вспомнил о пирожных. Он сразу наколот на вилочку два и даже не заметил, как проглотил их.

— Не так стремительно! Дайте подумать.

Лу положила на столик копию поэмы.

— Ладно, думайте, время еще есть. Вот вам текст, но не придавайте ему слишком много значения. Увидите, ему придадут значение другие.

Мартин уперся локтями в мраморную столешницу и взглянул Лу не просто в глаза, а прямо в душу.

— Признайтесь, вы очень перед ним виноваты?

Петра

Ясно, что Лу провела в Берлине не один такой разговор, но я не буду воспроизводить остальные — боюсь, получится слишком монотонно. Судя по результатам, все сложилось так, как она задумала.

Лу

С Мартином Бубером Лу встретила еще раз перед самым отъездом, и он предложил проводить ее на вокзал. Всю дорогу она ждала, что он скажет о поэме Райнера, но он, словно позабыв о ее просьбе, увлеченно пересказывал свою новую статью об экзистенциальной сущности еврейской философии. Хотя его ответ был для нее важен, она не решилась прервать Бубера. И только когда они шли по перрону к вагону первого класса, Лу все-таки осторожно спросила, напишет ли он о сборнике Киппенберга. Бубер засмеялся и вынул из кармана запечатанный конверт:

— Ответ вы узнаете, когда распечатаете этот конверт. Но не раньше, чем поезд тронется.

Через несколько минут, когда состав был уже в пути, Лу вынула конверт из сумочки и повертела в руках, пытаясь найти намек на его содержимое. Но, ничего не обнаружив, с затаенной опаской надорвала конверт и вынула из него аккуратно сложенный листок:

«Несравненная Лу, вы наконец добились своего — я стал, как все. Я в вас влюбился! И как только я это осознал, мне стало все равно, хороша ли эта поэма или ужасна.

Я готов выполнить любую вашу просьбу, любое ваше желание!

Ваш очарованный Мартин».

Лу улыбнулась — это была еще одна победа. А она любила победы!

В конце апреля Киппенберг сообщил ей, что готов сигнальный экземпляр сборника и он отправит несколько книг

по оставленным ею адресам. Замысел Лу сработал: в течение недели после выхода издания во всех популярных газетах Германии появились восторженные рецензии на его главную жемчужину — поэму «Корнет Кристоф Рильке». Кое-кто из рецензентов умудрился упомянуть, что в первые же дни почти весь тираж был распродан. Многие книжные магазины тут же запросили десятки экземпляров сборника. Потрясенный Киппенберг немедленно велел допечатать две тысячи и на вырученные деньги арендовал большой концертный зал в центре Берлина. Газеты опубликовали объявления о презентации книги, на которой Райнер Мария Рильке прочтет свою замечательную поэму. Билеты разошлись за два дня.

Испуганный Райнер в тот же день вызвал Лу на переговорную станцию. Не здороваясь, он завопил в трубку:

— Представляешь, они требуют, чтобы я читал свою детскую поэму с большой сцены!

— Отлично! — воскликнула Лу. — Выходи на сцену и читай!

— Во-первых, я не умею читать свои стихи вслух, а вторых, я умру от стыда.

— От стыда не умирают!

— Мне страшно, Лу! — взмолился Райнер. — Может быть, ты приедешь на этот ужасный концерт? Мне будет легче. Я заболеваю, когда представляю себе огромный зал, а я стою перед ним на сцене один как перст! У меня перехватывает горло, и начинает казаться, что я голый!

Лу предложила Карлу поехать вместе с ней на выступление Райнера — она опасалась, что, увидев ее, тот бросится на нее, сомкнет челюсти и повиснет на ней, как бульдог. Карл на минутку задумался и согласился — ему тоже не улыбалось возвращение Райнера в их семью.

Вечер прошел отлично. Выступали и другие участники сборника, но такого приема, какого удостоился Рильке, не заслужил никто. Поначалу он дрожал как осиновый лист, и голос его дрожал не меньше. Но через пару минут случи-

лось чудо — он вдруг услышал музыку собственной поэмы, и его голос, преодолев дрожь, наполнился электричеством, которое всколыхнуло зал. Стало уже неважно содержание поэмы, стали неважны наполняющие ее слова и фразы, осталась только завораживающая музыка голоса поэта, натянутого как струна.

Когда Райнер прочел завершающую строфу, в зале почти минуту царил гробовая тишина, которая оборвалась громовым взрывом аплодисментов. Такого эффекта не предвидела даже Лу, затеявшая авантюру с юношеской поэмой Райнера. Она, любившая побеждать, не ожидала такой оглушительной победы. Как только Райнер, потрясенный собственным успехом, убежал за кулисы, Лу последовала за ним и увидела невероятное зрелище. Толпа восторженных женщин с букетами цветов атаковала артистическую уборную, в которой укрылся Райнер. Наконец, не выдержав их напора, он приотворил дверь, но не смог выйти, почти опрокинутый ворвавшимися поклонницами.

Лу улыбнулась и не стала присоединяться к этой вакханалии. Она осторожно отступила и ушла довольная — отныне Райнер сможет обойтись без нее.

Петра

Наутро во многих газетах появились восторженные отчеты о презентации сборника издательства «Инзель Бюхерай». И прежде всего было отмечено выступление великого поэта Райнера Мария Рильке. Киппенберг спешно допечатал еще три тысячи экземпляров книги, и они тут же разлетелись. Более того, в одной из газет Райнера назвали гением всех времен и народов. Спорить никто не стал — миф уже был создан и закрепился настолько, что через пятьдесят лет на большом собрании русских поэтов в московской квартире будущего великого чувашского поэта Геннадия Айги — а тогда еще Генки Лисина — был зафиксирован такой диалог:

Генка: Нет, Пастернак не гений всех времен и народов, гениев всех времен и народов только три — Гете, Рильке и Ковальчук!

Из публики: Что за Ковальчук?

Генка: Поэт Славка Ковальчук, мой друг!

Из публики: Хороший поэт?

Генка: Гениальный!

Из публики: Лучше, чем ты?

Генка: Почему лучше? Вровень!

Это означало, что миф не только был создан, но и прочно утвержден.

Теперь Лу могла спокойно сделать то, к чему давно стремилась ее душа — поехать наконец в Вену к Зигмунду Фрейду.

Нигде ничего не написано о первом визите Лу фон Саломе к Зигмунду Фрейду, хотя известно, что сразу же после этого визита великий человек осыпал ее всеми возможными милостями. Он не потребовал у нее медицинского диплома, не удостоверился, есть ли у нее врачебный стаж, а с ходу пригласил стать членом его еженедельного семинара, куда допускали только избранных. Необъективный, но художественно выполненный рассказ об этом судьбоносном свидании я нашла среди бумаг Сабины Шпильрайн, практически единственной женщины-участницы семинара Фрейда.

Для начала несколько слов о ней самой.

В середине восьмидесятых годов двадцатого века в подвале Женевского психологического института нашли покрытый пылью чемоданчик с дневниками и письмами неизвестной до того Сабины Шпильрайн. Среди этих бумаг была пачка писем, написанных рукой Зигмунда Фрейда, еще одна — рукой Карла-Густава Юнга и копии писем Сабины этим двум кумирам современной психологии. Когда ценные документы, относящиеся к 1909—1923 годам, были прочитаны и расшифрованы, восторгу не было предела: таинственная корреспондентка светил была, по всей вероятности, любовницей Юнга и поведенной Фрейда.

Вена, февраль 1913 года

Хуже венского января может быть только венский февраль. Особенно в тот день — с неба валил отвратный мокрый снег, немедленно застывающий на тротуарах хрупкой ледяной корочкой, под которой притаились коварные холодные лужи. В такую погоду хороший хозяин и собаку из дому не выгонит, но мне необходимо было выйти из дома — сам великий Зигмунд Фрейд назначил мне встречу у себя в кабинете в одиннадцать часов утра. Я собиралась поговорить с ним о своем будущем, а если удастся, то и обсудить мою новую работу, в которой я утверждаю, что инстинкт продолжения рода сбалансирован в природе инстинктом саморазрушения. Я надеялась, что после окончания моего семинарского курса он оставит меня в Вене ассистенткой при семинаре: будет передавать мне часть своих пациентов и обсуждать со мной свои новые идеи. У меня было небольшое преимущество перед другими претендентами на это место — великий человек ревниво охранял свою паству и не мог перенести моей любви к Юнгу. И потому мог бы приблизить меня поближе к себе, в надежде вытравить эту любовь из моего сердца.

Хотя профессор Фрейд не был бабником и не бегал за каждой симпатичной юбкой, я знала, что он питает слабость к хорошеньким молодым девушкам, и потому с утра занялась прихорашиванием. Я надела облегающее темно-голубое платье и серые сапожки, в точности подходящие к моей серой каракулевой шубке. Волосы я распустила, зная, как они оттеняют мою нежную кожу, но из-за ветра, несущего в лицо хлопья мокрого снега, мне пришлось надеть серый каракулевый берет, насильно навязанный мне мамой.

Я взяла зонтик и оглядела себя в зеркале: получилось очень мило — великий Фрейд должен быть доволен, он терпеть не мог «синих чулок». Я пришла на несколько минут раньше и недолго постояла в подъезде, стряхивая мокрый снег с воротника и берета. Большое зеркало в торцовой стене подтвердило, что цвет лица у меня отличный. Ровно в одиннадцать я звонила в звонок у заветной двери. Мне от-

крыла младшая дочь Фрейда шестнадцатилетняя Анна, которая попросила меня подождать минут десять в прихожей, пока папа закончит завтрак.

Эти десять минут я постаралась использовать получше — сняла шубку и берет, наново расчесала локоны и хотела было еще раз продумать свою заранее заготовленную речь, но меня прервал резкий и долгий дверной звонок. В святыню профессора Фрейда звонили обычно мягко и кратко, стараясь не потревожить великого человека. А звонивший в то утро явно был человеком бесцеремонным. Из комнат Фрейда никто не вышел, и нетерпеливая рука на лестнице стала нажимать на кнопку звонка еще дольше и резче. Я пожала плечами и сама отворила дверь — с ходу оттеснив меня от порога, в прихожую размашистым шагом ворвалась высокая дама в длинной меховой шубе.

— Профессор Фрейд у себя? — спросила она и двинулась в глубь квартиры, так и не стряхнув снег со шляпы и плеч. Шляпа тоже была меховая.

— Вам назначено? — осведомилась я, защищая свои интересы.

Тут дама наконец меня заметила:

— Профессор просил меня навестить его, когда я буду в Вене.

В этот момент в коридор вышел сам Фрейд в сопровождении Анны и просиял, увидев нахальную даму:

— Лу, дорогая, какой приятный сюрприз!

Я тут же поняла, что мою искусно составленную речь придется отложить. И оказалась права. Фрейд сказал мне смущенно:

— Прости меня, малышка, но я попрошу тебя погулять часок по улице, пока я поговорю с фрау Саломе. Ведь она в Вене проездом.

Когда он называл меня «малышкой», я знала, что добра ждать нечего. Но я не посмела сказать ему, что в такую погоду гулять по улице отправляют только злейшего врага. Я покорно кивнула и проследила глазами, как он, позабыв обо мне, уводит в кабинет эту дерзкую фрау Саломе.

Из глубины квартиры донесся голос секретарши Фрейда Минны Бернес: «Анна, ты не забыла снять чайник с огня?» — и Анна проворно ушла. Решив воспользоваться тем, что никто за мной не следит, я сдернула с вешалки свою шубку и берет и, вместо того, чтобы выйти на лестницу, проскользнула в полуоткрытую дверь приемной. Там было темно, но я не стала зажигать свет в надежде, что меня не заметят и не выставят на холодную улицу.

Через пару минут Минна и Анна появились в прихожей и сели на маленький диванчик.

— Зачем ты вытащила меня сюда? — спросила Анна.

— Чтобы уйти подальше от ушей твоей мамы. — Я услышала, как Минна чиркнула спичкой и закурила. Из прихожей потянуло сигаретным дымом.

— Значит, какая-то дама, ты говоришь, явилась без приглашения и он ее немедленно принял?

— Ну да, а бедную Сабину выставил на улицу.

— В такую погоду? Кто же эта дама? Красивая?

— Высокая, вся в мехах. Он назвал ее как-то странно — по-моему, фрау Саломон.

— Ах, Лу Саломе? Тогда все понятно! Я еще в прошлом году на Веймарском конгрессе заподозрила, что она на него нацелилась. И, как всегда, оказалась права.

— Я не понимаю, что значит, — нацелилась?

— Ничего, подрастешь, поймешь. Интересно, что эта Лу Саломе от него хочет?

— Может, она просто хотела его повидать?

— Лу Саломе никогда не хочет кого-то просто повидать. Она хочет повидать только того, от кого чего-нибудь хочет.

— Я вижу, ты не очень ее жалуешь.

— Какая разница, жалую я ее или нет? Она женщинами не интересуется. Зато во всей Европе не найдется мужчины, который сумел бы ей в чем-либо отказать. Очень интересно, что она хочет выманить у твоего отца.

— Я думаю, что у папы можно выманить только то, что он хочет дать.

— Ты идеализируешь своего отца. Он такой же мужчина, как и все другие.

— Если даже она их всех соблазняет, я не думаю, что ей удастся соблазнить папу.

— Посмотрим, посмотрим, что она с ним сделает!

— Да что ты о ней такое знаешь?

— Она начала давно. Уже в 82 году прошлого века она свела с ума бедного больного Фридриха Ницше.

— Это знаменитого философа, что ли? Так он же давно умер.

— Я говорю тебе, это было давным-давно, в 82 году прошлого века. Ницше тогда был еще вполне жив, а она только-только приехала из Санкт-Петербурга завоевывать Европу.

— Что значит — прошлого века? Сколько ей лет, по-твоему?

— А по-твоему?

— Лет тридцать с небольшим.

— А ей за пятьдесят!

— Не может быть! Я стояла в двух шагах от нее — ей не дашь больше тридцати трех!

— Ты слышала о вампирах?

— Ну да, это которые кровь высасывают?

— А ты знаешь, зачем они это делают? Чтобы сохранить молодость. Они так обновляют свою кровь и молодеют.

— Ты хочешь сказать, что эта Лу Саломе — вампир?

— В каком-то духовном смысле да: она поработает мужчин и от этого молодеет.

— Откуда ты все это взяла?

— Еще в девятьсот одиннадцатом, после конгресса в Веймаре, я порасспрашивала людей и кое-что почитала.

— Почему?

— Я же тебе сказала, что сразу заметила, как она кружит вокруг твоего отца.

— А кто о ней писал?

— О ней писали многие — сам Ницше и его сестра Элизабет. Она обвиняла Лу в болезни брата. Да и сама Лу пишет без конца.

— Что пишет? Романы?

— И романы тоже. Бездарные, читать их не стоит, я пробовала. А вот о ее романах с другими писателями очень даже стоит почитать. Все они стали знаменитыми, и твой отец тоже станет.

— Он и так знаменитый.

— Значит, будет еще более знаменит. У Лу Саломе глаз-алмаз.

— Выходит, она делает мужчин знаменитыми?

Откуда-то из глубины квартиры жена Фрейда Марта позвала:

— Минна, Анна, куда вы подевались?

Минна вскочила:

— Пошли. Но маме ни слова.

Уходя, они погасили свет, и я осталась в полной тьме. Щеки у меня горели после рассказов Минны. Особенно поразило меня, что эта вампирша приехала из Санкт-Петербурга. Значит, говорит по-русски. Что бы такое у нее спросить, чтобы никто не понял?

Минут через двадцать открылась дверь кабинета, щелкнул выключатель и вспыхнул свет в прихожей. Я быстро вскочила из приемной и увидела, как великий учитель подает своей гостье шубу. Она слегка одернула свое элегантное черное платье с высоким воротом и привычно протянула руки назад, не сомневаясь, что шубу ей подадут. Обида стиснула мне горло — мне профессор шубу никогда не подавал, я для него была не женщина, а малышка. Увидев меня, он смутился:

— А, малышка, ты уже вернулась? Прости, наша беседа с Лу слегка затянулась. Познакомьтесь — член нашего семинара доктор Сабина Шпильрайн, а это будущий член нашего семинара — фрау Андреас фон Саломе.

Фрау со сложным именем окинула меня глубоко равнодушным взглядом, и я поняла, что знаменитой мне не бывать. В отместку я спросила по-русски:

— А где вы изучали медицину, фрау Саломе? В Санкт-Петербурге?

Ресницы ее дрогнули, но она ответила тоже по-русски:

— Я никогда не изучала медицину.

Взяла из рук профессора свою пушистую меховую шляпку, попрощалась и вышла на лестницу. Фрейд, забыв обо мне, зачарованно глядел ей вслед.

— Удивительная женщина! — воскликнул он. — Я не встречал человека, который бы так глубоко проник в суть подсознания, как она!

— Это особенно удивительно, если поверить, что она никогда не изучала медицину, — напомнила о себе я.

— Откуда ты знаешь? — не поверил он.

— Она сама мне сказала.

— Я что-то не слышал.

Я пожалела, что задала ей свой вопрос не по-немецки, и еще раз удивилась, как это он сам ее об этом не спросил, а просто пригласил участвовать в семинаре. Уж не загнипнотизировала ли она его? Ведь мне даже после защиты докторской диссертации пришлось просить рекомендацию Юнга, чтобы меня приняли в члены семинара.

Профессор задумчиво постоял в дверях, потом словно очнулся и позвал меня в свой кабинет, но наша долгожданная беседа текла вяло — он никак не мог сосредоточиться на моих научных соображениях, мысли его явно блуждали вокруг таинственной гостьи в мехах.

— Ты знаешь, — перебил он меня, — Лу рассказала мне, как однажды, гуляя по лесу, вышла на поляну, полную фиалок. И решила собрать букет для своей больной подруги. Но тут же передумала, чтобы не разрушить лесную красоту. Однако, возвращаясь домой, она обнаружила у себя в руке букет фиалок, хотя не могла вспомнить, когда их сорвала. Словно в душе ее жило другое существо, о котором она понятия не имела.

— И что с того? — тупо спросила я, раздосадованная тем, что он меня перебил.

— Как что? Я не встречал более точного описания работы подсознания!

Я вышла от него, с трудом сдерживая слезы, — мне стало ясно, что место ассистентки он мне не предложит, а будет сохранять его для другой. За что? Она не сдавала экзамены

по анатомии, она не вела в больнице истории болезни вместе с доктором Юнгом, она не билась два года над разгадкой шизофренического бреда своей пациентки, и все же он объявил, что никто так глубоко не проник в суть подсознания, как она. У него были десятки учеников и последователей, но он всем им предпочел ее.

Я поняла, что мне незачем задерживаться в Вене. Мне было двадцать семь лет, и мама бомбардировала меня письмами, умоляя выйти замуж. Она присмотрела в Ростове хорошего еврейского парня Павла Шефтеля, тоже врача, и почти договорилась с его матерью. Остановка была за мной. У меня вдруг не стало сил сопротивляться. Что ожидало меня здесь, в Европе? Юнга я потеряла окончательно и Фрейда тоже. Не лучше ли поехать в Ростов и выйти замуж, чтобы не огорчать маму? И я совершила самую страшную ошибку в своей жизни — отправилась в Ростов и вышла замуж за Павла Шефтеля, тоже врача. Павел был очень хорошим и добрым человеком. Единственным его недостатком было то, что я его не любила.

Петра

Я чуть не задохнулась от волнения. Так вот почему Сабина ни с того ни с сего умчалась из Вены в Ростов и неожиданно для всех вышла замуж! Ведь никто не мог этот поступок понять. Сам Фрейд хоть и поздравлял ее, но не переставал удивляться, зачем ей понадобилось разрушить свою блистательную карьеру.

Даже ему, великому исследователю женского подсознания, было невдомек, что карьеру Сабины Шпильрайн разрушило появление рядом с ним несравненной Лу фон Саломе.

Лу

На этот раз Лу решила на семинар Фрейда не опаздывать — интуиция подсказала ей, что не стоит раздражать великого человека ради привлечения к себе мужского вни-

мания. И она не ошиблась — мужское внимание ей было обеспечено и без опоздания. Когда она за две минуты до начала вошла в кафе, где Фрейд проводил семинар, на ней были сфокусированы взгляды двенадцати пар мужских глаз — ведь она была единственной женщиной среди участников. Интересно, куда исчезла миниатюрная чернокудрая красотка, столь нелюбезно встретившая Лу в прихожей Фрейда в тот далекий зимний день?

Вслед за Лу вошел Фрейд и поманил ее за собой. Пока он представлял ее присутствующим и расписывал достоинства, она скользила взглядом по обращенным к ней лицам. Одно из них привлекло ее особое внимание странным сочетанием неправдоподобной классической красоты с печатью совершенно неуместной неуверенности в себе. Кроме того, это лицо вступало в противоречие с известным утверждением, будто все члены фрейдовского семинара — евреи. Молодой голубоглазый блондин скорей мог бы быть моделью античных скульпторов, но никак не евреем. Побуждаемая желанием выяснить, кто же этот греческий бог, Лу решила на дерзость — а дерзости ей с детства занимать не приходилось.

— Дорогой профессор, — проворковала она, когда Фрейд закончил свою речь, — спасибо за добрые слова. В ответ на них я хотела бы попросить вас назвать имена присутствующих участников семинара. Я, конечно, всех их знаю по работам, но, к сожалению, никогда не видела их фотографий и не знаю, кто есть кто.

Под одобрительный гул голосов Фрейд стал называть имена своих последователей, каждый из которых вскакивал со стула и кланялся Лу. Когда очередь дошла до голубоглазого красавца, Фрейд сказал: «Виктор Тауск», — и Лу чуть было не ахнула вслух — она с большим интересом читала оригинальные эссе Виктора Тауска, но и представить себе не могла, что он так молод и хорош собой. В перерыве она намеренно затеяла громкую дискуссию о нарциссизме, — вспомнив, что читала довольно смелые работы Тауска на эту тему. Тот немедленно включился в спор, и в результате общая беседа свелась к диалогу между ним и Лу. И вышло

вполне естественно, что облюбленный Лу красавец пошел провожать ее домой после семинара.

— Ваши идеи, даже неправильные, очень свежи. Они врываются, как весенний ветер, в наш замкнутый мужской мир, — сказал он Лу. И взял ее под руку. Она не отстранилась — его прикосновение тоже ворвалось, как весенний ветер, в ее полусонное существование последнего полугодия. Она вдруг снова почувствовала себя молодой и желанной. Осторожно подведя разговор к воспоминаниям детства — детство было одной из горячих тем психоанализа, — Лу выяснила, что Виктор моложе ее на восемнадцать лет. Это ее не смутило, а скорее обрадовало — она предпочитала молодых любовников пожилым. Опыт романов с Райнером Рильке и Мартином Бубером подтверждал ее убеждение, что чем мужчина моложе, тем больше он склонен к любви.

Их роман, как всегда у Лу, начался не с физического сближения, а с духовного, — обсуждая семинар, они поделились своими соображениями о недостатках Фрейда. Так сладостно найти единомышленника, который на лету подхватывает мысли об отрицательных чертах обожаемого кумира — о его догматизме, консерватизме, о его нежелании искать пути для развития первоначальной великой идеи. Их взаимопонимание казалось зажигательнее физического прикосновения. Им стало так хорошо друг с другом, что не захотелось расставаться. И Лу пригласила Виктора подняться к ней в номер, чтобы не прерывать увлекательную беседу.

Они проголодались, и естественно, Лу заказала в номер легкий ужин, а после все случилось само собой хорошо и складно. Они провели прекрасную ночь, занимаясь любовью, а в промежутках продолжали свое увлекательное духовное общение. Виктор выскользнул из комнаты Лу только на рассвете, и она заснула давно не испытанным глубоким сладким сном. Ее даже не разбудил осторожный приход курьера, принесшего записку от Фрейда с приглашением к завтраку. Обнаружив, что она проспала не только завтрак, но и возможность объяснить великому человеку, почему она не явилась к завтраку, Лу быстро сообразила, как выйти из положения.

Что ж, выход нашелся легко, тем более что, по мнению Лу, ложь не была зазорна, если обстоятельства заставляли солгать. Поэтому она с легкостью написала Фрейду короткую записку о своем неожиданном ночном сердечном приступе, из-за которого ей пришлось под утро принять снотворное. Она проснулась только в полдень — это была единственная правда, — и ужаснулась, что пропустила удовольствие от завтрака с ним. Записку она отправила с курьером и, не отказавшись побаловать себя кофе с пирожным, опять заснула — в ее возрасте столь бурная ночь любви требовала срочного восстановления сил.

Хоть Лу и Виктор не афишировали свой роман, все равно поползли слухи, да и зоркий глаз великого психолога заметил чрезмерную живость их профессиональных дискуссий. Так что у него появились серьезные основания для ревности, а он был ревнив — не сексуально, а профессионально. Тем более что красавец Тауск во всем напоминал ему другого красавца-предателя, Карла Юнга. Хотя Виктор не обладал существенным достоинством Юнга — быть единственным арийцем в психоаналитическом сообществе. Стройный, белокурый и голубоглазый Тауск был евреем, как и все другие.

Петра

Я вдруг почувствовала, что устала от бесчисленных романов моей героини — постоянная смена любовников возвращала ей молодость, но меня неверность Лу подавляла своим чудовищным однообразием. Каждая ее любовная интрига была точной копией предыдущей и последующей. Единственным исключением стал ее многолетний роман с Зигмундом Фрейдом — по легенде, она и его пыталась соблазнить, но он отказался, чтобы оставить идеальным их великий духовный брак. Он объяснил это ей в точности так, как она объясняла когда-то Карлу Андреасу свой отказ от сексуальных отношений с ним.

Кто знает, может в этом есть сермяжная правда?

Элизабет

Граф Гарри вернулся в Веймар из Берлина последним поездом. Было уже поздно идти в Архив к Элизабет, и он отложил визит на следующий день, предвидя неприятный разговор с упреками и слезами. Реальных причин для ссоры не было, но он за эти годы хорошо изучил свою верную союзницу и понимал, когда за нее говорит не она сама, а пасторская дочь, с детства затвердившая занудную отцовскую мораль. Даже удивительно, как Элизабет, усердно пропагандируя беспощадную идеологию своего великого брата, не могла принять ни одного поступка, соответствующего этой идеологии.

Все было, как Гарри и предвидел, отправляясь в Архив Ницше. Взбежав по лестнице наверх, он приоткрыл дверь в кабинет и осторожно заглянул. Элизабет стояла у окна, прижавшись лицом к стеклу, плечи ее вздрагивали. Он тихо постучал в дверь и кашлянул. Элизабет отпрянула от окна и резко обернулась — лицо ее было искажено гневом.

— Как ты мог со мной так поступить? — прорыдала она, простирая к нему руку, в которой было зажато то самое письмо.

— В чем дело, Лиззи? — невинно спросил он, делая шаг навстречу. — Что тебя так огорчило?

Она яростно швырнула письмо ему в лицо — даже упоминание ласкательного детского имени не помогло.

— Будто ты не понимаешь!

Он ловко перехватил бумажный комок за миллиметр от левого глаза, положил его на стол и аккуратно разглядел.

— Так, значит, ты получила письмо о создании фонда памяти Фридриха Ницше. И что в нем такого плохого, чтобы плакать?

— А то, что вы хотите отобрать у меня мой Архив! Отобрать и присвоить!

Как он и ожидал — инстинкт самосохранения сработал у нее безупречно.

— Откуда эта безумная идея?

— Будто я не знаю, для чего создаются фонды! Меня хорошо прокатили в Парагвае с так называемым фондом развития. Вышвырнули прочь, как слепого котенка, без прав и без копейки!

— Но там председателем фонда был не я!

— А ты, конечно, на такое не способен, да? Что-то помнится мне, как мы с помощью фонда отобрали у моей мамы права на произведения Фрицци. Не ты ли был тогда председателем?

Да, память никогда не подводила Лиззи, но можно попытаться ей возразить:

— Да, что-то такое тогда случилось. Но ведь у нас была благородная цель — перевезти архив Фридриха в Веймар.

— Зато теперь у тебя другая благородная цель — построить в Веймаре стадион имени Ницше. А ради ее достижения ты готов всем пожертвовать, даже своей верной Лиззи!

— Откуда ты взяла, что я собираюсь тобой пожертвовать?

— Я внимательно прочла имена отцов-основателей фонда. Глянь, кто тут: Томас Манн, Ромен Роллан, Рудольф Штайнер... Читать дальше?

— Не понимаю, что ты хочешь сказать. Это люди, известные всей Европе.

— Это не главное, важно другое — эти люди были директорами нашего Архива и ушли, ссылаясь на то, что я не понимаю великих мыслей своего брата. Теперь под этим предлогом они постараются от меня избавиться.

— Глупости! Я им не позволю это сделать, даже если они захотят.

— Ты бы, может, и позволил, да я не позволю! Я уже все обдумала — мы купим у города землю для стадиона через Архив Ницше. Иначе я эту бумагу не подпишу.

— Но, Лиззи, они не согласятся! — слабо возразил Гарри, в который раз восхищаясь ее практическим умом.

— Они согласятся на все, что ты им внушишь. А ты им внушишь, пусть знают, что иначе я эту бумагу не подпишу.

— Ладно, я подумаю, как это сделать. А пока поедem посмотрим на участок, который я приглядел для стадиона.

— Кстати, — сказала вдруг Элизабет, спускаясь по лестнице. — Что это за история с русским балетом?

Граф Гарри

— Все-то ты знаешь! Я вижу, у тебя хорошо поставлена информационная служба, — засмеялся Гарри.

— Но я не знаю, что ты нашел в этих русских!

— Не знаешь потому, что ты их не видел. Это просто чудо! Таких танцоров нет ни у нас, ни у французов. Они мгновенно покорили Париж.

Весь ли Париж они покорили или только светский, но графа Гарри они покорили точно. Русский балет Дягилева представил ему сам Огюст Роден, великий ценитель прекрасного. Он повел Кесслера в галерею возле Сакре-Кер, где были выставлены его новые эскизы. На многих из них по черному полю летел бескрылый белый ангел, в каждом ракурсе совершенный.

— Это твоя новая фантазия, Огюст?

— Нет, это моя новая реальность. В Париже несколько месяцев выступает русский балет Дягилева, а это их главный солист Вацлав Нижинский, воплощенный Эрос. Теперь мне понятно, какими юношами вдохновлялись древние греки.

Петра

Даже представить себе не могу, как Роден произнес эти русские имена — Дягилев и Вацлав Нижинский. Я думаю, если бы мы это услышали, то не поняли, о ком он говорит. Впрочем, мы их Шекспиров и Роденов тоже искажаем до неузнаваемости.

На спектакль балета Дягилева «Жар-птица» Гарри повел с собой Майоля, которого он обожал как создание рук своих — он его нашел, вывел в люди, был его главным патроном и художественным судьей. Увидев Нижинского на сце-

не, Майоль сначала потерял дар речи, а после спектакля сказал задумчиво:

— Этому прекрасному юноше нечем гордиться — каждый настоящий артист чувствует, что не он творит искусство, а высшая сила творит через него.

Когда Нижинский в цивильной одежде вышел к ним после спектакля, их поразило, каким миниатюрным он выглядел. Граф Гарри представил ему Майоля, и танцовщик согласился позировать тому для композиции «Весна».

Граф Гарри

— Явился наконец, — сказала Элизабет, когда Гарри вернулся в Веймар после долгого отсутствия. — Я думала, ты совсем нас забыл.

— Как я могу вас забыть? Я только о вас и думаю.

— Что, в Париже о нас думать приятней?

— Не приятней, а полезней. Ведь без моего любимого мужа Веймар перестал быть культурной столицей Европы. Кроме того, в Париже легче встретить людей, готовых пожертвовать деньги на мемориал Фридриха Ницше.

— Ну и как, жертвуют?

— И еще как! Ты представляешь, наш фонд уже приблизился к миллиону марок, так что скоро можно будет начать строительство стадиона.

— А до меня дошли слухи, что ты больше увлекаешься русским балетом, чем проектом мемориала. Это правда?

Лицо Гарри озарила мечтательная улыбка.

— Конечно, правда. Русский балет — настоящее чудо! Если бы ты хоть раз их увидела! Не надо морщиться, мне известны твои стародавические принципы. Но красота — это красота. А кроме того, я позаботился и о нашем деле — уговорил Родена сваять фигуру Фридриха для ворот стадиона, а божественного танцовщика Нижинского — позировать Родену.

— Мне что-то не помнится, чтобы у моего брата была фигура божественного танцовщика!

— Моя дорогая Элизабет, ты неисправима в своем реализме! Фигура над воротами будет символизировать великий дух Фридриха Ницше, а не его брненное тело.

— Ну, раз ты обо всем договорился, я надеюсь, ты теперь поживешь какое-то время в нашем захолустье? У меня есть несколько нерешенных проблем, с которыми я сама не справлюсь.

— Ну, конечно, я останусь ненадолго и помогу тебе. Но, честно говоря, мои мысли сейчас направлены на другое. Ты знаешь, Лиззи, я всю жизнь занимался судьбой художников и поэтов. Я находил их, вдохновлял, устраивал им выставки и презентации, добывал для них заказы. А теперь я сам стал... не знаю, как сказать... творцом, что ли...

— Начал писать картины или ваять скульптуры?

— Ни то ни другое. Мы с Гуго фон Гофмансталем работаем над сценарием балета на библейскую тему. Это так увлекательно!

— Я бы на твоём месте не слишком увлекалась совместной работой с Гуго. Разве он уже разок не присвоил ваше совместное творение «Розенкавалер»? Кстати, творение, я слышала, очень успешное — в газетах писали, что ваш водевиль обошел многие сцены Европы, но без твоего имени.

— Не совсем так — мое имя стоит в строчке «вдохновитель».

— Ах, Гарри, мой милый Гарри, ты и есть вечный вдохновитель! Ведь и меня ты вдохновил создать этот Архив.

— Я и теперь вдохновляю всех — и капризного Гуго, и упрямого композитора, и танцоров, и хореографа. Но на этот раз я стараюсь для себя.

— Что же такое божественное ты сочиняешь?

— Я задумал балет о прекрасном Иосифе и жене Потифара.

— Фу, какая гадость! — поморщилась Элизабет. — Ты не мог найти в Библии чего-нибудь почище?

— Из совсем чистого балет получается скучный. Для балета нужна драма, а чистых драм не бывает. И даже эту прекрасную драму мой великий композитор Рихард Штраус на-

ходит недостаточно драматичной. Он жалуется, что в его артистической душе нет подходящей мелодии для богобоязненного Иосифа — тот для него слишком чист.

— Напомни, что там было с женой Потифара? Ведь этот Потифар не был фараоном?

— Нет-нет, он был главным советником фараона, а Иосиф — его рабом. Ты забыла всю историю Иосифа?

— Нет, не всю. Я помню, что он был очень красив, а братья ему завидовали и бросили в колодец посреди пустыни. Его спасли идущие мимо караванчики и продали в рабство в Египет, правильно?

— Да, так Иосиф стал рабом Потифара. Все было хорошо — он убирал покои советника и ухаживал за цветниками, пока жена Потифара не обратила внимания на его исключительную красоту. И возжелала его.

— А как ее звали?

— Она долго не имела имени, была только безымянной женой Потифара, пока кто-то через несколько веков не назвал ее Зюлейкой.

— Значит, Зюлейка возжелала прекрасного Иосифа. Как же вы изобразили это в балете?

— Это трудно передать словами, это надо увидеть. Поедешь в Париж на премьеру?

— Я? Ты с ума сошел! Я не желаю видеть такую развратную гадость!

— Почему ты решила, что это развратная гадость?

Элизабет достала из правого ящика стола газетный листок и протянула его Гарри.

— Вот, я прочла в местной газете перевод статьи главного редактора парижского «Фигаро» Кальметта. Он пишет, что твой возлюбленный Нисчинский...

— Нижинский!

— Какая разница? Об их русские имена можно язык сломать. В газете написано, что твой возлюбленный Нисчинский... — на этот раз Гарри сдержался и не стал ее поправлять, — ...воплощенная похоть, оскорбляющая чувства приличных женщин. И что твоего возлюбленного Родена надо лишить

государственных заказов за его отвратительные эротические эскизы русских танцовщиков, выставленные в Сакре-Кер.

— Зачем ты читаешь эту клевету? — вспыхнул Гарри. — Ведь ты не видела ни балета, ни эскизов Родена.

— Но я видела, как тебя выгнали из твоего любимого музея из-за эскизов Родена. И как ты из-за этого страдал. Я не хочу, чтобы ты мучился опять.

— Но именно благодаря балету я наконец перестал страдать! Конечно, потеря музея была для меня страшным ударом — из вершителя Но я видела, как тебя выгнали из твоего любимого мусудеб многих художников я стал одним из рядовых любителей искусства. Я уже не директор престижного музея, а просто богатый щелкопер, проматывающий наследство отца. А теперь я один из творцов, мы вместе делаем чудо — нечто, чего раньше не было!

Элизабет иронично поинтересовалась, как Гарри делает чудо. Но тот иронии не принял, он был слишком увлечен своим балетом:

— Представь, я вхожу в зал для репетиций, он совсем пустой — огромное пространство натертого паркета, да в углу пара стульев и рояль. Гуго, как всегда, сказался больным и не пришел, он терпеть не может репетиций. Так что я один излагаю хореографу и композитору сюжет следующей сцены, ее суть и задачу. Композитор наигрывает главную музыкальную тему, и хореограф зовет Нижинского, чтобы вместе с ним разрабатывать рисунок танца. И все они советуются со мной как с равным. Не как с пресыщенным богачом, играющим в искусство, а как с таким же творцом, как они. Ты понимаешь, как мне это важно?

— Я понимаю, что тебя ничего не удержит в Веймаре, пока ты не развяжешься с этим балетом.

И Элизабет заплакала, что случилось с ней крайне редко.

Петра

Граф Гарри вернулся в Париж и с головой окунулся в создание балета «Легенда об Иосифе». К началу 1914 года спек-

такль был почти готов к премьере. Это было очень кстати — Европа пузырилась довольством и искусством. Как грибы после дождя возникали новые оперные и балетные постановки, атонические симфонии, новые живописные измы, новые виды поэзии — без рифмы, без ритма, без смысла. Любителей искусств особенно утомлял смысл — казалось, в жизни европейцев было слишком много лишнего смысла. И никто не ожидал, что вся эта благодать рухнет в одночасье и жизнь внезапно обретет смысл как противоположность смерти.

28 июля 1914 года началась Первая мировая война.

Хотя граф Гарри Кесслер назвал первый том своих мемуаров «Путь в бездну», даже в июле 1914 года ни он, ни его спутники, порхающие в вихре вальса из одной столицы Европы в другую, не догадывались, что это и есть путь в бездну. Они были так увлечены этим порханием, блеском, этим фейерверком выставок и премьер, что мысль о чем-то дурном не приходила им в головы.

Граф Гарри

Премьера балета «Легенда об Иосифе» состоялась в парижской опере 14 мая 1914 года. Она прошла при полном восторге зала, но граф Гарри был слегка разочарован — не все его высокопоставленные аристократические друзья-приятели явились в оперный зал. Гораздо бóльшие надежды Гарри возлагал на лондонскую премьеру, которая была назначена на 23 июня в театре на Друри-Лейн.

Лондонский успех стал настоящим триумфом — о нем писали газеты, говорили во всех модных салонах. Однако третье представление балета, назначенное на 29 июня 1914 года, опять разочаровало графа Гарри. Королевская чета, которая должна была осчастливить спектакль своим присутствием, в последнюю минуту прислала свои извинения — их задержали семейные осложнения.

Вскоре стало известно, какие осложнения случились в королевской семье: в Сараево сербским студентом Гаврилой Принципом был убит наследник австро-венгерского импе-

ратора эрцгерцог Франц Фердинанд. Известие об этой трагедии было очень огорчительным, но даже тогда никто не заподозрил, что это прямой путь в бездну.

Нейтра

Во Франции убийство эрцгерцога Франца Фердинанда прошло, можно сказать, незамеченным — все внимание было приковано к судебному процессу над женой министра финансов мадам Галлуаз, которая застрелила редактора парижской газеты «Фигаро» Кальметта за то, что он опубликовал ее личные письма. Услыхав эту новость, граф Гарри тихо возликовал — совсем недавно он сам собирался убить Кальметта на дуэли за его гнусную статью о Нижинском и Родене. И наверняка застрелил бы — граф был отличным стрелком, — если бы Роден не взмолился и не отговорил друга вызывать обидчика на дуэль, потому что тогда Гарри, как иностранного подданного, посадили бы в тюрьму за убийство. Теперь отважная мадам Галлуаз восстановила справедливость и 29 июня 1914 года была оправдана судом, что отвлекло всеобщий интерес французов от международных событий.

И никто не заметил, что Европа уже ступила на край бездны. И бездна смотрит ей в глаза, как и предсказывал Фридрих Ницше.

Граф Гарри

За обедом в «Савойе» Огюст Роден спросил графа Гарри: — Я слышал, что ты собираешься сегодня вернуться на континент?

— Давно пора, — ответил Гарри. — Меня ждут и в Берлине, и в Веймаре.

— Если ты подождешь до завтра, мы можем поехать вместе.

— Отлично! — воскликнул Гарри, и они на следующий день покинули Англию.

Перед сном Гарри написал в своем дневнике:

«Роден оказался прекрасным спутником. Всю дорогу через Ла-Мани старик был весел и остроумен и даже не подал виду, что страдает морской болезнью. Он сознался в этом только в поезде. На вокзале в Париже его встретила подруга, и мы расстались, почти не прощаясь. Он крикнул мне вслед:

— Встретимся в четверг у графини!

Я думаю, он имел в виду мою маму, в салоне которой по четвергам собираются интересные люди».

Но в салоне у графини Кесслер они не встретились — 28 июля 1914 года началась Первая мировая война.

На следующий день, не дожидаясь четверга, предусмотрительный Гарри поспешно отправил в Англию своих отчаянно сопротивлявшихся маму и сестру. С Огюстом Роденом он больше не виделся никогда — они вдруг оказались по разные стороны линии фронта: один немец, другой француз. Роден не дожил до конца войны, умер в 1917-м.

В 1918 году закончилась не только Первая мировая война, закончился и исчез навсегда тот удивительный неповторимый мир, который впоследствии был назван прекрасной эпохой.

Нейтра

Я не буду писать о Первой Мировой Войне. Это была страшная бессмысленная мясорубка, которая поглотила десять миллионов жизней и которая свелась к тупому многолетнему сидению в окопах под взаимным артиллерийским обстрелом.

В результате человечество осознало, что жизнь отдельного человека ничего не стоит — она и раньше стоила недорого, но все же не совсем ничего. Об этом написано множество книг — документальных исследований, исторических трактатов, воспоминаний и художественных романов. Поэтому я упомяну только об отдельных реальных фактах, которые связаны с моими героями.

Элизабет

Элизабет в глубокой задумчивости склонилась над финансовым отчетом. Радоваться было нечему — во второй год этой бессмысленной войны дела Архива обстояли из рук вон плохо: поток туристов уменьшился почти до нуля, пожертвования прекратились. Исправить ситуацию она не могла, хотя давно отрекалась от своих первых восторгов после начала войны, пусть неожиданной и необъяснимой, но подающей надежду на торжество германского духа. Увы, надежда не оправдалась, германский дух не восторжествовал, а конца войны не предвиделось.

От грустных мыслей ее отвлек стук быстрых каблуков по давно не полированному паркету — в кассе Архива катастрофически не хватало денег. Элизабет подняла голову, и взгляд ее уперся в молодцеватый офицерский мундир, а вслед за тем она обнаружила улыбающееся лицо Гарри. Элизабет глазам своим не поверила — она знала, что граф уже почти год пропал где-то в болотах на Восточном фронте.

— Гарри! Неужели это ты? — позабыв о своем солидном возрасте, Элизабет с живостью вскочила и повисла у него на шее. — Как тебе удалось вырваться из лап войны?

— Чудом! — с трудом высвобождаясь из ее объятий, ответил граф. И пояснил: — Мне очень нужно было повидаться с тобой.

— Чудо можно объяснить тем, что мне нужно было повидаться с тобой! Погляди вокруг. Что ты видишь?

— Я бы сказал, что наш дорогой Архив выглядит запущенным.

— Вот именно дорогой. Еще какой дорогой! У меня больше нет денег на его содержание. И даже одолжить не у кого, у всех деньги съела война.

Гарри прошелся по комнате и остановился возле окна.

— Что это за пятно на паркете?

— На днях был страшный ливень, а крыша протекает.

— Опять протекает! Для этого я увез тебя из Наумбурга, где крыша вечно протекала?

— Мне не до шуток, Гарри. И даже не до крыши. Что делать? Казна пуста, а до конца месяца нужно заплатить городской налог.

Гарри сел в крутящееся кресло и сделал несколько оборотов.

— Я же сказал тебе — произошло чудо. Мне так нужно было повидаться с тобой, что высшие силы вытащили меня из зловонного русского болота. А я уже окончательно пал духом. Ты даже не представляешь, какая это мука таскаться по бескрайним топям, то убегая от русской армии, то гоняясь за ней. Я даже осознал, что уже не так молод, чтобы целые дни топтать грязь промокшими сапогами. И вдруг пришел неожиданный приказ — графу Кесслеру срочно явиться в Берлин. И доблестный граф, позабыв о воинских подвигах, помчался в Берлин как на крыльях.

— И что оказалось?

— Оказалось, что меня перебрасывают в благословенную нейтральную Швейцарию.

— Зачем?

— Чтобы говорить там на всех известных мне языках со всеми известными мне дипломатами враждующих стран. А главное, выведывать у них тайные замыслы их военачальников.

— А ты умеешь выведывать?

— Думаю, что умею. Открою секрет: я недавно прочел в одной из газет прошлого века, что во время франко-прусской войны знаменитая красавица Алиса Линч обольстила французского главнокомандующего генерала Буланже и выведала у него какие-то важные военные тайны.

— И как тут замешан ты?

— Ты сильно изголодалась, дорогая, если забыла, что знаменитая красавица Алиса Линч — моя любимая мама, графиня Кесслер. Хотя вряд ли она посвятила генерала Буланже в эту деталь своей биографии. Я подозреваю, что ее способности передались мне вместе с красотой.

— Боже мой, действительно забыла! Про маму забыла, про красоту, конечно, нет. А пока ты все еще красивый, по-

скорей отправляйся в Швейцарию и употреби свои способности, чтобы разузнать все военные тайны и закончить эту нелепую войну!

— Ты заметила, что хотя я очень спешу, я все же решил заскочить по дороге к тебе в Веймар? Заскочил не просто, чтобы тебя повидать, а чтобы спасти Архив.

— Как же ты можешь нас спасти? Взять с собой в благословенную мирную Швейцарию?

— К чему такие крайности? Нигде нашего Фридриха не ценят так, как в его родной Германии.

— При чем тут Фридрих?

Вместо ответа Гарри протянул руку и поднял Элизабет с кресла — она совсем исхудала и стала легкая, как пушинка.

— Я с дороги проголодался. Пойдем вниз в буфет, выпьем по чашечке кофе, и я расскажу тебе дивную сказку.

— У нас в буфете давно уже нет кофе, — вздохнула Элизабет. — Да и поесть особо нечего, кроме постных булочек.

— Я это предусмотрел, — похвастался Гарри, помогая Элизабет спуститься по лестнице. Посетителей в буфете не было — что им там делать, если не предлагалось ни выпить, ни съесть? Не было даже буфетчика — он теперь работал только полдня, на жалованье за полный день денег у Архива не хватало.

— Воду вскипятить можешь? — Гарри открыл свою дорожную сумку и извлек оттуда несколько аккуратных пакетов. — Где тарелки? Сейчас я тебя накормлю, вот только дверь сперва запру, чтобы не вызывать ненужную зависть у других, лишенных этого великолепия.

Действительно, розовые ломтики ветчины, веером разложенные среди лимонно-желтых ломтиков сыра, выглядели соблазнительно, вот только вызывать зависть было не у кого: Архив был пуст, как бывает пуст музей во время войны.

— Это и есть твоя дивная сказка? — спросила Элизабет, с удовольствием надкусывая бутерброд с ветчиной.

— Нет-нет, это только пролог, — засмеялся Гарри, вгрызаясь в свой бутерброд с не меньшим удовольствием. — Я тоже изрядно изголодался в дремучих восточных лесах.

— Спасибо за роскошный пир. Подумать только — называть пиром чашку кофе с бутербродом! — вздохнула Элизабет, крошечными глотками смакуя кофе. И не удержалась, упрекнула графа: — А ведь виноваты во всем твои любимые англичане, устроившие нам эту ужасную морскую блокаду.

Гарри промолчал — не мог же он защищать своих некогда любимых англичан, заставивших Германию испытать времена воистину ужасные. И, выцедив из кофейника последние капли драгоценного напитка, положил на стол тоненький листок.

— Хватит о грустном. Лучше прочти мою дивную сказку.

— Что это? — спросила Элизабет, доставая из кармана очки.

— Это заказ на сто пятьдесят тысяч экземпляров книги Фридриха Ницше «Так сказал Заратустра».

— Целых сто пятьдесят? — неуверенно прошептала Элизабет.

— Тысяч! — поправил ее Гарри.

— Что ты имеешь в виду? — тупо проговорила Элизабет.

— Я имею в виду три нуля, замыкающих цифру сто пятьдесят.

— Это шутка? Таких заказов не бывает!

— Это смотря, кто заказчик.

— А кто заказчик?

— Ты что, читать разучилась, Лиззи? Ведь тут ясно написано — военное министерство его величества кайзера Вильгельма Второго.

— С какой стати военное министерство кайзера станет заказывать такое количество одной-единственной книги Фрицци?

— Для поддержания боевого духа наших доблестных солдат. Поверь мне, после тяжелых испытаний войны дух наших доблестных солдат очень нуждается в поддержке.

Элизабет все еще не могла поверить. Она стала допытываться у графа, кто в военном министерстве так хорошо знаком с творчеством ее несчастного великого брата. И Гарри

сознался: книгу Фридриха заказал его, графа Гарри, хороший друг, заместитель военного министра Вальтер Ратенау, большой поклонник творчества Ницше.

— Этот еврей заместитель министра? — не удержалась Элизабет. — Не может быть! На такие должности евреев не назначают.

— Смотри какой еврей! Ратенау — владелец доброй половины военных заводов Германии. Без него мы давно бы проиграли войну.

— Представляю, сколько он на этом заработал!

— А ты лучше представь, сколько заработала ты на славленом имени своего брата! — отпарировал Гарри. — Пересчитай свои роскошные туалеты, добавь к этому шикарную квартиру при музее и свои визиты во дворец эрцгерцога, а потом сравни все это со скудной жизнью в Наумбурге.

Элизабет смутилась, что случилось с нею нечасто.

— Ладно, прости, я просто опьянела от настоящего кофе. Но как твой друг Ратенау узнал о бедственном положении Архива?

— Он по моей просьбе посетил вас две недели назад.

— Странно, почему я его не видела?

— Он был здесь инкогнито, и ты просто его не узнала — за последнее время он так облысел, что стал похож на бильярдный шар.

Элизабет засмеялась — впервые за прошедшие месяцы, — ей понравилось сходство головы Ратенау с бильярдным шаром. И вернулась к делу:

— А что мне теперь делать с этим заказом?

— Пускай директор оформит продажу прав на издание «Заратустры» военному министерству по три марки за штуку.

— Какой директор? Директора давно и след простыл — денег на жалованье нет, а работать даром никто не хочет. Директор теперь я.

— Ну и отлично. Пойдем в кабинет и оформим продажу прав на сто пятьдесят тысяч экземпляров.

— Сто пятьдесят тысяч умножить на три, выходит четыреста пятьдесят тысяч марок, — мечтательно пропела Эли-

забет. — Хватит и на уборку, и на ремонт крыши, и на год жизни до конца войны. Мне начинает нравиться твой друг с бильярдным шаром вместо головы.

Петра

Молодой ефрейтор Адольф Шикльгрюбер даже представить себе не мог, как ужасно сидение в окопах. Во-первых, всегда хочется есть, и даже не просто есть, а жрать — что угодно и когда угодно. Удивительно, что в желудке всегда пусто, если даже ты только-только забросил туда котелок каши и полбуханки хлеба. Но, хоть в желудке и пусто, опорожнить кишечник, сидя в окопе, постоянно хочется, но не всегда удастся, ведь французские пушки стреляют через равные промежутки времени, примерно один залп в десять минут, и за десять минут ты должен успеть выбраться из окопа — ползком, чтобы снайперы не отстрелили голову, спустить штаны и выпустить дерьмо из зада, причем лежа, потому что сесть на корточки нельзя. А потом едва успеваешь натянуть штаны и спрыгнуть обратно в окоп, как начинается вновь пальба.

Но еще хуже, если французские пушки стреляют когда им вздумается. Если они выпускают один залп за другим и замолкают, непонятно насколько, никакая скорость не поможет. Но даже если все в порядке — и голод не так гложет желудок, и кишечник получилось удачно опорожнить, все равно сидеть в окопе день и ночь невыносимо. То идет дождь, то печет солнце, а главное — хочется просто умереть от скуки. Можно привыкнуть к постоянной канонаде — и к своей, и к французской, можно пристроиться в сухом уголке окопа и поспать несколько часов, но что делать весь остальной день, да и ночь? С соседями уже обо всем переговорено, хорошо, если не перессорились, все анекдоты рассказаны, остается только выть от тоски. Говорят, некоторые слабонервные выли-выли, а потом не выдерживали и пускали себе пулю в лоб.

Адольф никак не мог понять, чему он так радовался, когда началась война. Наверно, потому, что ликовали все вокруг, — многим казалось, что война — это такая героическая

игра, которая кончится через пару недель. А оказалось, что никакой игры нет — только кровь, вонь и скука.

Он приподнялся на локте и с удивлением обнаружил, что пожилой сосед — ему уже, небось, перевалило за тридцать, — углубился в чтение. Что само по себе было непостижимо — книг в окопе давно никто не видел.

— Что с тобой, Юрген? — спросил Адольф. — Откуда у тебя книга?

— Да пока ты спал, нам тут пачку забросили, когда воду привозили. Каждому по одной. Вон твоя лежит, у тебя на ранце.

— Каждому? — удивился Адольф. — Так только что Библию раздавали. — Он взял в руки свою книгу и прочел на обложке: наверху имя автора — Фридрих Вильгельм Ницше, а пониже заголовок: «Так сказал Заратустра». Ладно, можно полистать этого Заратустру, все лучше, чем скука. Адольф раскрыл книгу наугад и прочел:

«Говорит мне справедливость: люди не равны. И они не должны быть равны».

Адольф чуть не задохнулся от восторга — он давно догадался, что люди не равны, но не решался сказать это вслух. Молодец этот Фридрих, или как его там, смелый парень. Можно почитать дальше, до чего еще он додумался.

«Человек — это канат, протянутый между животным и сверхчеловеком, это канат над пропастью.

Жизнь есть родник радости; но всюду, где пьет отребье, все родники бывают отравлены.

Бог умер: теперь мы ищем сверхчеловека».

— Вот оно! — восхитился Адольф. — Нужно искать сверхчеловека! А может, он уже найден? Просто, никто еще не знает, что это я. Ничего, они еще узнают!

Граф Гарри

— А когда ты успел подружиться с этим Вальтером Ратенау? — спросила Элизабет на прощанье.

Граф Гарри навсегда запомнил их первую встречу. Это случилось вскоре после его вынужденного возвращения из Веймара в Берлин. Гарри был приглашен на скучный званный обед, которого хотел бы избежать, но не мог — он обещал своей тетушке сопровождать ее к столу. Унылые, чисто немецкие блюда размеренно следовали одно за другим. Избалованный французской кухней, он без аппетита ковырял вилкой ломтик пресной вареной рыбы, когда вдруг услышал этот голос, истинно мужской, нежный и могучий одновременно.

Гарри вздрогнул от неожиданности и обернулся — голос звучал за его спиной. Тетушка продолжала что-то лепетать, не замечая, что племянник уже упорхнул от нее в другой мир.

Высокий стройный господин, произносивший тост, был под стать своему голосу — в его не по-немецки тугих кудрях и нездешних миндалевидных глазах сливались мужество и нежность. «Еврей!» — догадался Гарри и удивился — на такие званные обеды приглашать евреев было не принято.

— Кто этот господин? — спросил он у тетушки, которая знала всех, кого стоило знать.

— Неужели ты с ним незнаком? — не поверила она. — Большое упущение! Это Вальтер, сын знаменитого Эмиля Ратенау, владельца фирмы «Телефункен».

— А чем этот Эмиль знаменит?

— Я вижу, ты совсем одичал в своем провинциальном Веймаре. Говорят, что он в молодости купил у Эдисона патент на электрическую лампочку и провел электричество по всей Германии. Ведь до этого дома освещались опасным и вонючим газовым светом.

— Спасибо, тетя, я восхищаюсь твоей осведомленностью. К сожалению, я уже покончил с провинциальным Веймаром и возвращаюсь в цивилизованный мир.

Но вместо того, чтобы вернуться в цивилизованный мир и ответить на заигрывания кокетливой соседки слева, Гарри отключился от застольной беседы, чтобы придумать, как познакомиться с привлекательным господином Ратенау. Ис-

тинно немецкий званый обед подчинялся ряду правил, которые не позволяли одному воспитанному джентльмену подойти к другому незнакомому воспитанному джентльмену, фамильярно хлопнуть его по плечу и пригласить на чашечку кофе или рюмочку коньяка.

Разработав подходящую стратегию, Гарри в конце обеда поспешно простился с тетушкой и занял наблюдательную позицию у окна за спиной Ратенау, который все еще сидел у стола, углубленный в разговор с хозяином дома. Их беседу прервала жена хозяина, желавшая, чтобы ее супруг вышел из-за стола попрощаться с уходившими гостями.

Сама же хозяйка задержалась возле поднявшегося со стула Ратенау с явным интересом к тому, что он ей говорил. Граф Гарри, не теряя времени, стал между ними, якобы для того, чтобы поцеловать ручку хозяйки и похвалить ее изумительный обед. Эта маленькая ложь нисколько не смущала его совесть — он прекрасно понимал, что хозяйка дома, как истинная немка, не сомневалась, что поданный ею унылый немецкий обед превосходен. Закончив хвалебную речь, Гарри попросил представить его ее собеседнику.

— Зачем представлять вас, граф Гарри Кесслер? — нарушая строгие немецкие правила, воскликнул Ратенау. — Я отлично вас знаю, дважды посещал ваш бесподобный Архив в Веймаре, а в Берлине не пропустил ни одной, устроенной вами выставки.

— Почему же я вас никогда не видел? — усомнился Гарри.

— Вы просто не обратили на меня внимания.

— Этого не может быть! — совершенно искренне вырвалось у графа.

Ратенау засмеялся — он тоже искренне поверил словам Гарри. И они, не сговариваясь, рука об руку пошли к выходу, обмениваясь идеями и мнениями так, словно были знакомы всю жизнь. Им это было нетрудно — будучи ровесниками и диссидентами, они читали те же самые книги, любили тех же самых поэтов, почитали тех же самых художников и презирали тех же самых политиков.

Нейра

С этой минуты они были неразлучны настолько, насколько могут быть неразлучны в этой жизни взрослые независимые мужчины.

Разлучила их только смерть. Смерть, сыгравшая роковую роль не только в судьбе Германии, но и всей Европы. И не только Европы.

Министр иностранных дел Веймарской республики Вальтер Ратенау, еврей, друг графа Гарри Кесслера и философа Мартина Бубера, был убит членами подпольной антисемитской организации «Консул» на улице Берлина 24 июня 1922 года.

Но между началом Первой мировой войны и роковым 1922 годом лежит длинная полоса исторической нестабильности, в которой Вальтеру Ратенау была отведена выдающаяся роль.

Граф Гарри

Граф Гарри пригласил Ратенау провести вечер с ним и с двумя известными поэтами, его друзьями, не знакомыми до того с Вальтером. Несмотря на славу мастеров слова в поэтических кругах, оба поэта были потрясены красноречием Ратенау. Речь шла о еврействе. Вернувшись домой, Гарри попытался в своем дневнике воспроизвести хотя бы часть сказанного Вальтером.

«— Можно представить еврейство так. Господь Бог поступил с ним как французский шеф-повар с продуктом, который он собирается приготовить на ужин, — он заготавливает его ингредиенты с утра. Он сложил некое количество мощных мозгов в котел, туда же вложил одну-единственную книгу, Библию, котел запечатал наглухо и оставил на дне моря на две тысячи лет.

Какой же получился результат? За две тысячи лет мощные мозги многократно перелопатили эту единственную книгу и написали комментарии на каждую ее строчку, потом комментарии на комментарии, а потом комментарии на коммен-

тариш на комментарии. Разобраться в этом месиве мог только могучий интеллект, который появлялся один раз в несколько столетий. И этот интеллект становится насущной и даже неотъемлемой необходимостью современного ему общества, хоть практической пользы он приносить не может.

— *Значит, вы против еврейского интеллектуализма? — спросил Гарри».*

Петра

Нет, он не был против еврейского интеллектуализма, он в молодости был вообще против еврейства. Приходится признать, что в начале своей деятельности Вальтер Ратенау жаждал ассимиляции евреев, но перед войной он попал под влияние еврейского философа Мартина Бубера и стал склоняться к иудаизму, не религиозному, а национальному. Он поверил в практическую силу еврейского интеллекта, хотя мог бы давно убедиться в этом не только на собственном примере, но и на примере своего отца. Однако юношеское желание быть таким, как все, преобладало в молодости, и только с возрастом Вальтер осознал, что его отличие от окружающих — это достоинство, а не недостаток.

Когда вся Германия с ликованием праздновала начало войны и дружно пела «Дойчланд юбер аллес», Вальтер Ратенау был от этого в ужасе. Пока Германия склонялась уступить Австро-Венгрии и вступить с нею в союз, Ратенау попытался уговорить кайзера Вильгельма, с которым у него были дружеские отношения, не объявлять войну России. «Пускай Австро-Венгрия и Сербия сами решают свои проблемы», — умолял он кайзера. Когда Германия все же включилась в войну, Ратенау в отчаянии пришел с визитом к фрау фон Гинденбург и сказал: «Германии конец!» По лицу его текли слезы.

Лу

Неожиданное начало войны потрясло Лу до глубины души. Погруженная в решение загадок психоанализа, она вообще не замечала нарастающей в последние недели напря-

женности в международной обстановке, так что объявление войны прозвучало для нее как гром с ясного неба. Она в принципе ненавидела войну, ужасаясь бессмысленной потере жизни, но здесь дело уже было не в принципе. Ее родная Россия выступила против ее родной Германии. Она ведь так и не решила, кто она — русская или немка и какой солдат ей дороже — русский или немецкий.

Лу все чаще вспоминала симпатичных русских мальчишек, в детстве сопровождавших ее с папой на рыбную ловлю. Папа объяснял мальчишкам секреты правильной насадки живца на крючок, а в конце отдавал им весь улов — ему нужна была не рыба, а удовольствие от процесса. Теперь этим мальчишкам уже за пятьдесят, но их сыновей призвали в солдаты для того, чтобы они стреляли в своих немецких сверстников. А кому должна была сочувствовать Лу с ее двумя родными языками? Ведь ее друга, садовника Петера, тоже призвали в армию, чтобы он стрелял в русских солдат. Петер был большим мастером по прививке роз, он охотно посвящал Лу в тайны скрещивания и выведения новых сортов. Приезжая в Геттинген, Лу часами работала с ним в саду и каждое утро восхищалась новыми результатами их вчерашних трудов. А иногда с наступлением жары они, усталые и разгоряченные, укрывались от солнца в садовом сарае и занимались любовью на охапке душистого сена.

Лу поднялась рано, и с запакованным с вечера чемоданчиком вышла в сад. Петера забрали в армию всего неделю назад, но опытный глаз уже мог подметить пагубные следы его отсутствия. Как Лу ни старалась точно выполнить его указания, розы, словно оплакивая садовника, склонили свои изящные головки и приготовились увянуть. А ведь было только начало сентября, им бы еще цвести и цвести! Но бог с ними, с розами, зато начали распускаться астры и хризантемы. Как бы они не увяли в ее отсутствии, хотя она и договорилась с соседским садовником — к счастью, пожилым для армии, — чтобы он ухаживал за ее цветами за небольшую плату.

— Я вижу, ты уже решила нас покинуть! — раздался за спиной Лу язвительный голос Мари. — Что, без садовни-

ка-любовника тебе нейдет поскорей удрать в Вену к другому молодому любовнику?

Лу не сомневалась, что Мари подозревает о ее тайной связи с Петером и украдкой следит за ней. Но ее это не беспокоило — Карл давно уже смирился с особым характером их супружеских отношений и удовлетворился ее согласием на постоянное присутствие Мари в их доме. Единственное, что и впрямь тревожило Лу, это опасение, как бы вся эта странная комбинация не вспугнула подрастающую Маришку, которую она любила как родную дочь.

Маришка уже освобождалась от детской пухлости и, как бабочка из гусеницы, превращалась в тоненькую девочку с армянскими глазами Карла, особенно заметными на фоне белокурой гривки, унаследованной от матери. Она любила Лу невыносимо страстной любовью и жестоко страдала из-за ее постоянных поездок в Вену. Оставшись с Карлом и матерью, она страшно тосковала и засыпала Лу отчаянными письмами, в которых жаловалась на жестокое обращение с нею родителей. Лу не сомневалась, что все обиды Маришки — просто детские выдумки, нацеленные на то, чтобы вернуть ее домой. И все же, несмотря на страдания девочки, Лу опять намеревалась покинуть ее и уехать в Вену — она твердо решила профессионально заняться психоанализом, но понимала, что еще не до конца исчерпала полезные уроки семинаров Фрейда.

На этот раз она действительно опоздала, но не намеренно, а из-за нарушенного войной железнодорожного расписания. Венский семинар поразил ее непривычной малолюдностью и еще более непривычной вялостью дискуссии. Она не сразу сообразила, что всех молодых участников семинара, в том числе и Виктора Тауска, мобилизовали в армию. На даже эта догадка не объясняла странной молчаливости Зигмунда Фрейда. Он был просто непохож на себя и не вступал в горячий спор с каждым, кто делал попытку подвергнуть сомнению основные положения его теории сексуального происхождения неврозов.

После окончания семинара Лу подождала, пока все разошлись, и остановилась в дверях, предполагая, что Зиг-

мунд поднимет на нее взгляд и спросит, надолго ли она приехала в Вену. Но он продолжал отчужденно сидеть за столом, погруженный в чтение каких-то бумаг. Это было на него непохоже — ведь они не виделись больше трех месяцев. Сообразив, что Фрейд сам к ней не обратится, Лу тихо спросила:

— Зигмунд, вы не собираетесь идти домой? — имея в виду выяснить, не проводит ли он ее до отеля, как раньше обычно делал после семинара. Фрейд ответил, не поднимая головы:

— Я немного задержусь, дорогая Лу. Не ждите меня.

«Значит, случилось что-то ужасное, — поняла Лу. — И он сейчас ничего не расскажет». Она тихо вышла из комнаты, медленно закрывая за собой дверь в надежде, что он ее окликнет. Но Фрейд сидел неподвижно, словно погруженный в чтение, но Лу почему-то показалось, будто он только делает вид, что читает. Выхода не было — нужно было возвращаться в отель и в недоумении ложиться спать, чего она терпеть не могла.

Хотя Лу и устала с дороги, она проснулась не слишком поздно, наспех выпила кофе и отправилась на Бергштрассе, предполагая, что у Фрейда с раннего утра прием пациентов и она сможет поговорить наедине с его младшей дочерью Анной, главной его помощницей. Оказалось, что и Анна непохожа на себя — она любила Лу и обычно громко радовалась ее приезду, а сейчас, отворив дверь, молча кивнула и посторонилась, отчужденно пропуская Лу в прихожую.

«Хорошо, что хоть впустила!» — Лу хотела было поцеловать Анну, но передумала. Она решила не тянуть с формальностями, а сразу перейти к делу.

— Что случилось, Анна? Что с отцом? У вас обоих такой вид, будто кто-то умер.

— Не произноси вслух это слово! — прошипела Анна и быстро закрыла дверь, ведущую из прихожей в комнаты.

— Но ведь никто не умер? — испугалась Лу, перебирая в памяти всех членов семьи Фрейда. Неужто она пропустила чью-то смерть?

— Всех трех моих братьев забрали в армию и послали на Восточный фронт. Они уехали и как в воду канули — вот уже почти два месяца от них ни слова. Папа сходит с ума и никого не хочет видеть, кроме пациентов.

— Можно, я все-таки подожду, пока профессор закончит прием? Надеюсь, он не откажется повидаться со мной.

— Заходите, — вздохнула Анна. — Побудьте в гостиной, я приготовлю вам чашечку кофе. Вы ведь не завтракали, правда?

Сквозь пелену печали, стягивающей юное лицо Анны, прорвался лучик лукавой улыбки — она прекрасно знала привычки Лу и понимала, что та, любившая поспать в ранние часы, могла не успеть позавтракать, чтобы примчаться в дом Фрейда в десять утра.

— С удовольствием съем твой завтрак, — улыбнулась в ответ Лу. — Надеюсь, ты можешь угостить меня блинчиками?

После завтрака Анна занялась семейным хозяйством, а Лу вынула из сумки блокнот и начала записывать основные тезисы своей предстоящей беседы с Фрейдом.

Во-первых, людям нужна война, которая помогает им высвободить из-под запрета свою истинную сущность. Ведь человек в современном обществе то и дело подавляет свои желания и побуждения, что приводит к неврозам и психическим расстройствам. Только война помогает людям докопаться до своей животной сущности.

Во-вторых, Лу нашла утешение для разбитого сердца Фрейда — она скажет ему, что его опустевший дом и опустевший семинар дают ему больше свободного времени и душевной отстраненности для более плодотворной научной работы.

Лу высказала все это Фрейду, который не перебил ее, ни разу не возразил и не сказал ни слова в ответ. Взгляд его был настолько неподвижен, что она не была до конца уверена, слышал он ее или нет. Всмотревшись в его лицо, она со стеснением сердца подумала, что глаза его затянуты пеленой невыплаканных слез.

Нейтра

Прошло два года, но конца войны не было видно. И я позволила себе выписать несколько строк из дневника графа Гарри, помеченных декабрем 1916 года.

«Мой друг написал мне из госпиталя, что он не чувствует того подъема, который испытывал год назад. “Это будет самое грустное Рождество в моей жизни, — пишет он. — Тысячи молодых людей пронесут эту печаль до конца своих дней, если останутся живы. Горечь и возмущение капля за каплей заполняют сердца тех, кому предстоит решить, каким станет будущее нашей страны. Куда бы я ни шел, я слышу гул приближающегося урагана. И пока наши политики окапывают свои частные огороды, под ними созревает страшное землетрясение, угрожающее выкорчевать все огороды вообще”».

Ураган налетел так стремительно, что у меня не хватает слов его описать. Я лучше приведу несколько газетных сообщений.

1. 5 февраля 1917 года

— Согласно телеграммам из Вашингтона, президент Вильсон предложил другим нейтральным державам присоединиться к Соединенным Штатам и прервать дипломатические отношения с Германией.

2. 25 февраля 1917 года

В России произошла революция. Русский царь отрекся от престола. Было создано Временное правительство, которое продолжило войну с Германией.

Одна из газет представила краткую историю навеки сошедшей со сцены российской династии Романовых:

Статус — империя.

Должность — Император Всероссийский.

Год основания — 1721-й.

Кем основана — Петром 1-м.

Год устранения — 1917-й.

Кем устранена — Николаем 2-м.

3. 26 октября 1917 года

Вчера в России максималисты, называющие себя большевиками, устроили переворот. Временное правительство разогнано, его председатель Керенский бежал, министры арестованы. Большевики пообещали немедленно закончить войну.

4. Но война продолжалась, вконец изматывая как Россию, так и Германию. Руководитель РСФСР В. И. Ленин решил прекратить войну любой ценой. Он поручил переговоры о мире Льву Троцкому.

5. 3 марта 1918 года

Представителями советской России и Центральных держав (Германия и ее союзники) в городе Брест-Литовске был подписан Брестский мир — сепаратный мирный договор, обеспечивший выход РСФСР из войны. До заключения Брестского мира большевики пытались склонить правительства стран Антанты к заключению всеобщего демократического мира, основанного на принципе «без аннексий и контрибуций». Но хотя большевики заручились формальным согласием Центральных держав с таким подходом, страны Антанты заключение такого всеобщего мира отвергли. Не придя к согласию с Германией об условиях мира, советская делегация во главе с Л. Троцким заявила о тактике «ни войны, ни мира» или о прекращении войны одновременно с отказом от заключения мира. В результате этого мира Россия оказалась заключенной в границы времен Петра Первого.

Освобожденная от военных действий, измученная русская армия откатилась домой, не предвидя, что ее ждет еще более ужасная война — гражданская. А измученная немецкая армия вместо того, чтобы вернуться домой, покатилась вслед за русской, захватывая все новые земли.

Граф Тарпи

Граф Кесслер в это время жил в Берне, весь последний год занимая в посольстве Германии должность атташе по

культуре. Он охотно пристраивал в швейцарских театрах безработных немецких актеров, привозил на гастроли в нейтральную Швейцарию обескровленные войной немецкие театры, но главное — умело использовал свое немалое обаяние для выяснения связей представленных в Берне дружеских Германии посольств со странами Антанты. Через пару месяцев после подписания Брестского мира в Берлин прибыли официальные представители правительства РСФСР — посол Адольф Иоффе, щуплый еврей с печальными глазами газели, и личный агент Ленина Леонид Красин, истинно русский, высокий брутальный мужик.

Граф Гарри был срочно отозван в Берлин — памятью о его многолетних связях с лучшими представителями русского искусства — такими как Стравинский, Дягилев, Бенуа и Бакст, ему предложили вести переговоры с посланцами новой советской республики. Похоже, что наивные немцы еще не увидели разницы между старыми правителями России и новыми. Новые русские торговались яростно и упорно — они требовали вернуть им Кубань и подступы к Кавказу. Иначе, утверждали они, власть Германии ожидает экономический крах и полное крушение.

Для большей убедительности их доводов представители новой российской власти пригласили графа Гарри на обед в советское посольство, которое, не тратя сил на перемену адреса, осталось в здании бывшего посольства Российской империи. На званом обеде присутствовали с немецкой стороны граф Гарри и будущий лауреат Нобелевской премии мира Густав Штреземан, а с российской — Леонид Красин и большевистский генерал Менжинский. Свои яркие впечатления от этого обеда, устроенного в честь Кесслера посланниками нового пролетарского государства, провозгласившего своей целью уничтожение буржуазной роскоши, граф в тот же вечер записал в дневнике:

«Парадные залы посольства, осененные изумрудно-алыми портьерами из дамаска, и уставленные малахитовыми столиками и элегантной мебелью от Обюссона в стиле 1850-х, когда император Николай 1 посещал Берлин, выглядят вполне

презентабельно. Иоффе сказал, что он оставил все без изменения, только убрал портреты царской династии, поскольку они не соответствуют нынешним обстоятельствам.

Обед подавали старые почтенные лакеи посольства, облаченные во фраки и белые манишки. Он был сервирован на огромном столе, украшенном вазой с красными розами и уставленном тарелками императорского фарфора и серебром с императорскими гербами. Нам подали три сорта вин, шампанское, паштет из гусиной печени, лобстеров, консоме, жареных цыплят, спаржу, шербет с пылающим внутри сахаром, сыры, масло, фрукты — всего не перечислить. Это был настоящий посольский обед, несомненно, приготовленный бывшим посольским шеф-поваром. Причем, согласно берлинским сплетням, сам Иоффе обычно ест на кухне вместе со слугами, потому что это соответствует его принципам. Но во время званого обеда его принципы проявились только в том, что он и его коллеги были одеты не во фраки, а в обычные пиджаки.

Во время обеда все трое русских, отлично владеющих немецким языком, постарались внушить нам, что целью нового пролетарского правительства не является уничтожение мелких собственников, оно собирается положить конец только власти крупных компаний.

— А может, последуем совету Вальтера Ратенау? — пошутил Красин. Я не успел спросить, какому именно совету Вальтера он намерен последовать, как Менжинский тоже решил пошутить:

— А не лучше ли этого зловердного Ратенау просто прикончить? Многие немцы сочтут это патриотическим актом.

В ответ на это предложение посол Иоффе, нежно улыбаясь, отсалютовал Менжинскому бокалом шампанского».

Петра

Однако довести свой замысел до конца представители Советов не успели — волна немецкой революции смела советское посольство, сорвала портьеры, разломала обюссо-

новскую мебель, разбила фарфор, разграбила серебро и вынудила посла спасаться бегством.

Революция началась с того, что потерявшее разум командование немецкой армии задумало в конце октября отправить весь свой флот на абсолютно безнадежную морскую битву с намного превосходящим его во всех отношениях флотом Антанты. Они планировали эту безнадежную битву «ради спасения чести».

Мятеж начался в портовом городе Киле — немецкие матросы взбунтовались против такого очевидного убийства целого флота, восстание распространилось, как пожар, по всем портам Германии. В начале ноября 1918 года оно докатилось до Берлина. 9 ноября кайзер Вильгельм Второй отрекся от престола и, оказавшись благоразумнее русского царя, умудрился бежать за границу.

Непредусмотрительный русский царь Николай Второй, сосланный в Екатеринбург, был к тому времени расстрелян со всей семьей без суда и следствия по решению Уральского Совета Народных Комиссаров, сообщение которого, опубликованное в газете «Вечерний Берлин», поражало наивным цинизмом: *«Кровавый царь был казнен в Екатеринбурге по требованию революционного народа. Да здравствует красный террор!»*

Когда Гарри прочел этот выразительный краткий текст, он вспомнил маленького большевистского посла Адольфа Иоффе со скорбными глазами газели и вазу с красными розами на столе, уставленном императорским фарфором. Вспомнил и содрогнулся, тем более что посол Иоффе уже почти договорился с министром иностранных дел о назначении графа Кесслера представителем кайзера Вильгельма в Москве, которая уже тогда стала столицей республики Народных Комиссаров.

Авантюрист Гарри уже с трепетом предвкушал свою жизнь на родине русского балета, но германская революция смела не только советское посольство, но и сделала невозможной поездку Гарри в советскую столицу.

Из дневника графа Тарки

Январь 1919 года

На улицах Берлина идет настоящая ломка основ жизни, идет гражданская война между спартаковцами — так называются немецкие большевики — и правительственными войсками, хотя нельзя понять, кто именно называет себя правительством. Нигде нет спасения от спартаковских снайперов, затаившихся на крышах. Вчера мимо моей головы просвистело несколько шальных пуль, выпущенных неизвестно кем и неизвестно в кого. А я всего лишь пришел послушать отрывки из вагнеровского «Лоэнгрина» в исполнении оркестра правительственных войск на засыпанной осколками стекла площади перед разрушенным зданием Центральной полиции.

Итак, спартаковское восстание подавлено, а его вожди, Карл Либкнехт и Роза Люксембург, зверски убиты бушующей толпой. Предположим, что они, поднимая людей на восстание, стоившее множества жизней, заслужили смертную казнь, но зачем же такое зверство?

Солдаты снимают со стен и крыш красные знамена спартаковцев и их плакаты «Мир и свобода!», а на углу Унтерден-Линден люди в стальных шлемах установили станковый пулемет.

Вечером я, несмотря ни на что, пошел в кабаре на Бельвюштрассе. Зал был полон. Во время исполнения испанского танца над головами раздался громкий выстрел, но никто не обратил внимания. И я в который раз поразился, как мало революция изменила мой великий город — как слона укол перочинным ножом.

Петра

Дальше события стали разворачиваться с такой стремительностью, что их невозможно не то что описать, но даже в точности перечислить. В результате этого хитросплетения событий уже 6 февраля 1919 года в Немецком национальном театре в Веймаре состоялось первое заседание учредительно-

го собрания, провозгласившего создание новой республики, которую в народе назвали Веймарской. Веймар был выбран потому, что охваченная беспорядками столица восставшей Германии не могла обеспечить безопасность и независимость работы народных представителей. А столица веймарского классицизма навевала ассоциации с гуманитарными ценностями, приверженность которым Германия хотела продемонстрировать и внутри страны, и вне. Была надежда, что уважение к классическим ценностям смягчит сердца представителей держав-победительниц, собравшихся в январе 1919 года в Версале для заключения мирного договора. Но надежда оказалась напрасной: целью Версальского мирного договора явилось не сохранение гуманитарных ценностей, а передел мира в пользу держав-победительниц.

Прочитав условия Версальского договора, граф Гарри был потрясен до глубины души. Как они могли действовать так жестоко, так беспощадно? Его англичане, его французы, среди которых он жил и творил, которые ходили на его любимые премьеры, восхищались его выставками и вернисажами. А ведь его обожаемая красавица мама родилась в Лондоне и полжизни прожила в Париже, ее прославленные четверги посещали лучшие умы Европы. Что теперь будет? Изощренная интуиция графа подсказывала ему, что расплата за этот мир будет еще ужасней, чем закончившаяся наконец война.

Граф Гарри

Из-за революции поезда ходили нерегулярно, и Гарри опоздал на первое заседание учредительного собрания, провозгласившее создание Веймарской республики. Шума и споров было много, так что Гарри вышел из здания Национального театра далеко за полночь и огляделся. Это был все тот же его любимый Веймар, но как все изменилось за эти страшные годы! Тогда, в блистательную эпоху его Архива, граф был тесно связан с лучшими мастерами искусства — с Роденом, Майодем, Андре Жидом, с Рихардом Штраусом, да всех не перечить! А кто теперь его партне-

ры? Мелкие политиканы, вообразившие, что они управляют войной и миром.

Гарри вздохнул и по легкому февральскому морозцу пешком направился в свой дом. Сколько лет он здесь не был — пять или больше? Он хотел было отпереть дверь собственным ключом, но его домоправитель Отто мгновенно распахнул дверь.

Гарри наслаждался изысканной красотой и уютом дома, так не похожими на хаос и безобразие разрушительных последствий революции, среди которых он жил последние месяцы. Можно было подумать, что он попал в другой мир, собственно, так оно и было — верный Отто протопил просторные элегантные комнаты, смахнул пыль с любовно отобранных когда-то, в другой жизни, вещей и картин и сервировал на столе восхитительный легкий ужин.

Впервые за много месяцев Гарри заснул сразу, как только коснулся щекой подушки, словно сбросив с души невыносимое напряжение последних лет. Проснулся он поздно и с удовольствием следил, как Отто раздвигает тяжелые плотные шторы и наполняет спальню солнечным светом. Погода выдалась на редкость хорошая для февраля, словно для того, чтобы побаловать Гарри после слякотной берлинской полутьмы.

После недолгого блаженства в благоуханной ванне Гарри надел свой любимый, надолго забытый шелковый халат и залюбовался пышным омлетом, созданным умелыми руками преданного Отто. После завтрака идти никуда не хотелось. Он постоял перед книжным шкафом, рассматривая корешки тщательно отобранных в прошлой жизни книг, но ничего не снял с полок — не было книг лучше, чем изданных его собственным издательством «Кранах-пресс», а свои он знал наизусть. Преодолевая слабость, Гарри прилег на диван в картинной галерее и на удивление быстро задремал. Это было непостижимо — он не спал днем уже много лет, ему было не до сна, вечно куда-то спешил и опаздывал.

Проснулся граф от внезапного толчка в сердце и вскочил с дивана в ужасе — не в состоянии вспомнить, что должен сделать — причем что-то важное и неотложное. Мягко

ступая, вошел Отто и поставил на журнальный столик стакан яблочного сока и ломтик яблочного штруделя, баловство, от которого граф прочно отвык за мрачные годы войн и революций. Гарри пригубил сок, и тут его озарило — Элизабет! Он ведь не навестил Элизабет и Архив Ницше! Как мог забыть свое ненаглядное дитище?

Все-таки он молодец, что предусмотрительно построил свой дом рядом с Архивом Ницше! Двадцать минут размеренным шагом — и вот Гарри уже входит в выставочный зал. Служитель остановил его у основания лестницы — зачем идти наверх, фрау Ницше перенесла свой кабинет на первый этаж в бывший кабинет директора. Не успел граф дойти до директорского кабинета, как дверь распахнулась — Элизабет услышала его голос и поспешила навстречу. Просто чудо, несмотря на свои семьдесят, она ничуть не постарела: все та же стремительность, все та же стройная фигурка, все тот же серебряный блеск косога глаза и пристрастие к красивой одежде. Поэтому первый вопрос его был:

— Откуда это элегантное платье? Неужто ты умудрилась выписать его из вражеского Парижа?

— Ах, мой дорогой Гарри, ты так и не научился понимать женские уловки! — просияла Элизабет, радуясь, что граф оценил ее вкус. — Я просто нашла замечательную портниху, которая безукоризненно копирует лучшие парижские модели.

— Я всегда восхищался твоей практической сметкой, — смиренно признался граф. — А ведь портниха шила платье на швейной машинке? Как же это вяжется с твоим презрением к швейным машинкам? Или ты передумала?

— Ничуть нет! Я по-прежнему убеждена, что именно это еврейское изобретение привело к сегодняшним ужасным последствиям. Ты только глянь, как вокруг стало скучно и мрачно — эрцгерцог нас покинул, его дворец заперт, в окнах темно, на улицах нет больше нарядных экипажей и веселых толп. Да что я говорю — нет больше Германской империи, даже кайзера нет!

— Но чем виноваты швейные машинки?

— Я ведь тебе уже объясняла: все началось с женщин. Раньше они целыми днями шили платья, пальто, юбки, рубашки, штаны, белье и все остальное. А теперь с помощью машинки шитье стало легким и быстрым, и его поручили портнихам. Так что у миллионов женщин осталась уйма времени, вот они и покушаются на основы общества. И добились своего — вся нормальная жизнь разрушилась.

— Да, нормальная жизнь разрушилась, — согласился Гарри, — но вряд ли из-за женщин. Мужчины тоже внесли свой вклад. Я такого насмотрелся в Берлине, что душа моя просто отдыхает в Веймаре, даже без эрцгерцога.

— Нет-нет, без эрцгерцога все уже не так! Германия без Гогенцоллернов уже не Германия, а какая-то никому не нужная республика!

— Ну уж и не нужная! Многим она нужна!

— Стой, стой, а зачем ты сюда приехал? Столько лет не появлялся и вдруг прискакал! Уж не заседал ли ты вчера в Национальном театре? Как я сразу не догадалась!

— Ну, конечно, заседал. Как такое историческое событие обошлось бы без меня?

— Да, да, — огорчилась Элизабет. — Как можно разрушить Германию без тебя?

— Мы ничего не разрушили, империя рухнула сама под бременем собственного идиотизма.

— Значит, империю вы отменили! И что еще вы там, в бывшем театре, решили отменить?

Граф не хотел ссориться со своей верной соратницей. Он сделал вид, что не заметил ее воинственного тона, и сказал умиротворяюще:

— Мы создали новую республику, которую назвали Веймарской. И назначили канцлером моего верного друга Густава Штреземана.

— А чем твой верный Штреземан занимался до сих пор? Был безработным? — оцетинилась Элизабет.

— Не совсем. Бывший кайзер назначил его и меня вести переговоры с представителями нового русского правительства.

— Это с теми, которые своего царя убили? Со всей его семьей, даже с малыми детьми? О чем с ними можно вести переговоры?

— А с кем еще? Теперь власть в России в их руках.

— Я вижу, не только Германия и Россия провалились в пропасть! Ты тоже, мой дорогой Гарри, вывалялся в грязи. Раньше ты общался с художниками и поэтами, а теперь с мятежниками и цареубийцами.

— Что ж, такова сегодня жизнь. Нет больше художников, нет поэтов, есть только политика, грязь и смерть. Если бы ты знала, чего я насмотрелся и натерпелся. И куда меня судьба заносила!

— Куда же она тебя заносила?

— Представь, в разгар революции я почти месяц был послом Германии в Польше. И добился, что германской армии позволили через Польшу вернуться на родину из Украины. А потом только чудом ноги унес — эти проклятые поляки меня чуть не линчевали.

— Но почему тебя назначили туда послом? Какая у тебя связь с Польшей?

— Так случилось, что у меня сложились особые отношения с нынешним правителем Польши Юзефом Пилсудским.

Петра

История этих отношений началась еще во время войны, в 1915 году. Найти подход к Юзефу Пилсудскому было не всякому дано. Он вел себя независимо — со всеми ссорился и никого не боялся. Тогда Польша была частью России, и двадцатилетний Юзеф стал участником заговора против русского царя, того самого, за который был повешен брат Ленина, Александр Ульянов. Пилсудского на пять лет отправили на страшную русскую каторгу. Но она его не сломила, а сделала героем. Он поступил в польскую армию и к началу Первой мировой войны дослужился до высокого чина. Но когда польская армия вместе с русской ввязалась в войну с Германией, Пилсудский создал Польский ле-

гион и присоединился к австрийцам, чтобы вместе с ними воевать против ненавистной России.

Но и в австрийской армии он вел себя, как и прежде — со всеми ссорился и никого не боялся. Где-то в конце 1915 года до германского командования дошли слухи, что командующий Польским легионом потребовал позволить его бойцам временно не участвовать в очередной военной операции, чем страшно возмутил австрийцев. Власти решили немедленно вмешаться, чтобы не дать конфликту разгореться. Для выяснения отношений с Пилсудским отправили двух австрийских аристократов и графа Гарри Кесслера, известного своими дипломатическими талантами.

Отрывки из дневника графа Гарри

Землянка Пилсудского была построена из сосновых бревен, глубоко зарытых в песок. Когда мы вошли, польский командующий встал из-за стола нам навстречу и так и остался стоять, согнувшись, потому что он был очень высокого роста, а землянка низкая. Дверь пришлось оставить открытой, чтобы мы могли видеть друг друга. Пилсудский в гражданской одежде выглядит скорее ученым, чем отважным воином. Его слегка монголоидное лицо с тонкими усиками весьма похоже на лицо Достоевского, взгляд пронизательный, немецкий язык вполне приличный, хотя и с сильным акцентом.

Он объяснил нам суть своего требования. Его легионеры — очень молодые люди из интеллигентных семей. Они замечательные бойцы, но физически не очень крепки, потому что не привычны к тяжелым нагрузкам и нуждаются в отдыхе, после которого вернутся в строй с еще большим энтузиазмом.

Я пообещал, что срочно передам германскому командованию подробности требований поляков, и мы договорились, что наша делегация вернется через день для дальнейших переговоров. Следующая встреча состоялась в новой, гораздо более просторной землянке Пилсудского — похоже, дарован-

ная немецким командованием передышка пошла полякам на пользу.

Поблагодарив нас за помощь, Пилсудский согласился ответить на мои политические вопросы. Он заявил, что после войны должна быть создана объединенная Польша, в которую войдут и Галиция, и территория, оккупированная Россией. Я спросил, будет ли он претендовать также и на Померанию, и он ответил, что этот вопрос нужно оставить будущим поколениям.

Наш разговор несколько раз прерывался сопровождающим нас австрийским офицером — очевидно, австрийцев беспокоит столь долгая беседа представителя Германии с польским генералом.

Петра

Несмотря на то что в 1915 году граф Гарри уладил конфликт немецкого командования с несговорчивым польским лидером, через год между ними разгорелось новое противостояние, куда более серьезное. К июню 1916 года поляки составляли заметную часть немецкой армии — в их легионах насчитывалось около 25 тысяч человек. В ноябре того же года на этнических польских землях было образовано марионеточное Королевство Польское, подчинявшееся Германской империи, и польские легионы стали частью рейхсвера. Однако большая часть польских военнослужащих во главе с Пилсудским отказалась приносить присягу кайзеру, что привело к массовым арестам легионеров. Пилсудского заточили в одиночную камеру в тюрьме-крепости Магдебург, на этот раз не в русской, а в немецкой.

Неизвестно, как бы сложилась его судьба, если бы в октябре 1918 года в городе Киле не вспыхнуло восстание моряков, которое привело к разгоревшейся по всей стране революции, покончившей с Германской империей. К счастью, кто-то вспомнил о сидящем в магдебургской тюрьме польском генерале и спохватился: не прикончат ли его озверевшие революционные толпы? Чтобы вывезти его из Маг-

дебурга, завершающая свое существование администрация Германской империи снова обратилась к графу Кесслеру в надежде, что он опять сумеет договориться с гордым польским шляхтичем.

Отрывки из дневника графа Гарри

Магдебург, 6 ноября

...ни свет ни заря меня разбудил адъютант военного коменданта и попросил немедленно явиться в штаб. Военный комендант сообщил мне, что получил приказ поднять гарнизон по тревоге, но он не решается так поступить, опасаясь, что это приведет к мятежу. Пока мы беседовали, пришла телеграмма, что Ганновер захвачен мятежниками и они стекаются в Берлин, где уже создано красное правительство.

Я решил, что нужно поспешить с отъездом Пилсудского, пока волна революции не захлестнула Магдебург, и помчался в крепость. Пилсудский уже собрал вещи и поджидал меня во дворе, куда его вывела охрана. Долгое сидение в тюремной камере сделало его еще более хмурым, чем он был на линии фронта.

Я объяснил, что могу способствовать его освобождению и отъезду на родину, если он письменно обещает не переходить со своими легионами на сторону Антанты. Писать Пилсудский отказался, но готов был дать свое честное дворянское слово. Я решил этим удовлетвориться, чтобы не осложнять и без того сложную ситуацию. К счастью, мы с ним друг другу доверяем. Адъютант коменданта помог вынести чемоданы Пилсудского, мы сели в мою машину и через несколько часов прибыли в Берлин, откуда он беспрепятственно отправился в Польшу.

Петра

Выйдя с платформы, с которой поезд увез Пилсудского в Варшаву, граф Гарри вздохнул с облегчением: «Слава богу, с Польшей я покончил!» Но уже через неделю он понял, что

был не прав — как он ни старался убежать от Польши, она опять его настигала.

А пока, довольный завершением нелегкой задачи, он расслабился и решил по дороге домой взглянуть на императорский дворец, по слухам, разграбленный разъяренной толпой. Те же слухи утверждали, что император чудом вырвался из рук мятежников, отрекся от престола и скрылся неизвестно куда, спасая свою жизнь.

Хотя приближались сумерки, но на дворцовой площади было еще достаточно светло, чтобы заметить кучки людей, несущих и волочащих какие-то вещи, скорее всего, украденные из бесхозного дворца. Гарри вошел через проем, оставленный сорванной с петель дверью, и с печалью оглядел изувеченные парадные залы и чуть не прослезился — смотреть на них не хотелось. Лучше пройти в личные покои кайзера, чтобы понять, каким он был, последний Гогенцоллерн.

То, что Гарри обнаружил в покоях кайзера, огорчило его больше, чем общий разгром и разорение. Остатки любимых картин последнего Гогенцоллерна говорили о его низменном обывательском вкусе, обломки его кресел свидетельствовали об отсутствии у монарха даже ничтожного представления о прекрасном, осколки его зеркал отвергали малейшую надежду на его понимании мира. И этот жалкий человек правил великой империей! Неудивительно, что он эту империю погубил. Гарри со вздохом покинул разоренный дворец, но отдохнуть ему не пришлось.

Через пару дней его неожиданно пригласили в министерство иностранных дел нового сомнительного правительства и предложили немедленно отправляться в Польшу в качестве посла.

— Посла? — не поверил он. — Разве там нет нашего посла?

— Был до вчерашнего дня, но его оттуда выставили. Похоже, что поляки стали ненавидеть нас не меньше, чем русских.

— А чем я могу помочь? — задал вопрос Гарри, уже догадываясь, куда клонит новоиспеченный министр. И тот не обманул его ожиданий:

— Все знают, что у вас особые отношения с этим упрямым Пилсудским. Мы очень просим вас немедленно отправиться в Польшу.

— Почему немедленно?

— Разве вам неизвестно, что наша армия в Польше и Украине взбунтовалась и дружно рвется обратно на родину? А поляки их не выпускают и не разрешают пройти через свою территорию. Так что нам грозит новая кровопролитная война, тем более что наши солдаты утомлены и дезорганизованы. Я уже не говорю о полмиллионе немцев, живущих в Польше, — их просто перебьют.

— Но у меня нет никакого дипломатического опыта!

— Странно! Я слышал, что вы неплохо поработали в Швейцарии.

— Там была совсем другая работа!

— Я догадываюсь, что другая, — усмехнулся министр. — Но я уверен, что вы и тут справитесь. Так что, вы готовы ехать?

— Разве у меня есть выбор, если вы грозите новой кровопролитной войной?

Отрывки из дневника графа Тарри

Варшава, 20 ноября

Меня с вокзала привезли в отель «Бристоль» на польской военной машине, которая выглядит как бывшая наша с намаляванным на ней красным польским орлом. Не успел я распаковать чемодан, как явился представитель немецкого верховного командования и стал жаловаться на Солдатский совет, позволивший полякам захватить наш склад амуниции, нашу сырьевую базу, лошадей и дорогую конторскую мебель. Совет сам присвоил себе звание комиссии по ликвидации и назначил всем своим членам высокое жалованье.

Вслед за ним явились представители Солдатского Совета и начали предъявлять какие-то требования. Но я не стал их слушать и объявил, что в соответствии с соглашением между немецким правительством и польским на сегодняшний день в Варшаве не должно остаться ни одного военного

лица, а значит, им нужно забыть о ликвидации и немедленно покинуть столицу. Как ни странно, они подчинились. Но в Брест-Литовске немецкие солдаты были не так покладисты — они рассердились на невежливых поляков, в сердцах сожгли две деревни и захватили заложников, так что пришлось отправить туда карательные войска.

Поведение моих соотечественников меня огорчило не столько само по себе, сколько подтверждением печального факта, что произошло крушение всей многовековой системы — она просто прогнила и рухнула под собственной тяжестью.

21 ноября

Сегодня встретился с Пилсудским. Он выглядит больным — щеки бледные, глаза ввалились. Мы тепло поздоровались, и я, не откладывая в долгий ящик, попросил его уладить вопрос о выводе разгромленной немецкой армии из Украины через Польшу. Он пообещал решить этот вопрос как можно скорее. Я спросил его, насколько прочно его положение. Он выразил уверенность, что сумеет сохранить свою власть над Польшей и справиться с главными врагами — с украинскими и русскими большевиками. Потом мы немного поговорили о наших личных делах и припомнили подробности наших прошлых встреч, которые были спровоцированы нетривиальными обстоятельствами. Пилсудский явно получал удовольствие от этих воспоминаний — помоему, время, когда он со своими легионерами воевал против русских, было самым счастливым в его жизни.

— Ах, граф, — сказал он, смягчившись, — вы единственный немец, с которым я говорю как с другом. А все остальные... — он поморщился с отвращением, — остальные умудрились во время оккупации вызвать ненависть всего польского народа. Будьте осторожны, эта ненависть может незаслуженно обрушиться и на вас.

22 ноября

Совершенно неожиданно Пилсудский посетил меня в моем отеле, один, без охраны и свиты, а только в сопровождении адъютанта. Он сказал, что подписанный им вче-

ра декрет сделал его верховным диктатором Польши. Этот декрет вошел в силу с сегодняшнего дня, что делает его визит еще более поразительным: не все главы государств так запросто навещают простых послов. Он подтвердил, что лично занимается выводом немецкой армии из Украины через Польшу, и похвастался роскошным старинным мечом, который преподнесли ему его legionеры в очередную годовщину создания Польского легиона. Уезжая, он повторил свое предупреждение об опасности и еще раз попросил меня быть осторожным.

Несколько дней в ноябре

Честно говоря, я не очень представлял себе, как я могу проявлять осторожность в чужом городе, где все говорят на непонятном языке. Но что такое опасность, я понял хорошо, когда розгоряченная толпа стала атаковать дверь отеля, требуя немедленной выдачи графа Кесслера. Я как раз отправил своего вооруженного подручного в посольство с поручением и остался один, собираясь принять ванну. Под рев толпы испуганный хозяин отеля ворвался ко мне в номер, торопливо засунул мои вещи в чемодан и поволок меня за руку вверх по лестнице. Я, не сопротивляясь, послушно последовал за ним, так как, судя по грохоту и крикам внизу, толпа уже оттеснила швейцара, сломала дверь и ворвалась в вестибюль. Хозяин втолкнул меня в пустой номер на пятом этаже, вбросил вслед мой чемодан и умчался, захлопнув за собой дверь.

Осторожно выглянув в окно, я увидел, как толпа медленно, капля за каплей, вытекает из отеля на улицу, и вздохнул с облегчением — значит, хозяин как-то умудрился их выпроводить. Пока я приходил в себя, прибежал бледный хозяин и объявил, что завтра до десяти утра я должен покинуть его отель. Я не представлял себя, куда я могу деться в незнакомом городе. Я бы мог вернуться в Берлин, но от меня зависела судьба полумиллионной германской армии, попавшей в западню между Украиной и Польшей. Доведенные до отчаяния немецкие солдаты, жаждущие вернуться домой, могли взбунтоваться и, нарушая все приказы, проры-

ваться боем через польские кордоны. Трудно себе представить, сколько в этом случае прольется крови.

Прибежал мой подручный и рассказал, что пару часов назад группа вооруженных людей осадила посольство и потребовала выдать им посла Кесслера. Они связали швейцара и пригрозили, что убьют его, если он не расскажет им, где я живу. Ну, он и рассказал.

Осторожно постучавшись, в дверь бочком вошел хозяин — он принес свежую газету с фотографией толпы, штурмующей здание совета министров. Я понял, что вся эта агрессия — целенаправленная политика, а не личное нападение на меня. Возникал вопрос, кто за этим стоит — Антанта или большевики? В любом случае я должен был встретиться с Пилсудским.

Пилсудский пригласил меня через два дня, которые я провел в неудобной квартирке, сдававшейся по часам проституткам. На этот раз он принял меня в Бельведерском дворце, так мало похожем на тесную землянку нашей первой встречи. Да и сам он, хотя бледный и худой до истощения, выглядел не обыкновенным военачальником, а истинным правителем государства — даже трудно объяснить словами, в чем это выразилось. Лицо у него измученное, но в глазах горит все тот же неугасимый огонь. Он еще больше похож на Достоевского.

Я рассказал ему, что этой ночью разъяренная толпа в третий раз ворвалась в германское посольство с требованием выдать им Гарри Кесслера. Я попросил выделить нам надежную охрану — не менее взвода солдат, вооруженных пулеметом, — и пообещал, что германское правительство за это заплатит. Мне стало ясно, что Пилсудский не хочет разрывать отношения с Германией, но национал-демократы стремятся любой ценой, даже ценой убийства германского посла, вызвать ситуацию, оправдывающую вторжение войск Антанты. На прощание он спросил, почему я попросту не сяду в поезд и не уеду в Берлин.

Я ответил, что уеду, как только добьюсь выхода германской армии из Украины и Польши. Чем дольше наших солдат задерживают, тем опаснее они становятся, а их шестьсот

тысяч. Еще пару недель, и их терпение лопнет — тогда они начнут прорываться силой и зальют обе страны морем крови. Он согласился со мной и пообещал постараться, чтобы его правительство приняло правильное решение.

На следующий день меня тайно перевезли из съемной квартиры в посольство, охраняемое десятком польских солдат, вооруженных пулеметом. Значит, Пилсудский сдержал свое слово насчет охраны посольства. Оставалось ждать, что он сумеет добиться и решения о выводе нашей армии из ловушки, в которой она оказалась.

Целые дни я проводил в административных инстанциях, а вечером узнавал, что разъяренная толпа опять атаковала посольские ворота и требовала выдачи посла. Я попытался снять квартиру, но ни одна хозяйка не решилась мне ее сдать, ни за какие деньги. Как-то я возвращался в посольство после переговоров с военным министром и застыл на месте: навстречу мне катилась огромная мрачная толпа, прущая на Бельведерский дворец с криками «Долой! Долой!» Потом я узнал, что на Пилсудского было подготовлено покушение, но, слава богу, он вовремя узнал об этом и принял меры.

В переговорах с военным министром, кажется, появился небольшой просвет — после того, как наши изголодавшиеся солдаты при ограблении продовольственного магазина на окраине Лемберга расстреляли два десятка поляков. Вот тогда до министра дошел наконец смысл моих угроз, и он понял, что лучше от немецкой армии избавиться пока не поздно. И пообещал заняться преодолением бюрократических препятствий.

Тем временем в Варшаве появились французы, освобожденные из лагеря военнопленных. Их довольно много, они ходят по улицам в обнимку и поют «Марсельезу», прохожие поляки им подпевают. Когда я проезжал по Краковскому предместью, кто-то указал французам на мою машину с табличкой посольства Германии. Они облепили мою машину на перекрестке, стали стучать в закрытые окна и корчить рожи. Мне было обидно до слез: практически я был даже больше француз, чем они, — родился в Париже, учился в Сор-

бонне, моя мама держала в Париже интеллектуальный салон, многие знаменитые французские художники были моими друзьями, а эти простолюдины считают меня своим врагом. И все из-за этой проклятой войны!

Первая неделя декабря

Польское командование почти согласно выпустить нашу армию на родину, при условии, что мы вооружим население не только Польши, но и Литвы, чтобы оно могло защищаться от большевиков. Наше высшее командование никак не может на это решиться — оно не доверяет полякам и боится, что они направят наше оружие против наших же солдат. Я объявил, что если польское правительство позволит эвакуацию наших войск, я уговорю немецкое командование обеспечить польское и литовское население средствами, необходимыми для защиты от большевиков.

Вторая неделя декабря

Вчера прибыл курьер из Берлина с очередными указаниями от верховного командования и рассказал, что в нашей столице произошло сражение между правительственными войсками и спартаковцами, которых можно назвать немецкими большевиками. Более двадцати человек погибло.

А сегодня ко мне неожиданно явился курьер польского министерства иностранных дел и объявил, что Польша прерывает дипломатические отношения с Германией и наше посольство должно покинуть Варшаву немедленно. Это было официальное сообщение, а за закрытой дверью курьер открыл истинную причину нашего стремительного изгнания — Пилсудский просил лично передать мне, что моя жизнь сейчас в Варшаве в опасности и правительство не может обеспечить мне надежную охрану.

Весь день мы паковали бумаги. А наутро нам выделили пульман для посольского штата, грузовой вагон для отправки имущества и вагон с вооруженной охраной. И мы отбыли в Берлин — путь был довольно сложный, окольными дорогами. Мы расстались с дружественной польской охраной на границе и в конце концов прибыли домой живыми и здоровыми.

Когда я направился к себе домой с вокзала, то невольно оказался в большой толпе — это была колонна наших солдат, только что вернувшихся из Украины. У всех были счастливые измученные лица, многие плакали. Уличная толпа пела, плясала и осыпала их цветами.

На меня никто не обратил внимания.

Петра

Юзеф Пилсудский — основатель независимой Польской Республики. Одной из главных его заслуг считается невероятная победа Польского легиона над Красной армией Тухачевского в Варшавской битве во время польско-советской войны 1920 года. Разгром Красной армии дал Пилсудскому возможность объявить Польшу независимой республикой, более столетия стонавшую под игом Российской империи. Эта республика — так называемая Вторая *Речь Посполитая* — просуществовала до 1939 года, когда ее любовно разделили между собой коммунистическая Россия и нацистская Германия. Увы, в 1939 году Пилсудского уже не было!

Лу

Лу так сосредоточенно укутывала розовые кусты на зиму, что не заметила, как к ней, крадучись, подошла Маришка и спросила:

— Почему ты плачешь, маму Лу?

— Что ты выдумала! — вспыхнула Лу. — Ты же знаешь, я никогда не плачу!

— Это ты только так говоришь, а сама плачешь — у тебя слезы блестят на щеках.

Лу не нашлась, что ответить — Маришка давно уже не была пухлой маленькой девочкой, которую так сладко было тискать и прижимать к груди. Ей уже минуло семнадцать, она стала тоненькая и востроглазая, и от нее трудно было скрыть и непрошенные слезы, и оправданную печаль.

Лу и вправду плакала — наверно, от жалости к своему саду, который с каждым годом выглядел все хуже. А может, она плакала, потому что кончилась война? Странно, не правда ли? Ведь она так ненавидела войну! Война унесла немало ее друзей — немецких и русских, унесла сыновей многих друзей и ее любимого садовника Петера, без которого ей так и не удалось сохранить былую красоту сада.

Лу плакала, потому что война кончилась революцией, а революции она ненавидела даже больше, чем войны. Война разрушала жизнь, но после нее жизнь могла возродиться. Зато революция разрушала саму основу, на которой строится и создается жизнь, а значит, после революции жизни нигде будет зародиться.

Лу еще не знала, какие беды принесет ей вчерашняя революция в Германии, но уже хорошо знала, что натворила прошлогодняя революция в России. Эта революция навек лишила ее родного гнезда — петербургская квартира покойных родителей была конфискована новой властью и распределена между многодетными семьями, члены которых толком не умели спускать воду в уборной. Об этом ей написал ее брат, хирург, — его просто выбросили на улицу, и он стал бы бездомным, если бы его не приютил Федор, бывший лакей семьи Саломе, захвативший их семейную дачу.

Потерю семейного гнезда Лу ощущала так же болезненно, как потерю друзей. Правда, не все друзья погибли на войне, некоторые сами покончили с собой. Ее бывший возлюбленный, красавец Виктор Тауск, вернулся с войны с мучительной психологической травмой и умолял Фрейда принять его как своего пациента. Но Фрейд по какому-то непостижимому для Лу капризу категорически отказался. Лу не решалась приписать этот отказ простой ревности старого самца к молодому, но эта мысль все же напрашивалась. Особенно после того, как ассистентка Фрейда, к которой великий человек послал своего строптивного коллегу для психоанализа, влюбилась до безумия в своего пациента. Узнав об этом, Фрейд запретил ассистентке продолжать сеансы с Тауском, и тот, в приступе отчаяния, покончил с собой.

Лу не винила себя в его смерти — Виктор расстался с жизнью не из-за нее, их роман давно себя исчерпал. И не из-за несчастной любви — он был благополучно обручен с прелестной молодой пианисткой, которая его обожала. И даже не из-за душевных травм, причиненных войной. Оставалось только одно объяснение: он убил себя из-за Зигмунда, которого Виктор боготворил и который его отверг. Что ж, ариец Карл Юнг такой разрыв пережил и поднялся из праха, а еврей Виктор Тауск не смог, слишком нежная была у него душа.

Как ни странно, Лу винила себя в другой смерти, случившейся давно, задолго до войны, но все еще ею не пережитой. Странной смертью погиб ее самый первый и самый верный друг Пауль Рее, который порвал все отношения с нею, когда она вышла замуж за Карла. Он навсегда уехал из Берлина, и все ее письма к нему возвращались нераспечатанными. Пауль поселился в Швейцарии, никогда не женился, получил диплом врача и бесплатно лечил бедных. Любил бродить по горам и карабкаться на скалы и однажды утонул в глубоком горном озере. Он был искусным скалолазом и отличным пловцом, и потому его неожиданная гибель оставила у всех, кто его знал, привкус самоубийства.

В самоубийстве Пауля Лу винила себя — она и впрямь разрушила его жизнь, и эта вина разбивала ей сердце. Впрочем, ее стальное сердце не так просто было разбить, она тут же нашла себе утешение — одну жизнь она сгубила, зато другую спасла. Перед самой войной к ней неожиданно, без предупреждения, явился Рильке. Именно не пришел, не приехал, а явился — Лу сидела в саду и вдруг увидела медленно приближающуюся к дому знакомую фигуру, не идущую, а медленно-медленно выплывающую из тумана. Она не сразу сообразила, кто это — Райнер шагал неуверенно, как слепой. Потом он объяснил, что от волнения плохо видел.

Лу подошла к забору одновременно с Райнером, и они протянули друг другу руки. Их ладони встретились в воздухе и застыли, они оба были потрясены радостью прикосновения, и Лу поняла, что перед ней стоит не прежний запуганный мальчик, а совсем другой человек. Она перестала

опасаться, что он, как бездомный пес, ляжет на ее пороге и заскулит, — он был теперь не просто скромный малоизвестный поэт, а Райнер Мария Рильке, величайший поэт всех времен и народов. И этим титулом наградила его она, Лу Саломе!

Несколько часов просидели они рядом, вспоминая прошлое и всматриваясь в будущее, и говорили, говорили, говорили, как когда-то в пору их великой любви. Это были счастливые часы, и память о них стерла слезы со щек Лу. И сквозь печаль начали проступать светлые мысли о том, как совсем скоро она отправится в свой кабинет, который устроила в полуподвальной квартирке их с Карлом дома. Туда придет ее пациент, такой же юный, каким был ее Райнер в пору их любви, и, лежа на ее фрейдовской кушетке, будет посвящать ее в свои беды, а она встанет на колени перед кушеткой и утешит его самым лучшим медицинским приемом, которым владеет только она.

Граф Гарри

Как-то в бессонный ночной час Гарри кольнула острая тревога — чем он занимается, на что тратит свою короткую жизнь? Уже проходит в суете 1920 год, графу Гарри минуло пятьдесят, а он все еще мечется, бьет тревогу, пишет проекты для Лиги Наций, воображая, что спасает человечество. Ведь это все пыль, прах и суета сует — никто не спасет человечество, если оно хочет себя погубить, и уж, конечно, не граф Гарри Кесслер. А что за люди вокруг него, не люди, а людишки! С какими людишками ему теперь приходится постоянно иметь дело, с мелкими, самовлюбленными бездарями, которым просто чудом попал в руки штурвал мировой истории.

А ведь в ушедшие славные времена он общался с гениями, с великими артистами — правда, чего скрывать, самовлюбленными многие из них тоже были, но у них имелись для этого основания. Они блистали, сверкали, они излучали идеи и видения, а сегодня все это кануло в Лету. Гарри чуть было не заплакал от огорчения и понял, что в эту ночь он уже не заснет.

А утром случилось чудо: ему позвонил директор берлинского музыкального театра и попросил разрешение поставить на своей сцене балет Гарри «Легенда об Иосифе». От композитора Рихарда Штрауса они получили не только разрешение на постановку, но и согласие дирижировать оркестром. Гарри положил трубку, не совсем поверив, что кто-то среди разброда и разрухи хочет поставить его балет, который когда-то был его главным творческим достижением.

Поверить было трудно — балет не вписывался в сегодняшний хаос, он принадлежал другому времени, другой эстетике, другому представлению о жизни и смерти. Поверить было трудно, но очень хотелось, и Гарри стал вырывать минутки из своего сурового расписания борца за мир, чтобы хоть иногда ходить на репетиции. Они одновременно утешали и разочаровывали его — оркестр был отличным, как и положено немецкому оркестру, танцоры — умелыми и грациозными, но на берлинской сцене не воссоздавалась магия дягилевской постановки. Когда-то в Париже, едва белый ангел русского балета взлетал над сценой, коллективное сердце зрительного зала на миг замирало и в наступившей тишине было слышно дыхание вечности. Но здесь рассчитывать на такой эффект не приходилось.

Впрочем, это не помешало успеху нового спектакля. Люди так устали от житейской дисгармонии, что с наслаждением погружались в слаженную композицию условного действия. Сквозь щелочку в кулисах Гарри наблюдал за лицами зрителей — хоть того, прошлого, навек ушедшего трепета они не испытывали, но простое удовольствие получали. И вдруг в поле зрения Гарри всплыло знакомое лицо, настолько неуместное в этом зале, что Гарри не сразу его узнал, а узнав, ахнул — Альберт Эйнштейн собственной персоной!

Не прошло и недели, как графу представилась возможность провести несколько часов в обществе великого ученого. Председатель группы германских пацифистов предложил графу войти в состав делегации, направляющейся в Амстердам на международный конгресс профсоюзов. В поезде Гарри по взаимной симпатии оказался в одном купе с

Вальтером Ратенау, Эдвардом Бернштейном и Альбертом Эйнштейном, на что кто-то из завистников прошипел из коридора: «Обратите внимание, господа, наш аристократ предпочитает евреев».

Он был не прав, граф Гарри предпочитал не евреев, а интересных собеседников — не его вина, что ими оказались три еврея. Равномерное движение по рельсам располагало к непринужденной шуточной беседе, тем более что и Бернштейн, и Ратенау недаром слыли испытанными остряками. В купе было весело и шумно, и только великий Альберт помалкивал. Лишь однажды в ответ на какое-то непочтительное научное заявление Вальтера ученый сказал серьезно, что Бог отличается постоянством — например, вес атома железа в любой части вселенной оказывается величиной постоянной, — тогда как развращенное воображение человека может изменять что угодно и сколь угодно.

В душе Гарри вспыхнуло мгновенное желание поддразнить Эйнштейна, и он решился на каверзную шутку, сказав, что такое постоянство говорит о тупости Бога, тогда как изменчивое воображение человека свидетельствует о высоте его интеллекта. Но Эйнштейн не согласился с шуточным тоном Гарри — он объявил, что чем глубже он постигает тайны науки, тем больше восхищается высотой божественного интеллекта. Все три шутника смущенно замолкли.

Нейтра

И вот наступил роковой 1922 год, когда паруса человечества стали наполняться ветром фашизма. Поначалу казалось, что год начинается неплохо — в январе министром иностранных дел Веймарской республики был назначен Вальтер Ратенау, человек большой мудрости и дипломатических талантов. Когда Вальтер согласился стать министром, его мать спросила:

— Зачем тебе это нужно, сын? Тебе это принесет одни неприятности.

— У меня нет выхода, мама — больше некому взять это бремя на себя.

Граф Гарри узнал о его назначении в Риме, куда был послан пацифистским крылом Лиги Наций. Он был принят Римским Папой, который, выслушав Гарри, попытался уклониться от всякого вмешательства в дела Лиги Наций, но дал свое папское благословение лично графу и его деятельности.

Граф Гарри

«Хоть немного, но все же что-то», — сказал себе Гарри, однако очень скоро оказалось, что вовсе ничего, потому что тот Римский Папа тут же скоропостижно скончался. Графу сообщили об этом печальном событии в Женеве, куда он прибыл, чтобы доложить о результатах своей встречи с ныне покойным Папой. Так что докладывать было не о чем. Гарри вернулся в Рим в надежде попасть на прием к новому Римскому Папе, за выборами которого он следил с острым интересом.

Однажды, сидя в кафе итальянского парламента, он беседовал с главой оппозиции Модильяни, и тот рассказывал ему, как итальянские фашисты разоряют крестьянские кооперативы, пользуясь полной безучастностью шестидесяти тысяч карабинеров, не оказывающих никакого сопротивления насилию. Гарри, конечно, уже много слышал о недавно народившейся партии фашистов, тем более что во время их мирной беседы с Модильяни большая толпа фашистских молодчиков勇敢地 штурмовала здание парламента, пытаясь ворваться и разгромить его. На этот раз карабинеры все же не впустили в здание разъяренную толпу.

— Мы сейчас живем в эпоху разгула контрреволюции, предшествующей революции, — печально оценил ситуацию глава итальянской оппозиции, все еще на что-то надеясь.

Отчаявшись получить аудиенцию у вновь избранного Папы, граф Гарри вернулся в Женеву и активно включился в полет стремительно вращающейся карусели международных встреч и совещаний. Он метался по улицам Женевы, поспешно переключаясь с переговоров с английским премьером Ллойд-Джорджем на обед с советским послом Чиче-

риным, и с каждым из них нужно было придерживаться противоположных точек зрения.

В разгар этих метаний ему посчастливилось повидаться со своим другом Вальтером Ратенау, который вскользь упомянул, что каждый день получает письма с угрозами, но обмолвился как-то между прочим, не придавая этому большого значения. Его мысли были заняты другим — налаживанием сложных отношений с победившими противниками. Их недоброжелательность и даже враждебность были непостижимы — ведь война уже закончилась, и обсуждались условия выполнения мирного договора, к чему же эта ненависть? Можно было подумать, что французам и англичанам было мало победы, они жаждали втоптать в грязь побежденного врага. И втоптывали изо всех сил.

Нетра

Не могу удержаться и не напомнить, к каким ужасным последствиям привела эта ненависть. На ней, как на хорошем навозе, выросла сила пришедшего к власти фашизма.

Граф Гарри

Гарри не мог даже представить себе, что эта его встреча с Вальтером была последней.

В конце концов, утомившись от женеvского коловращения, Гарри вернулся в Берлин, где карусель кружилась все с той же безумной скоростью. Среди немногих утешительных событий берлинской жизни были его встречи с Альбертом Эйнштейном, с которым его сблизило их общее участие в пацифистском движении.

Поздним утром 24 июня в кабинет Гарри без стука ворвался его коллега и крикнул: «Только что был убит Вальтер Ратенау!»

Убит! Вальтер убит! Убит по дороге в министерство, расстрелян в упор из проносившейся мимо машины! Вот они, письма с угрозами! А он ими пренебрегал, по уши погружен-

ный в спасение поверженной Германии! И получил за это сполна — его тело изрешетили пулями, и он умер на месте. В миг прозрения Гарри понял, что очень скоро и Германия получит за это убийство сполна.

По приезде в Рейхстаг Гарри узнал, что двое, стрелявших в его друга, скрылись, но водитель смертоносного автомобиля схвачен. Это был простодушный двадцатилетний парень Эрнст Течов — он сразу признался, что его наняли вести машину, из которой намеревались расстрелять министра-еврея. Эрнст вообще недолюбливал евреев, кроме того, именно этот еврей, министр, заключил в Рапалло позорный договор с русскими евреями-большевиками. А русские большевики и есть главные враги Германии.

Договор с РСФСР заключал в себе секретный параграф, согласно которому советские власти позволяли Германии тайно создавать внутри России собственные военные формирования, запрещенные Версальским договором. Но оголтелые правые фанатики видели в этом союзе только еврейские происки и жаждали крови.

Нейтра

И опять я должна прервать собственное повествование, чтобы рассказать о судьбе убийц министра-еврея. Надо отдать должное немецкому народу, возмутившемуся кровавой трагедией. Началась массовая охота на убийц. Их нашли в заброшенном старинном замке, которых много в Германии, и оба были застрелены при задержании, или, по другой версии, сами застрелились.

Судьба шофера Эрнста Течова сложилась лучше и интереснее. Суд приговорил его к пятнадцати годам тюрьмы. Томясь в заключении, он прочел несколько книг Ратенау и осознал, какое страшное преступление помог совершить.

Выйдя из тюрьмы всего через пять лет, Эрнст бежал из Германии, где наращивало силу нацистское движение. Он вступил во Франции в Интернациональный легион и воевал в разных странах. К 1940 году Легион все чаще принимал в свои ряды бежавших из Германии евреев. Эрнст подружился

с одним молодым парнем, который оказался племянником Вальтера Ратенау, и признался новому другу в своем страшном преступлении, поклявшись искупить его любой ценой.

И случай представился. Демобилизовавшись из Легиона, Течов поселился в Марселе, куда стекались евреи, пытавшиеся покинуть Европу. Эрнст помогал им, как мог, — добывал выездные и въездные визы. По утверждению его биографов, он спас больше семисот человек.

Граф Гарри

Услышав об убийстве Ратенау, Гарри был в отчаянии, но все же остался верен себе — несмотря на истинную личную трагедию случившегося, он вечером сел к столу и записал в своем дневнике:

«Я застыл, словно громом пораженный, и на какое-то время потерял дар речи. Когда я очнулся от потрясения, ко мне вернулась ясность сознания, и я понял — убийцы должны быть наказаны! Я не сомневаюсь, что это немецкие фашисты, такие же злодеи, как их итальянские братья.

Наутро я поехал в Грюневальд попрощаться с Вальтером. Его гроб стоял в кабинете, в котором мы когда-то часами беседовали за чашечкой кофе или за рюмочкой чего-нибудь покрепче. Голова Вальтера была слегка склонена влево, раздробленная нижняя часть лица заклеена прозрачной марлей. На груди его были рассыпаны свежие цветы. В комнате царил мертвая тишина, кроме меня там никого не было. И меня охватило чувство невыносимой трагедии, такое, какое я испытал только над гробом Фридриха Ницше.

В Ратенау, как и в каждом великом еврее, было что-то мессианское. Нет, он, конечно, не был Мессией, он был, скорее, похож на Моисея, увидевшего Землю обетованную, но лишеного права в нее войти. Возле дома Вальтера мне встретилась маленькая девочка с букетом полевых цветов.

— Наш пастор послал меня отнести в этот дом цветы, — сказала она. — Он отслужил над этими цветами поминальную молитву.

Я погасил свет и в наступившей темноте вдруг осознал, что Вальтера больше нет и никогда не будет. И я наконец заплакал.

За окном страстно ворковал влюбленный голубь.

12 июля

Прошлой ночью убийцы Вальтера, укрывшиеся в старинном замке Саалек под Кузеном, были окружены полицией и покончили с собой.

20 июля

Мне пришлось съездить в Веймар, и, закончив дела, я решил заглянуть в Архив, чтобы повидать Элизабет. Она набросилась на меня со свойственной ей горячностью — поразительно, она не остывает, несмотря на возраст.

— Гарри, — воскликнула она, отпечатав на моей щеке малиновый поцелуй, — ты должен быть осторожен, эти русские и тебя могут убить!

Я вытер щеку носовым платком и спросил:

— Какие русские, Лиззи?

— Ясно какие! Те, которые убили твоего Ратенау!

— Но всем известно, что его убили немецкие националисты. На прошлой неделе они застрелились, когда их окружила полиция.

— Ты веришь тому, что написано в газетах? Эти двое в замке были невинными жертвами политических интриг!

— Но всем известны их имена и принадлежность к партии нацистов. Их водитель сознался в заговоре и признал свою вину.

— Немцы не способны на такое мерзкое убийство. Только русские на это способны!

Я понял, что спорить бесполезно — с ней уже поработали нацистские агитаторы».

Петра

Выстрелы, сразившие Вальтера Ратенау, возвестили начало новой эпохи в жизни Европы — эпохи победного шествия фашизма.

Ратенау был убит немецкими фашистами в июне 1922 года, а в октябре по Италии прошел римский марш итальянских фашистов-чернорубашечников, и диктатором Италии стал лидер фашистской партии Бенито Муссолини.

Лу

В то утро Лу не спалось, она поднялась рано и вышла в столовую. Мари уже поставила на стол кофейник с кофе и свежие утренние булочки и ушла к себе — досыпать. Прихлебывая кофе, Лу потянулась за свежей газетой. На первой странице она увидела большой портрет довольно красивого мужчины — грубоватое лицо его показалось ей знакомым.

Над портретом шел текст крупными буквами: «Римский марш итальянских чернорубашечников». Под портретом было напечатано такими же крупными буквами: «С сегодняшнего дня диктатором Италии стал лидер фашистской партии Бенито Муссолини».

— Бенито! — ахнула Лу и поспешила в свою комнату packовать чемодан. Она надеялась ускользнуть из дому незамеченной, но ее перехватила заспанная Маришка — чутким ухом услышав скрип двери, она выскочила в коридор в ночной сорочке.

— Опять уезжаешь к своему Зигмунду? А ведь совсем недавно ты прожила в Вене целых три месяца! Почему же опять? Что случилось?

Теми же словами встретила ее дочь Фрейда Анна, с которой она подружилась за время своей трехмесячной жизни в их квартире. Что заставило тогда Лу покинуть свой уютный дом в Геттингене и поселиться в чужой, довольно тесной венской квартире, так и осталось тайной.

— Мне нужно срочно поговорить с твоим отцом!

— Но у него сейчас прием, — ответила Анна. — Идем, я покормлю тебя, пока он закончит. Ведь ты выскочила из дому в такую рань, значит, не успела поесть.

Анна предложила Лу подождать Фрейда в столовой, куда тот выйдет пообедать по окончании приема. Лу пришлось

подавить свое нетерпение и смириться. Войдя в столовую, Фрейд страшно удивился:

— Лу? Ты здесь? Что-то случилось?

Анна поставила перед отцом тарелку с супом.

— Вы способны слушать за едой? — спросила Лу. — Я больше не могу ждать, мне нужно рассказать вам что-то важное. Считайте, что это моя исповедь!

— Ладно, давай против всех правил проведем твой сеанс психоанализа за обеденным столом.

— Только не перебивайте, я должна изложить все связно, без перерывов. Вы ведь помните, что у меня в Париже был давний друг, русский врач Савелий? Где-то в году 1906-м или 1907-м, точно не помню, он неожиданно приехал ко мне в Геттинген. Мы много лет не виделись — у меня за эти годы была целая цепь личных драм то с Райнером, то с Земяком и, как всегда, с Карлом. И вдруг на пороге, прямо на глазах у Мари, появляется Савелий, посещения которого Карл строго-на-строго запретил. Я, не желая осложнять и без того непростые отношения в доме, где Мари непрерывно против меня интриговала, выскочила в сад и потащила Савелия за собой на улицу. За воротами, к счастью, тогда была скамейка, которая сейчас уже сгнила. Мы садимся на скамейку, и Савелий говорит:

— Не хочешь ли ты поехать со мной в Женеву?

— Зачем в Женеву?

— Меня пригласили лечить одного важного русского пациента. Он настолько важный, что мне даже имя его не сообщили, а только кличку — Старик, хоть он совсем не старый, ему даже сорока нет. У него редкая болезнь глаз, он не переносит солнечный свет, и от этого и у него сильные головные боли. А я, по случайности, лучший русский специалист в Европе по этой болезни. Хочешь поехать со мной? Это может быть интересно: там целая колония российских беженцев-террористов.

Я немедленно согласилась — во-первых, я устала от напряженных отношений с Мари, так что было бы очень полезно на время сбежать из дому, а во-вторых, на меня нахлынуло прошлое и вспомнились наши славные поездки с Савелием, а их было немало. Когда я объявила о своем решении уехать,

Карл пожал плечами, Мари вспыхнула от радости, и только Маришка заплакала — она очень болезненно переживала мои отъезды, но зато возвращения делали ее счастливой, так что ее страдания компенсировались.

Ехать в Женеву пришлось с пересадкой, и мы с Савелием провели прекрасную ночь в отеле в Базеле, словно вернулись в прошлое. Наш поезд прибыл в Женеву в два часа пополудни, когда этот очень буржуазный город преобразается красотой окружающей природы — синевой огромного озера и белизной сверкающих альпийских вершин. Мы наспех перекусили в ресторане отеля и отправились к ожидающему нас пациенту по прозвищу Старик.

Но пациента по присланному Савелию адресу не оказалось, и его квартирная хозяйка направила нас в городскую библиотеку, где он обычно проводил почти каждый день. Мы пошли по узкой, чисто выметенной улице, разглядывая объявления о сдаче комнат, выставленные в окнах некоторых домов. К нашему удивлению, многие предупреждали: «Сдаем без кошек, без собак и без русских».

— А что им сделали русские? — не поняла я. Именно за несколько последних лет моя душа вновь вернулась на покинутую мною родину. Мы с Райнером два раза посещали Россию и были очарованы подлинной духовной жизнью ее интеллигенции, так не похожей на сытое существование немецких и французских буржуа.

— Разве я не говорил тебе, что Женева наводнена русскими эмигрантами, спасающимися здесь от ареста за террористическую деятельность? Деятельность настоящая, а не выдуманная — они взрывают бомбы и грабят банки.

— И твой Старик тоже?

— Мой Старик не тоже, а именно! Он их главарь! Российские власти конфискуют его книги и сажают в тюрьму его сообщников.

— О, идем скорее его искать — это становится интересным!

Старик действительно сидел в библиотеке за столом, заваленным книгами на немецком и на французском языках.

Он совершенно не выглядел главарем террористов, а скорее, провинциальным школьным учителем — небольшого роста, лысоватый, скуластый, и только глаза его, хоть большие и раскосые, искрились какой-то странной магнетической силой. Впрочем, наткнувшись на меня, они, как всякие мужские глаза, потеряли фокус и остекленели, как глаза вытасненной из воды рыбы. Мне этот эффект был знаком смолоду и все же каждый раз удивлял. К счастью, предложение он мне сделать не мог — рядом с ним сидела его супруга Надин, круглолицая и неказистая.

— Значит, это вы, целитель Савелий из Парижа, — сказал Старик, не отрывая взгляда от меня. — Куда бы нам с вами уединиться?

Мне показалось, что уединиться ему хотелось бы с мной, а не с Савелием.

— К нам нельзя, — объяснила Надин, — там так невыносимо тесно и сыро, что мы на целый день сбегает в библиотеку. А по вечерам, когда солнце заходит, гуляем по берегу озера.

— Можно пойти ко мне, — неожиданно объявила по-русски одна из сидевших за круглым столом коротко стриженных девиц, типичных революционных курсисток. — Как раз сегодня моя хозяйка уехала навещать внуков.

И выжидательно встала из-за стола. Старик буркнул: «Спасибо, Люба», — тоже поднялся со стула и двинулся к выходу. Надин вскочила с места и взяла его под руку: «И я с вами».

— Через пару часов встретимся здесь, — на ходу бросил мне Савелий по-французски и поспешил за ними. Я присела к столу Старика и стала разглядывать лежавшие на нем книги. Книги были любопытные, в основном по истории и философии. Я подумала: «Не так этот Старик прост», — и вдруг невольно услышала обрывки разговоров сидящих за круглым столом стриженных девиц. Они щебетали по-русски, не подозревая, что я их понимаю.

Из их щебета я узнала, что в их сообществе есть какой-то мужчина, с которым все они хотели бы переспать. А одна-две удачницы уже успели это сделать. Это явно был

не Старик, а какой-то молодой парень, молодой, но не холостой.

— Не понимаю, что он в ней нашел. Она на сто лет старше его.

— Не на сто, а всего на шесть.

— Шесть в его возрасте — целая вечность. Так почему он так за нее держится?

— Во-первых, есть за что держаться. Сиськи у нее не то, что у тебя, за твои не удержишься.

— Ну, предположим, большие сиськи, но это же не главное!

— А что главное?

— Главное, что она его всему учит — социализму, революции, политике, — он ведь темный, как земля.

— Он хоть и темный, но в постели сам любого научит. За это она его и ценит.

— И что такое он умеет?

— А ты попробуй, не стесняйся... чудо как хорош... у него, знаешь, такой...

Дальше пошел приглушенный хохот, горячий шепоток и опять хихиканье и шепот, слов не разобрать. Потом уже яснее, на высокой ноте:

— Да она меня убьет!

— Не надо ей рассказывать, она и не узнает!

— Так она за ним следит.

— Следит, когда не бегают за Стариком. Вот в это время ты и можешь к нему подкатиться.

— А тебе не жалко? Ты не хочешь его удержать?

— Его удержать нельзя — он специалист одного раза.

— А вдруг он откажется? Такой стыд!

— Он ни за что не откажется. У него на всех хватит!

И опять шепот и хохот, уже до визга, так что библиотекарьша выбежала из-за своей загородки и грозно щелкнула костяшками пальцев по столу. Стриженные террористки замолкли и углубились в свои книги. Я поняла, что продолжения не будет и осторожно двинулась к выходу. К счастью, никто не обратил на меня внимания. Я выскользнула из библиотеки незамеченной и огляделась. Погода стояла отлич-

ная. Совсем близко сверкало бирюзой огромное озеро. Я, словно завороженная, направилась к нему.

Навстречу мне от озера шла странная пара — то ли сестра с младшим братом, то ли мать с сыном, совсем как когда-то мы с Райнером. Они держались за руки, тоже как мы с Райнером. Поравнявшись со мной, молодой парень оглядел меня настоящим мужским взглядом — его глаза не остекленели, как у выброшенной из воды рыбы, а попросту нагло меня раздели. Я почувствовала его бесцеремонный взгляд, пробежавший по моему телу.

«Уж не тот ли это умелец, о котором щебетали стриженные девицы в библиотеке?» — подумала я и невинно спросила его, ведет ли эта улица к озеру, хотя было очевидно, что ведет. Он приостановился и ответил с легким, не совсем явным акцентом, продолжая раздевать меня взглядом:

— Пройдите два квартала и сверните налево прямо к озеру.

Его спутница, элегантно одетая пышногрудая дама, властно потянула его за руку, и я поняла: это точно они.

Прогулявшись по очаровательной набережной и полюбовавшись прелестным озером, я вернулась в библиотеку, где должна была ждать Савелия. Я не ошиблась: пышногрудая дама сидела за круглым столом со стриженными террористками, а ее молодой кавалер бродил среди книжных полок, вытаскивая то одну книгу, то другую и возвращая их на место. Когда я вошла, он сразу меня заметил, прекратил игру с книгами и опять начал раздевать меня наглым мужским взглядом.

Савелий явно задерживался, и я решила, пока его нет, познакомиться с отличным набором книг этой библиотеки. Когда я обратилась к библиотекарше за разрешением, она потребовала, чтобы я зарегистрировалась и предъявила паспорт. Как ни странно, но, раскрыв его, она повела себя, как очарованный мною самец, — глаза ее остекленели, как у выброшенной из воды рыбы, и дыхание прервалось.

— Вы — Лу фон Саломе? Та самая? — наконец выдавила она из себя. — Это вы написали книгу о Ницше?

Ее негромкие слова произвели в зале эффект разорвавшейся бомбы — тишина воцарилась такая, какая бывает сразу после взрыва. Но ее прервал голос молодого парня у меня за спиной:

— Так это вы разбили сердце великого человека?

— Вы об этом знаете? — спросила я, удивленная его осведомленностью.

— Фридрих Ницше — мой любимый философ! Я все о нем знаю.

Пышногрудая дама поднялась из-за стола:

— Рада с вами познакомиться, Лу фон Саломе. Я Анжелика Балабанова, а Бенито — мой гражданский муж. Мы — последователи Ницше, — сказала она по-русски.

— Очень интересно, — вежливо откликнулась я.

Стриженные девицы дружно ахнули:

— Она говорит по-русски!

А Бенито откликнулся по-французски:

— Но я, к сожалению, по-русски не говорю.

Тут Анжелика заподозрила, что ее муж заинтересовался мною, — похоже, она хорошо его знала, — и сменила любезный тон на агрессивный.

— Милая Лу, я читала ваши книги и удивляюсь, почему вы, рассказывая о своей нежной любви к вашему покойному отцу, нигде не упомянули, что именно он, генерал Густав фон Саломе, жестоко подавил польское восстание и утопил в крови всю эту несчастную страну?

Девицы за столом всполошились и заколыхались, как колосья на ветру. Одна из них выкрикнула:

— Дети за родителей не отвечают!

А другая атаковала Анжелику:

— Тебе ли упрекать кого-нибудь за отца? Когда твой — типичный еврейский капиталист-кровосос!

— Он капиталист, но крови ничьей не проливал! — взвизгнула Анжелика. Неизвестно, чем бы эта перепалка закончилась, если бы наконец не вернулся Савелий в сопровождении Любы. Он поставил на стол свой медицинский чемоданчик и устало опустился на стул.

— Что с нашим дорогим Стариком? — не вытерпела одна из девиц.

— Случай нелегкий. К тому же, очень запущенный. Я провел несколько лечебных процедур, но тут вернулась хозяйка Любы и нам пришлось убраться прочь.

— Где же Старик с Надин?

— Я отправил их домой на такси. А назавтра мне опять нужна комната для процедур, жилье Старика и Надин абсолютно не подходит, там слишком тесно. И кто-то из вас должен добровольно послужить мне медсестрой — у Надин слишком слабое сердце, чтобы помогать мне второй день подряд.

Анжелика не заставила себя долго ждать. Не успела одна из стриженных открыть рот, как она вырвалась вперед:

— Я думаю, моя комната вполне подойдет, а с хозяйкой я сговорюсь.

Стриженная в круглых очках прошипела внятно:

— Хорошо иметь отца-капиталиста, он всегда нетрудовую копейку подкинет.

Но Балабанова, и глазом не моргнув, продолжала:

— К тому же я могу вам помочь при лечении, тем более что Бенито с утра работает на разгрузке в порту.

Пока Савелий договаривался с Анжеликой, Бенито неслышно вырос у меня за спиной.

— Приходите сюда завтра к двум часам, я покажу вам местные красоты.

И так же незаметно отошел, не дожидаясь ответа, — похоже, он не сомневался в моем согласии. И был прав — как я могла упустить случай близко познакомиться с таким женщиной?

Когда я на следующий день в два часа пришла в библиотеку, он уже сидел за столиком, углубившись в чтение толстого тома в кожаном переплете. На меня он даже глаз не поднял, и через секунду я поняла, почему — за круглым столом среди стриженных девиц сидел Савелий. «Так рано?» — мелькнуло у меня в голове с некоторым сожалением, и напрасно. Савелий в отличие от Бенито немедленно меня за-

метил, вскочил с места и бросился ко мне. Прежде, чем он открыл рот, я спросила:

— Ну, как там наш Старик? Ты не слишком рано его покинул?

— Со Стариком все в порядке, я оставил его в надежных руках — Анжелика и ее квартирная хозяйка взяли на себя заботу о его процедурах.

— Так что, ты свободен, и мы можем погулять по Женеве?

— Прости меня, дорогая, — виновато пробормотал Савелий по-французски, — мне придется еще задержаться: меня засыпали просьбами посетить еще нескольких больных. У них тут жизнь несладкая, и денег на местных докторов нет.

— А почему у них нет денег? Ведь говорят, будто их поддерживают разные революционные фонды?

— Фонды слегка истощились — сбежавших из России террористов стало слишком много. А главный источник денег, так называемые экссы, провалился по глупой ошибке. Король экссов по кличке Коба совершил удачное ограбление тифлисского банка, но деньги взял пятисотрублевками, которые никто не хочет разменивать. В результате бедный Старик сидит на ящике, полном неразменных купюр. Так что придется мне поработать бесплатно ради революции, раз уж я в эту швейцарскую глушь заехал. Ты ведь не будешь очень скучать?

— Скучать вашей даме не придется, — объявил за моей спиной Бенито, и я наконец сообразила, что акцент у него итальянский, созвучный его имени. — Если вы не возражаете, я покажу ей тайные красоты нашего города

Савелий не возражал, он даже был благодарен молодому итальянцу — ведь он не слышал щебета стриженных террористок. Он поспешно схватил свой медицинский чемоданчик и умчался в сопровождении двух девиц.

— Туфли у вас неподходящие для пешей прогулки, — заметил итальянец, и тут же нашел выход. — Давайте совершим прогулку на лодке, так даже интересней!

Мы спустились к озеру и свернули к лодочному причалу. Пока Бенито договаривался с хозяином парусной лодки,

я пыталась разгадать его игру, — он что-то задумал, или я неправильно его поняла? Может, он никакого соблазнения не предполагал? Если так, то жаль.

Но все же, оказалось, что предполагал. Едва я устроилась на довольно комфортабельном сиденье, он умело направил лодку в каком-то, ему одному известном направлении, а потом ловким движением сдернул с меня туфли. Отбросив их, он сел на сиденье напротив и объяснил:

— Если вдруг перевернемся, туфли могут потянуть на дно.

Но не объяснил, почему, избавившись от них, продолжал держать в своих крупных ладонях мои ноги и даже слегка, не настойчиво, поглаживать мои пальцы, словно проверяя, как я на этоотреагирую. Через пару секунд, убедившись, что я его не оттолкнула, он дал своим пальцам волю поползти к моим коленям все настойчивей и выше. Сознаю, это было упоительно.

— И что же дальше? — услышала я собственный голос.

— А дальше мы причалим к одной таинственной бухте, где у меня есть маленькая хижина, о которой знаю только я.

Пока паруса несли нашу лодку по глади озера к бухте Бенито, его руки продвигались все выше и ласки становились все нежнее, так что я поняла восторги стриженных девиц из библиотеки. Но как только нос нашей лодки уткнулся в кусты, скрывающие бухту, тишину нарушил звонкий женский смех, прозвучавший совсем рядом. И только тут я заметила маленькую моторную лодку, пришвартованную в узком устье.

— Анжелика! — ахнул Бенито, и руки его замерли у меня на коленях. — Надевай туфли, быстрей!

Но я не успела надеть туфли — из-за кустов выскочила полуобнаженная Анжелика, за которой с хохотом гнался полуодетый Старик. Увидев нас в лодке, оба застыли, как фигуры в почти забытой детской игре «Замри!». Мы тоже опешили — я с туфлями в руках, а Бенито с моими ногами в ладонях. Первым пришел в себя Старик — недаром он держал в руках целые группы террористов.

- Я вижу, ты времени даром не теряешь, Бенито!
— Но и ты тоже, Старик! — огрызнулся итальянец.

Они уставились друг на друга, как разъяренные быки на корриде. И тут вмешались высшие силы: неожиданно из маленькой пухлой тучки на нас хлынул с небес стремительный короткий ливень. Хлынул, обильно полил дождем и прекратился. Недаром говорят, как водой окатил. И охладил ревнивый пыл наших мужчин, оставил им только бессильные слова:

- Я тебе еще это припомню, Бенито!
— И я тебе еще это припомню, Старик!
Лу замолчала и уставилась на Фрейда:
— И как вам моя исповедь?

— Я не понимаю, зачем ты мне все это рассказала. Я ведь не расспрашиваю тебя обо всех твоих бесчисленных похождениях.

— А вот зачем! Я бы хотела предугадать, как два диктатора припомнят друг другу старые грехи.

- Два диктатора?

Тут Лу сделала то, ради чего примчалась в Вену, — она раскрыла привезенную ею газету с портретом и подписью крупными буквами.

— С сегодняшнего дня диктатором Италии является лидер фашистской партии Бенито Муссолини.

- Так твой Бенито — лидер фашистской партии?

— Оказывается, именно лидер фашистской партии. А хотите знать, кто мой Старик?

- Он что — тоже лидер?

— И еще какой! Он — лидер большевистской партии, диктатор Советской России, Владимир Ленин!

Нейра

Бенито Муссолини был не просто лидером фашистской партии, он был ее создателем, так же, как Ленин создателем большевистской. Пройдя политическую школу Анжелики

Балабановой, Бенито увлекся идеей социализма, занялся журналистикой и к 1912 году стал главным редактором газеты «Аванти». Но после Первой мировой войны он разочаровался в социализме и создал движение силовиков-чернорубашечников, которое сделалось очень популярным в Италии. Он-то и назвал это движение «фашистским», от слова «фашина», пучок прутьев. Идея была в том, что каждый отдельный прут сломать легко, а пучок — невозможно.

Граф Гарри

29 октября 1922 года Гарри написал в дневнике:

Итак, сегодня король Италии назначил премьер-министром страны лидера фашистской партии Бенито Муссолини. Этот день запомнится как черный день для всей Европы.

Фашисты захватили власть путем силового переворота. Это событие приведет к непредсказуемо страшным результатам не только Италию, но и весь мир.

15 ноября

Сегодня юбилей Герхарта Гауптмана. Десять лет назад он получил Нобелевскую премию по литературе и сегодня считается лучшим драматургом Европы после Ибсена. Торжественная часть прошла в университете, большинство студентов и профессоров которого бойкотировало праздник из-за присутствия на нем президента Веймарской республики, лидера социал-демократической партии. Они обвиняют нынешнее правительство в потере национального духа. После юбилейного спектакля в Национальном драматическом театре избранные гости были приглашены на торжественный ужин в дорогом ресторане.

За каждым приглашенным было закреплено определенное место за определенным столом. Было накрыто много маленьких столиков на шестерых и один большой стол на восемнадцать персон, во главе которого сидел юбиляр. Я оказался за большим столом, напротив жены Герхарта. Я сидел лицом к двери, два места рядом со мной были пусты —

неужели кто-то пренебрег приглашением нобелевского лауреата?

Наконец гости расселись, гул голосов стих, и поднялся юбиляр, так замечательно подгримированный под Гете, что у меня дух захватило — хоть он сам всегда хвастался этим сходством, но не до такой же степени! Он и речь начал в образе, стал доказывать, что Гете, как и он, писал не для интеллектуалов, а для простого народа. В самый разгар его красноречивой декламации с шумом распахнулась дверь, и вошла Лу Саломе в сопровождении Рильке. Нисколько не смущаясь, она, зажав в пальцах карточку с номером места, под руководством метрдотеля двинулась к нашему столу, за нею неуверенно плелся Рильке, смущаясь за двоих.

Наблюдая, как она, окинув меня холодным взглядом, усаживает Рильке между мной и собой, я вспомнил утверждение Элизабет, что Лу всегда опаздывает намеренно, чтобы обратить на себя внимание. Этого эффекта она достигла и сегодня, хоть одета была довольно небрежно, не на уровне нарядов других дам, и золотые волосы ее, уже изрядно тронутые сединой, были собраны на затылке в простой узел. Завидев ее, юбиляр просиял, но речь свою закончил без запинки. Его жена как-то съежилась, и недаром — ведь всем известно, что у него был бурный роман с Лу, оборванный по ее инициативе, и что он страшно страдал от этой неразделенной любви.

Впрочем, от неразделенной любви к Лу Саломе страдал не он один из великих, а какой-то ее отвергнутый любовник сказал во всеуслышание: «Лу бросает мужчину в самый разгар страстного романа, и через девять месяцев он производит на свет великую книгу». Так, похоже, было и с Ницше, хотя остается загадкой, кто кого бросил. Элизабет с пеной на губах утверждает, что это Фридрих бросил Лу, и предъявляет его письма, но я всегда ставлю под сомнение утверждения Элизабет.

После торжественной части все расслабились, и Рильке перестал стесняться. Он огляделся вокруг и заметил, что рядом с ним сажу я — мы с ним однажды очень сблизились,

когда моим лучшим другом был ныне покойный Огюст Роден, а Райнер был его секретарем и написал о нем книгу. Книга Огюсту не понравилась, и он рассорился с Рильке, а тот бросился ко мне в поисках примирения с моим великим другом.

— Граф Гарри Кесслер! — обрадовался он и обернулся к Лу. — Ты знакома с моим другом Гарри?

— Не знакома и не собираюсь знакомиться! — отчеканила Лу и принялась разрезать распластанный на ее тарелке шницель.

— Чего же вы не поделили? — изумился Райнер.

— Фридриха Ницше, — любезно пояснил я.

В синих глазах Райнера мелькнула тень реальности — вообще-то, он обычно видел только обратную сторону собственных век, но иногда обстоятельства заставляли его всмотреться во внешний мир. И сейчас он вдруг что-то вспомнил:

— Да-да, ведь именно вы, граф Гарри, способствовали этой стерве Элизабет открыть Архив Ницше в Веймаре и присвоить все его наследие!

— Но оно по праву принадлежит ей — она ведь родная сестра Фридриха.

— А Лу была его единственной любовью! Так что ей бы полагалось заведовать Архивом Ницше.

— А Элизабет заявляет, что единственной любовью брата была она. И предъявляет пачку его писем в подтверждение.

Райнер покосился на надменно отгородившуюся от нас спину Лу и не стал ввязываться в спор.

— Ну, не знаю, я не судья... Все это было задолго до меня...

Что правда, то правда — все это было задолго до него. В те годы, вернее, в тот один год, когда протекал бурный роман Лу с Фридрихом, Райнеру едва минуло три года. Я тоже не стал настаивать. Лу демонстративно поднялась из-за стола и пошла целоваться с юбиляром, а я остался с Райнером, который начал опять уползать в свой панцирь.

— А вы как поживаете, Райнер? Что-то вы похудели, а ведь вы теперь не бедный и всеми забытый, а богатый и знаменитый.

Райнер вздохнул:

— Я живу сейчас в санатории в Швейцарии и приехал в Берлин только для того, чтобы встретиться с Лу. А так дышу горным воздухом и лечусь. Врачи нашли у меня какую-то мало изученную болезнь. И изучают ее на мне.

Он весь был какой-то неустроенный и неприкаянный, и мне стало его очень жалко, как в те далекие славные дни, когда он просил меня заступиться за него перед Роденом.

И стало особенно жалко, что навсегда ушло то сладкое беспечное время.

Из дневника графа Гарри

1924 год

Я встретился с Эйнштейном на каком-то банкете, когда каждый из нас бессмысленно слонялся вдоль стен с бокалом в руке, не уверенный, зачем он здесь. Эйнштейн обрадовался, увидев меня:

— А-а, граф Кесслер! Хотя одно знакомое лицо! Давайте уединимся где-нибудь в уголке и поболтаем.

Мы нашли свободный диванчик, и я спросил, над чем он сейчас работает.

— Я думаю.

— О чем вы думаете? — не понял я.

— Просто думаю. Понимаете, все замыслы и проекты человека несовершенны. Если долго думать, начинаешь видеть несовершенство какого-нибудь замечательного проекта. И придумываешь, как его усовершенствовать. Но если продолжать думать, то можешь заметить несовершенство нового проекта. И тогда начинаешь думать, как его усовершенствовать. И так происходит движение вперед.

1925 год, Веймар

Вчера я был в Веймаре и посетил Элизабет. Она, как всегда, была мне рада, а я, как всегда, восхитился мужеством и стойкостью этой хрупкой восьмидесятилетней женщины. Без рыданий и слез она поведала мне, что инфляция

съела весь фонд пожертвований Архива Ницше — целые восемьсот тысяч золотых марок!

— Пропало все, до единого пфеннига, — констатировала она с удивительным спокойствием. — Так что мы существуем только от продажи билетов. И удивительно, но все еще живы. Правда, мюнхенские доброжелатели пожертвовали тысячу двести марок как основу для нового фонда.

Хотя меня обеспокоила мысль о том, кто такие мюнхенские доброжелатели, я не мог не отдать должное способности сестры Ницше бороться с невзгодами.

Через неделю, Берлин

Утром я отправился голосовать за нового президента. Моросил отвратный мелкий дождик, и улицы были пусты. Только на Потсдамер Плац топталась кучка белокурых юнцов со свастиками на рукавах — плечи у них были могучие, а лица, как на подбор, тупые. Лица же немногих прохожих под зонтами были полны такого безразличия, словно сегодня не решалась судьба Германии.

Вечером я пошел в штаб демократической партии, чтобы узнать результат выборов. Сомнения не оставалось — выиграл Гинденбург, а значит, к власти пришли националисты. Я боюсь, что этот день открыл одну из самых темных страниц в истории нашей страны.

Петра

1928 год, темные страницы

Речь одного из начальников берлинской полиции:

«Когда-то наш народ был здоровый и сильный, но теперь назвать его таким нельзя. Когда-то мы стремились к чему-то возвышенному, а сегодня падаем все ниже и ниже. Берлин стал мировой столицей разврата, стал новым Содомом и Гоморрой, и я стыжусь, что этот город — столица Германии. Раньше другие государства боялись нас, а теперь они над нами смеются. Но наше еврейско-большевистское правительство не в состоянии этому противостоять. Члены этого правительства страшные лжецы.

У нас есть только один человек, способный сказать правду и смыть грязь с берлинских улиц, очистить их от наркоторговцев и шлюх, от трансвеститов и извращенцев, от жидов и коммунистов. Этот человек — Адольф Гитлер, вождь нацистской партии. Я вовсе не нацист, я просто консервативный националист, и я опасаясь, что у нас может случиться революция, подобная той, которая разрушила Россию. Ведь законы в нашей стране не соблюдаются, потому что среди служителей закона слишком много евреев.

Поверьте мне, господа, — грядет великий шторм, который сметет с лица Германии всю эту шваль, угрожающую самой основе немецкого духа!»

1930 год, темные страницы

Я не хочу, но вынуждена подвести итог печальных событий прошедших лет.

1923 — У Зигмунда Фрейда диагностировали рак челюсти, который причинил ему ужасные страдания и свел его в могилу.

1926 — Райнер Мария Рильке умер в швейцарском санатории от тяжелой болезни крови.

1926 — Граф Гарри Кесслер перенес тяжелую пневмонию, осложнившуюся менингитом, а результате чего он ослеп на левый глаз.

1930 — Муж Лу Саломе, профессор Карл Андреас, умер во сне в своей постели.

Лу

После похорон Карла Лу так устала, что, едва разошлись гости, сразу заперлась в своей комнате и, с трудом раздевшись, рухнула в постель. Однако уснуть не смогла — картины из прошлого и беспокойство о будущем сплетались в безостановочный кошмар. Где-то в полночь она вдруг вспомнила, что в ящике прикроватной тумбочки у нее хранятся снотворные таблетки. Лу достала флакон с таблетками и с трудом удержалась от соблазна принять все враз и изба-

виться от забот. Но нет, это было бы против всех ее принципов — она не раз объявляла, что любит жизнь и за радости, и за страдания.

Кроме того, смерть Карла не была для нее такой уж трагедией, просто она нарушала хорошо заведенный порядок. Лу проглотила две таблетки и, уже проваливаясь в дурман-ный сон, утешила себя: ничего страшного, придется завести новый порядок.

Наутро новый порядок начал заводится сам собой. Войдя в столовую, она не обнаружила ни привычного кофейника с горячим кофе, ни свежих булочек. Пока она раздумывала над этим новым явлением, зазвонил дверной звонок. В столовую выскочила полностью одетая Мари и, не здороваясь, поспешно открыла входную дверь. «Кто бы это мог быть в такую рань?» — пронеслось в голове Лу, но ответ не заставил себя ждать.

Мари вернулась, ведя за собой плечистого парня в рабочем комбинезоне, и указала на дверь своей комнаты: «Сюда!» Через минуту парень вышел с двумя большими чемоданами и скрылся за входной дверью.

— Что происходит, Мари? — неискренне спросила Лу, отлично понимая намерения экономки. Но Мари попалась на удочку, а может, просто ждала подходящего случая поставить точки над «i».

— А ты надеялась, что после ухода Карла я буду по-прежнему прислуживать тебе?

— Какая разница, на что я надеялась, — пожалала плечами Лу. — Я просто хотела бы знать, куда ты собралась с раннего утра.

— Мы уезжаем к себе!

— Куда это — к себе? И кто это — мы? — спросила Лу с видимым равнодушием, хотя ее сердце закатилось под ребра от этого «мы».

— К себе домой! Карл на прощание купил нам с Маришкой хорошенькую виллу в Майзендорфе!

«Хорошо, хоть недалеко», — про себя сказала Лу, а вслух спросила:

— А при чем тут Маришка?

— А ты надеялась, что Маришка останется здесь прислуживать тебе?

— Я и сейчас надеюсь, что Маришка останется со мной!

— Напрасно надеешься! Она моя дочь, и я забираю ее с собой! — завизжала Мари так громко, что Лу даже не успела возразить. Она хотела бы напомнить Мари, что Маришка давно уже взрослая женщина и сама может решать, где и с кем ей жить. Но крики матери разбудили виновницу скандала — она высочила из своей комнаты в ночной рубашке, заспанная и прелестная.

— Чего вы так шумите, спать не даете? — начала было она, но тут, громко топая, вернулся грузчик за следующей порцией чемоданов, и Маришка, застеснявшись, убежала к себе. Через минуту она появилась снова, завязывая поясок зеленого шелкового халатика, подаренного ей Лу на прошлый день рождения:

— Из-за чего скандал? Разве можно так кричать на следующий день после похорон?

— Одевайся, — зашипела Мари. — Мы сегодня навсегда уезжаем из этого дома...

Мари не закончила фразу, потому что грузчик, неся на плечах огромный сундук, вышел из ее комнаты и протопал к выходу.

— Кто — мы? Ты с этим парнем?

— Мы с тобой.

— Куда же мы едем, интересно знать?

— В наш собственный дом, который купил для нас Карл, вечная ему память.

— Карл купил для нас дом, а я узнаю об этом только сегодня, когда он уже умер?

— Но не могла же я рассказать тебе об этом раньше! Ты бы наверняка проболталась ей!

Маришка обернулась к Лу:

— Ты хочешь, чтобы я уехала с ней, маме Лу?

— Конечно, нет, девочка моя. — Лу, вообще не склонная плакать, не заметила, что по ее щекам струятся слезы. —

Этот дом тоже твой — я отписала его тебе в своем завещании.

— Негодяйка! — взвизгнула Мари. — Ты не знаешь, чем еще ее заманить! Плевала она на твой дом! Она моя дочь и уедет со мной!

— Нет, мами Мари, никуда я не уеду. Я останусь здесь с мами Лу.

Нарастающую драму опять прервал грузчик, который молча прошествовал в комнату Мари, быстро вынес оттуда связку саквояжей и объявил:

— Я уже закончил, уважаемая фрау, и мне пора ехать. Вы разве не поедете со мной?

И вышел. Мари поспешила за ним, бросив на ходу:

— Я еще вернусь за тобой.

Лу утерла слезы и прошептала:

— Спасибо, девочка.

— За что спасибо? За то, что я хочу жить с тобой?

— Да, именно за то, что ты хочешь жить со мной.

Из дневника графа Тарри

13 октября состоялось открытие Рейхстага, отмеченное с утра массовыми демонстрациями нацистов. К полудню они начали громить витрины больших универмагов. При чем по удивительной случайности били стекла только еврейских магазинов, а христианские, вроде «Немецкого фарфора» и «Книжной лавки Гете», чудом остались нетронутыми. Я почти час стоял на Фридрихштрассе, наблюдая за нацистской толпой. Она в основном состоит из безработных желторотых юнцов, жаждущих получить по две-три марки за «хорошее» поведение, подтверждающее их патриотизм.

Вся эта камарилья напомнила мне хаос берлинских улиц накануне революции 1918 года. Впрочем, нет, тогда хаос был естественным, а сейчас хорошо организованным чьей-то могучей рукой. Страшно подумать о будущем, если эту мощь не удастся сломить.

Элизабет

Элизабет нежно погладила обложку одной из разложенных на ее столе книг. Она даже подняла другую и понюхала, с удовольствием вдыхая запах свежей типографской краски. Какая радость — новое издание полного собрания сочинений ее дорогого брата Фридриха! И принялась увлеченно паковать каждую книгу в заранее приготовленную для нее маленькую коробочку. За этим странным занятием и застал ее граф Гарри, зайдя в Архив Ницше во время короткого посещения Веймара.

— Я вижу, ты получила большой заказ! А почему ты пакуешь сама? У тебя что, помощников нет? — спросил он, целуя ее в умело подкрашенную щеку.

— Это не заказ, это подарок ко дню рождения, — ответила Элизабет, не прекращая работу.

— Кто же этот счастливец, который получит новенькие книги, выпущенные моим издательством, однако собственноручно тобой отредактированные и собственноручно упакованные?

— Один великий человек, — загадочно улыбнулась Элизабет, и граф в который раз восхитился ее неувядающим темпераментом. Ей уже перевалило за восемьдесят, а она все еще игрива, как молодая девушка. И все же он не удержался, съехидничал:

— Неужели Альберт Эйнштейн? — Гарри отлично знал, как неприязненно она относится к великому еврейскому мудрецу.

— Как ты мог такое подумать? — фыркнула Элизабет.

— Значит, Зигмунд Фрейд! Других великих людей не знаю!

— Если не знаешь, я тебя познакомлю. Это великий итальянский дуче Бенито Муссолини!

— Этого монстра ты называешь великим? Главаря бандитов в черных рубашках?

— При чем тут цвет рубашек? Главное — какой порядок он навел в Италии. Мы о таком порядке и мечтать не смеем!

«Еще как смеем, к сожалению», — подумал граф, но в спор с Элизабет вступать не стал. А просто переменял направление диалога:

— И какое же отношение ты имеешь к «великому дуче»?

Именно к этому вопросу подводила его хитрая собеседница.

— Мы уже целый год состоим в любовной переписке! — восторжествовала она.

— Мы — это ты и дуче?

— Именно так — я и дуче!

— Что же связывает тебя с этим бандитом? — граф притворился несведущим, уже догадываясь, куда она клонит.

Элизабет поверила в его наивность, тем более что она ей польстила.

— Не догадываешься? Мой великий покойный брат, Фридрих Ницше!

— В твоей обработке, надеюсь?

— Фрицци не существует в другой обработке. Не забывай, что слава к нему пришла, только когда он был издан в моей обработке. И великий дуче высоко оценил мою работу.

— В чем же это выразилось?

Словно сообщая великую тайну, Элизабет благоговейно прошептала:

— Он прислал мне свою пьесу, которая пока еще не шла на сцене, и хотел бы, чтобы она была поставлена в Германии.

— А почему не в Италии?

— Ему неприятно думать, что спектакль выпустят, чтобы угодить. И я решила организовать постановку этой пьесы в веймарском театре

Гарри подумал, что ослышался:

— Ты займешься постановкой пьесы? Вот это новость!

— А что? Разве я плохо справилась с созданием Архива?

Гарри огляделся. Что правда, то правда — Архив был в отличном состоянии.

— Но это было давно... — пробормотал он.

— Ты хочешь сказать, что я тогда была моложе? Ну и что? Никогда не поздно начать сначала!

Ну, как не восхититься ее дерзостью — она к ста годам еще задумает заняться балетом. И все же он нашел подходящий аргумент против:

— Но ведь в создании Архива тебе помогал я!

— А что в этом плохого? Ты и сейчас мне поможешь, разве нет?

— В постановке пьесы этого бандита? Ну уж нет!

— Но хоть прочесть ее ты захочешь? Ведь ты знаешь итальянский!

— Знаю, но не так хорошо, как немецкий и французский. — И все же природное любопытство уже брало верх над осмотрительностью. — Хотя прочесть пьесу, конечно, могу.

Элизабет поспешно, пока он не передумал, отложила в сторону очередную коробочку с книгой Ницше и вытащила из ящика пухлую рукопись, на первой странице которой крупным шрифтом было напечатано:

Бенито Муссолини. «Наполеон» (пьеса)

— Вот и отлично. Бери и отправляйся читать. Имей в виду, это один из десяти экземпляров, отпечатанных лично автором. И других нет. А завтра скажешь мне свое мнение.

Слегка удивленный собственной покладистостью, Гарри неохотно взял пьесу и оправдал себя: «Ладно, прочту, а потом помою руки».

Пьеса оказалась довольно умелой, ее идея даже показала графу оригинальной — император Франции был представлен честным доблестным человеком, погубленным злодеями и клеветниками. По дороге на вокзал граф на минутку зашел в Архив, чтобы вернуть Элизабет рукопись. Коробочек с книгами Ницше на столе уже не было.

— Что, ты книги уже отправила? Ну и темп! — восхитился он.

— Со специальным нарочным. Через десять дней у дуче день рождения, и я хочу, чтобы мой подарок прибыл точно в срок. Ну, а как тебе пьеса?

— Пьеса интересная, — признался граф. — Для бандита он неплохой профессионал.

— Ты ведь знаешь, что он был главным редактором газеты и написал несколько романов?

— Я что-то слышал, но, признаюсь, читать его писанину никогда не стремился. Прощай, дорогая, я должен спешить, чтобы не опоздать на берлинский поезд.

Но из клещей Элизабет не так-то легко было вырваться. Когда Гарри наклонился, чтобы чмокнуть ее в щечку, она ухватила его за лацкан пиджака на удивление сильными маленькими пальчиками:

— Так ты сможешь мне с постановкой?

И Гарри сдался, он не мог устоять перед соблазнительной художественной задачей — участвовать в первой постановке пьесы самого Бенито Муссолини!

— Так и быть, помогу!

Нетра

Гарри имел большой опыт по созданию спонсорских фондов для разнообразных художественных проектов. Сколько выставок было им открыто, сколько спектаклей поставлено! Его успеху способствовали многие факторы: тонкое понимание искусства, умение очаровывать, его красота и богатство, являющееся гарантией его честности. И на этот раз он умело организовал финансовую поддержку спектакля по пьесе итальянского диктатора. Состав спонсоров был пестрым — одних как раз привлек образ автора, других — участие Архива Ницше, третьих — национальное тщеславие, желание быть первыми в создании спектакля по пьесе человека, имя которого было у всех на слуху.

Оказалось, что непросто было найти режиссера. Конечно, Гарри не мог согласиться на посредственного постановщика, но все истинные мастера театра были ненавистниками фашизма. И наверняка недоброжелателями итальянского дуче. И все же графу Гарри удалось привлечь известного режиссера с именем к постановке спектакля по пьесе Муссолини «Наполеон», но тот согласился только при условии, что его имя останется неизвестным публике.

Сговориться с веймарским театром, на сцене которого должна была идти пьеса Муссолини, тоже было непросто. Эту задачу взяла на себя Элизабет и блестяще выполнила — что подтверждает: за последние годы она стала одним из столпов города. И даже, возможно, интернациональной звездой. Ведь недаром к ней зачастил посол Италии, господин Орсини. Недавно она пригласила Гарри на обед, который давала в честь посла. Глядя на своего почетного гостя снизу вверх — с возрастом Элизабет стала совсем крошечной, — она произнесла речь, в которой сравнила Муссолини с Бисмарком.

Из дневника графа Гарри

31 декабря 1931 года

Печальный новогодний вечер. Последний вечер одного катастрофического года и начало другого. Возможно, еще более катастрофического. После ужина я лег спать в состоянии отчаянной депрессии.

1932 год

И вот, через два года после того, как я согласился помочь Элизабет с постановкой пьесы дуче, в газетах появились объявления о спектакле. Я отправился в Веймар вечерним поездом. Все вагоны были заполнены молодчиками «Стального шлема» — они ехали в Кобленц на какой-то праздник. Их серая униформа мало отличается от униформы рейхсвера. Всю дорогу они распевали «Вахту на Рейне», «Дойчланд, Дойчланд, юбер аллес» и другие патриотические песни. В Веймаре они высыпали на платформу, оттесняя других пассажиров, в полурасстегнутых мундирах, пьяные, шумные, не знающие дисциплины. Один взвод регулярной армии способен справиться с таким сбродом.

Лу

Лу очень любила свой дом в геттингенском пригороде, но все же иногда на нее наваливалась необъяснимая тоска, которая заставляла ее вызывать такси и мчаться в город.

Там она, сливаясь с толпой, без особой цели бродила по магазинам, забежала на пару сеансов в кинотеатр и заканчивала свой выезд в свет посещением любимого итальянского кафе. На этот раз, в ожидании заказанных ею ньекки с горгонзоллой, она лениво перебирала газетные листки, оставленные кем-то на соседнем стуле. И неожиданно увидела набранное крупным шрифтом объявление о спектакле по новой пьесе Бенито Муссолини «Наполеон».

Оказывается, Бенито пишет пьесы! А как понять утверждение, что пьеса новая? Неужто он среди своих государственных дел находит время для сочинительства? Лу стала внимательно изучать объявление, изрядная часть которого под крупным шрифтом была заполнена текстом, набранным более мелкими буквами. Она с интересом прочла, что это первая постановка пьесы дуче на немецком языке, и будто есть большая надежда на то, что знаменитый автор может лично приехать в Веймар на премьеру.

Лу слегка кольнуло, что главную заслугу в постановке пьесы Муссолини в элитарном веймарском театре газета приписывает неизменной паре недругов Лу — графу Гарри Кесслеру и директору Архива Ницше, Элизабет Фюрстер-Ницше. Интересно увидеть либерала Кесслера в роли продюсера пьесы главаря итальянских фашистов. Ради одного этого стоило бы съездить в Веймар. А может, и вправду съездить на премьеру и даже, если удастся, заглянуть в глаза Бенито? Интересно, помнит ли он ее? Вряд ли — он, по слухам, дам меняет по три в день. Но поехать все равно стоит.

По дороге домой она, еще сидя в такси, продумала все детали будущей поездки. Первым делом завтра с утра надо будет заказать три билета на спектакль — себе, Маришке и ее парню Юнгеру. Главное — заполучить билеты, а в согласии Маришки Лу не сомневалась. Только бы не опоздать — на такую приманку, как имя дуче, должны слететься все немецкие снобы. Наверняка не только его поклонники, но и ненавистники тоже, даже скорей — именно ненавистники, чтобы увидеть собственными глазами и законно обругать. Нужно спешить, хоть время еще есть, до премьеры остается почти месяц.

Нейра

Элитарный веймарский театр не похож на другие театры — он предназначался не для простой публики, а для избранной и был возведен одним из эрцгерцогов для себя лично и для своих верных вассалов. Галерка для студентов и второй партер для среднего класса отсутствовали. Все обито алым бархатом, а кресла спускаются вниз к сцене элегантным амфитеатром, создавая в центральном проходе пологую лестницу из широких ступеней. Для эрцгерцога и его свиты над сценой расположены комфортабельные ложи с глубокими креслами и столиками для закусок.

Лу

Муссолини на премьеру не приехал. Но Лу не пожалела, что затеяла поездку в Веймар. Во-первых, она провела несколько приятных часов в обществе Маришки и Юргена, а ведь после смерти Райнера Маришка стала последней любовью Лу. Во-вторых, пьеса Бенито оказалась не такой уж плохой, вернее, даже просто хорошей, и Лу было приятно вспомнить их несостоявшееся приключение на озере. В ее памяти хранится немало воспоминаний о блестящих поклонниках, но поклонник и одновременно диктатор там только один — правда, если не считать Старика, который тоже оказался диктатором, хотя и не поклонником.

Но главное, — даже не в-третьих, а в первом из первых, — она стала свидетелем невероятного исторического спектакля, сплавившего воедино ее незабвенного Фридриха с самым страшным монстром современности. Немного обидно, что это действие было срежиссировано не ею, законным соавтором великих идей Фридриха, а наглой самозванкой, даже не понимающей, каким аппаратом мышления она оперирует. Ей это удалось при помощи сильного союзника, отвратительного извращенца графа Гарри Кесслера, отлично все понимающего, но с ходу невзлюбившего Лу. Он сделал свой выбор и предпочел Элизабет. Возможно, если бы он любил девочек, а не мальчиков, все сложилось бы иначе.

Но это свершилось уже много лет назад, и Лу сегодня даже не слишком огорчалась, хотя было немного унизительно сидеть в восьмом ряду, среди простых смертных, тогда как самозванка Элизабет горделиво восседала в бывшей эрцгерцогской ложе среди сильных мира сего. Странно, графа Кесслера Лу рядом с ней не заметила — неужто его усадили где-то в партере? Нет, он, скорее, не хочет слишком громко афишировать свою роль в создании этого сомнительного спектакля.

Заиграла музыка — что-то хорошее, уж не Рихард ли Штраус? Имя композитора нигде не написано — небось, тоже не хочет привлекать к себе внимание. Когда мелодия стихла, зашуршал занавес, и представление началось. Оно не очень захватило Лу, скорее, по причине внутренних неурядиц, потому что Маришку и Юргена спектакль просто потряс. Режиссура предусмотрела слияние действия в один длинный акт: возможно, опасаясь отсутствия главной приманки в виде итальянского дуче, организаторы не хотели, чтобы изрядная часть публики ушла во время антракта. Спланировано было правильно — злодеи добились своего, они коварно убили великого французского императора, и представление было окончено при полном зале.

Зазвучали дружные аплодисменты. И под их четкий ритм откуда-то сверху, из последних рядов амфитеатра, вниз к сцене по пологим ступеням сбежал молодежавый человек в коричневой кожаной куртке с букетом алых роз в руках. Его верхнюю губу украшали маленькие усики, а блеск куртки соперничал с блеском ярко начищенных сапог. Он поднес букет Элизабет, и зал ахнул — все узнали лидера набирающей силу национал-социалистической партии Адольфа Гитлера.

— Благодарю вас за вашу роль в постановке пьесы моего друга Бенито Муссолини, — произнес он внятно.

Потрясенная Элизабет вскочила на ноги, прижимая к сердцу букет, который был ненамного меньше ее крошечного тельца. И Лу подивилась ее жизненной силе — ведь ей далеко за восемьдесят, а она сумела организовать постанов-

ку этого очень неплохого спектакля. Неудивительно, что она выиграла у Лу партию за наследство Фридриха Ницше. «А сейчас постарается еще выиграть партию за симпатии нацистской партии. И если судить по языку жестов, то обязательно выиграет», — подумала Лу, наблюдая, как Гитлер любезно подает руку хрупкой фрау Ницше, чтобы помочь ей спуститься в зал по ступенькам ложи.

Как Лу ни всматривалась в лица публики, в поле ее зрения так и не попало лицо графа Кесслера, хотя его роль в постановке пьесы друга Гитлера была широко известна. Где же он? От кого спрятался?

Элизабет

Элизабет шла вслед за Адольфом, высоко подняв голову и не глядя под ноги, хотя страшно боялась оступиться. Она уже была не так молода, как когда-то в Парагвае, где могла часами шагать по опасным тропкам среди болот. Теперь, далеко за восемьдесят, она сама удивлялась, как ей удастся идти в ногу с молодым народным вождем — но ее мощная интуиция подсказывала, что в ее жизни должен случиться новый счастливый поворот, такой, какой произошел, когда много лет назад ей пришло письмо от графа Кесслера. Только сейчас она сообразила, что в конце спектакля не видела Гарри — он даже не подошел к ней после бурных оваций. И вдруг ясно поняла, что эпоха графа Гарри Кесслера кончилась и начинается новая — эпоха Адольфа Гитлера.

— Раз вы уже в Веймаре, господин Гитлер, не хотите ли посетить Архив Ницше? — спросила она у его блестящей коричневой спины.

Спина ответила, не оборачиваясь:

— Для вас — просто Адольф.

— Герр Адольф, не хотите ли вы посетить Архив Ницше?

Хозяин спины, не опасаясь оступиться, обернулся через плечо:

— С удовольствием, фрау Ницше.

Они, как нож сквозь масло, прошли сквозь потрясенную толпу в вестибюле — впереди она с герром Адольфом, за ними — два широкоплечих молодца в коричневых рубашках. Один из них нес ее огромный букет роз: Элизабет было не под силу поднять такой розовый куст. Кто-то набросил ей на плечи пальто — она не заметила кто, как не заметила бы, что на улице было еще по-зимнему холодно, если бы вышла из театра без пальто. В дверях их встретил еще один молодец в коричневой рубашке. Он щелкнул каблуками начищенных сапог и выбросил вперед руку в салюте:

— Машина подана, господин Гитлер.

У входа был припаркован блестящий, как начищенный сапог, черный «мерседес», который за несколько минут домчал их до Архива. В окнах было темно.

— Но Архив уже закрыт! — огорчился герр Адольф, — а завтра утром мы должны быть в Берлине.

— Ничего, мы его сейчас откроем, — утешила его Элизабет. Один из спутников герра Адольфа снял ее с сиденья, как ребенка, и поставил на тротуар. Она почти побежала к Архиву и настойчиво нажала кнопку звонка. Из двери одноэтажной пристройки поспешно вышел высокий седой человек в махровом халате.

— Что-то случилось, фрау Элизабет?

— Быстренько открывай двери, Штефан, и включай все огни! У нас важный гость!

Штефан всмотрелся в гостя, тихо ахнул и помчался отпирать двери и зажигать свет. Гитлер со своей свитой начал почтительно оглядывать экспонаты Архива. Обилие рукописных документов в витражах, на стеллажах, на полках и на стенах восхитило гостя:

— Это все — подлинные письма Фридриха Ницше? И подлинные рукописи его великих книг?

Элизабет забыла об усталости — она рассказала Гитлеру, как отсудила письма брата у всех его корреспондентов, как по листку собрала его записи и наброски, как дни и ночи напролет подбирала по строчке разрозненные афоризмы в единое целое. Гость сразу оценил силу ее воли, рвение и пре-

данность светлomu имени брата. Едва переведа дух, вдохновенная его одобрением, Элизабет неожиданно для себя выпалила:

— Не откажетесь ли вы посетить со своими спутниками наш буфет и выпить по чашечке кофе?

Сгоряча предложила и сама испугалась своей дерзости. Но герр Адольф охотно согласился — похоже, он действительно высоко ценил идеи Фридриха. Все вместе они двинулись к кафе, и только тогда Элизабет заметила, что Штефан, как был в халате, ходил за ними по Архиву, будто впервые был здесь — он хотел увидеть все глазами высокого гостя. Она тут же воспользовалась его восторгом и, несмотря на поздний час, попросила приготовить хороший кофе, такой, как только он умеет. Польщенный Штефан тут же взялся за дело, а гости не спеша расселись — Элизабет с герром Адольфом за круглым столиком у окна, а трое в коричневых рубашках почтительно поодаль за длинным столом у двери.

Штефан поставил перед каждым по чашечке кофе и тарелочке с яблочным штруделем.

— Какой замечательный кофе! — воскликнули гости хором. Штефан смиренно поклонился и ушел, напомнив Элизабет, чтобы она не забыла погасить свет в музее. Гитлер засмеялся и разговорился:

— Вы знаете, где я впервые познакомился с творчеством вашего брата? В окопах, да-да, в окопах войны. Главный ужас сидения там — не страх, не голод и даже не пули и снаряды, а ужасающая бесконечная скука. И вдруг среди этой безнадежности у меня в ранце появляется тоненькая книжечка Фридриха Ницше «Так сказал Заратустра».

Граф Тарри

— Представляешь, он, оказывается, прочел в окопах ту самую книжечку, которую купило у меня военное министерство по наводке твоего друга Вальтера Ратенау. Твоего

еврея Ратенау. Это потрясло меня, но я, конечно, Гитлеру об этом не сказала.

Этими словами Элизабет встретила Гарри, когда тот наутро после спектакля зашел ее проведать. Но граф не улыбнулся в ответ на ее колкость, он не был настроен дружески.

— Ну да, ты вся таяла от восторга, что главный злодей Германии почтил тебя своим вниманием!

Элизабет неловко дернула плечом — она ожидала недоброжелательства своего старинного друга и благодетеля, предвидя при этом, что вынуждена будет его предать. Но возможность приобрести нового, более могущественного благодетеля, пускай не друга, но почитателя, всерьез увлекала ее, тем более что, похоже, эпоха графа Кесслера себя исчерпала.

— Не могла же я отвергнуть его внимание, правда?

— И ты разогналась открыть Архив среди ночи и устроить для знатного гостя полночную пирушку?

— Значит, тебе уже донесли? Кто, интересно, поспешил с доносом?

Она ни на секунду не заподозрила Штефана, — слишком велик был его восторг при виде вождя нацистов со свитой.

— При чем тут донос? — не понял Гарри. — Я сам проследил за твоими действиями. Ты включила столько ламп, что все происходящее можно было прекрасно разглядеть через окна.

— Так ты за мной подглядывал? — притворно возмутилась Элизабет.

— Подглядывал? — засмеялся Гарри. — Зачем? Ты так осветила всю улицу, что только слепой бы ничего не увидел!

Она не успела ответить — ко входу в Архив подкатил мотоцикл. Водитель соскочил с седла и бегом направился к двери, держа в руке большой белый пакет. Через секунду в кабинет вбежал взволнованный Штефан:

— Он говорит, что может вручить послание только лично фрау Ницше!

Мотоциклист бесцеремонно оттеснил его, одним рывком оказался у кресла Элизабет и протянул ей пакет:

— Телеграмма! Лично вам из Италии! Мне велено распечатать у вас на глазах!

И, выхватив из кармана разрезной нож, он ловко вскрыл пакет и извлек из него букет фиалок и элегантный конверт.

— Эти фиалки присланы телеграфом из Италии? — усомнился граф.

— Нет, фиалки было велено купить в местном цветочном магазине! — откровенно признался посыльный, вручая Элизабет букет и телеграмму. Зажав цветы в одной руке, она растерянно попыталась вскрыть конверт другой, но не смогла. Граф Гарри бесцеремонно вынул конверт из ее беспомощной ладони и распечатал — из конверта на стол выпал лист глянцевой бумаги и чек.

— Посмотрим, что нам пишут из Италии, — сказал Гарри, разворачивая телеграмму. — Прочешь вслух или сама прочтешь?

— Читай вслух, — вздохнула она, — все равно, от тебя ничего не скроешь!

Гарри откашлялся и прочел торжественным голосом:

«Дорогая, глубокоуважаемая фрау Фюрстер-Ницше! У меня не хватает слов, чтобы выразить свою благодарность за то, что вы поставили мою пьесу «Наполеон» на немецком языке в замечательном театре культурной столицы Германии. Мой друг Адольф Гитлер сообщил мне, в каком он восторге от спектакля, от вас и от Архива имени вашего брата, великого философа Фридриха Ницше.

В знак благодарности прилагаю чек на двадцать тысяч лир на имя Архива Ницше.

*Ваш преданный почитатель
Бенито Муссолини».*

Наблюдая, как на щеках Элизабет вспыхнул счастливый румянец, граф не выдержал:

— Поздравляю с очередным преданным почитателем! — съязвил граф. — Кто еще стоит там в списке бандитов?

— Только не притворяйся, дорогой Гарри, что ты не имеешь отношения к этому спектаклю! Кто перевел пьесу? Кто уговорил режиссера и композитора? Кто нашел художника сцены? Ведь не я же!

— Я старался ради искусства, а не для угождения кровавым тиранам!

— Но что делать, если кровавые тираны ценят искусство и не лишены чувства благодарности?

Пытаясь скрыть огорчение, Гарри начал нервно шагать по залу, вглядываясь в экспозицию, — ему все время казалось, что чего-то недостает. И вдруг он увидел: изящный стеклянный ящик, содержащий самый ценный экспонат, личную трость Фридриха Ницше, был пуст.

— Трость Фридриха украли! Уж не твои ли это ночные визитеры? — воскликнул он. — Нужно срочно сообщить в полицию!

Элизабет втянула голову в плечи и прошептала:

— Ее не украли. Я подарила ее одному человеку...

— Ты подарила одному человеку главную материальную ценность Архива? Я, кажется, догадываюсь, кто этот человек, да?

— Да, Гарри, да! Он сказал, что это будет его путеводный посох, указывающий ему дорогу в истории.

Гарри схватился за голову:

— Ты связала светлое имя своего брата с самой грязной колесницей в истории Европы!

— Не сердись, Гарри, не сердись! Может быть, ты не прав и колесница герра Адольфа проложит самый светлый путь для нашей страны!

Граф Гарри услышал трепет слез в голосе Элизабет и понял, что спасения нет — она готова вручить славное имя брата в чужие руки, в руки людей, с которыми у Гарри нет и не может быть ничего общего. Значит, пришла пора разлуки — сорок лет они дружно шагали плечом к плечу на защиту Архива, а теперь жестокий ветер современности стремительно отдаляет их друг от друга. Что же, всему приходит конец!

Элизабет тоже почувствовала приближение конца и прошептала сквозь слезы:

— Не покидай меня, Гарри, не покидай! Какая разница, кто поддерживает мой Архив? Наша многолетняя дружба важней!

Гарри испугался, что она зарыдает, а он терпеть не мог драматических сцен. И чтобы не допустить развития драмы разлуки, ловко перевел разговор на другие рельсы. Он спросил Элизбет, каким человеком ей показался Адольф Гитлер после проведенного с ним вечера. Она задумалась и осторожно сказала, что он не политик — он больше похож на лидера религиозного, чем политического.

— Что ж, Лиззи, у тебя всегда была замечательная интуиция. Может быть, ты и права.

Очень скоро он убедился, что ошеломительный успех Гитлера нельзя объяснить его политическим искусством, его влияние на людей скорее выглядело гипнотическим, порождающим именно религиозный экстаз.

Нейтра

Сегодня уже можно с уверенностью утверждать, что Гитлер был лидером именно религиозного толка, а не политического. Иначе трудно объяснить стремительное увлечение миллионных масс идеями нацизма. После каждой его речи на многолюдных стадионах количество сторонников фашизма резко увеличивалось. Причем киносьемки выступлений Гитлера совершенно не объясняют того странного экстаза, который охватывал сотни тысяч его слушателей.

Но это было вначале, при его восхождении. Однако вскоре после первых успехов харизматического вождя не менее существенным стал фактор силы и жестокости.

Из дневника графа Гарри

Май 1932 года

Улицы Берлина заполнены тысячами молодчиков, приверженцев нацизма. Они, громко крича «Хайль!» и распевая любимые песни, маршируют к Рейхстагу. Геббельс произносит речь с грузовика, припаркованного на Вильгельмштрассе. В полицейских, которые пытаются заблокировать движение нацистских колонн, летит град камней. Стражи порядка в кон-

це концов пускают в ход дубинки. Кого-то уносят на носилках. Наш швейцар, убежденный нацист, кричит, что полиция за это еще заплатит.

Назавтра Гинденбург отказывается назначить Гитлера канцлером. В ответ на это был разогнан Рейхстаг.

Июнь 1932 года

Германия разваливается на части. На улицах Берлина царит истинный нацистский террор. Все достижения Бисмарка летят под откос из-за запрета частным лицам носить униформу. Это было бы смешно, если бы не было так трагично.

Июль 1932 года

Сегодня по стране больше двадцати убитых в уличных драках. Из них двенадцать только в Альтоне. Все началось с того, что сотни нацистов в униформах начали марш по улицам города и направились в бедные кварталы, где живут сторонники социалистов. Завязался уличный бой, стоивший двенадцать жизней.

На следующий день правительство объявило по радио полный запрет демонстраций по всей стране.

Июль 1932 года

Огромная демонстрация в Люстергартене — океан красных флагов с серпом и молотом, тысячи поднятых вверх кулаков, воздух сотрясается от нового мощного призыва «Свобода!» На удивление, много молодых людей — значит, не вся молодежь пошла в нацисты!

Вечер провел у друзей в Целлендорфе. Атмосфера заряжена нацизмом. Мне рассказали, что Мари фон Гинденбург, англичанка по происхождению, стала страстной нацисткой и выполняет административную работу для партии.

Август 1932 года

По всей стране — в Пруссии, Баварии, в Саксонии, — рвутся бомбы и совершаются страшные массовые убийства. Полиция утверждает, что все это дело рук нацистов.

Был в Веймаре и, несмотря на наш разрыв, не выдержал, посетил Архив Ницше — все-таки столько времени ему по-

священо, столько сил вложено. Элизабет рассказала, что всех сотрудников Архива заменили — теперь и директор, и вице-директор — члены нацистской партии, так же, как и остальные, от гида до уборщицы. Бедняга Штефан, испугавшись, что и его уволят, поспешно записался в нацистскую партию. Зато ее назначили управляющей и положили жалование — 300 марок в месяц.

— Наконец-то я не буду зависеть ни от жертвователей, ни от посетителей! — похвасталась она и рассказала, что вся семья Вагнеров вступила в нацистскую партию. Но не только они, а представители романтического направления в немецкой литературе, как и большинство последователей Гете, симпатизируют нацистскому движению.

Последнее достижение Элизабет состоит в том, что ее включили в список почетных граждан города Веймара. Я вспомнил, как нас наказывали в юности за чтение сочинений Ницше. А теперь люди, которые олицетворяют то, что Ницше больше всего ненавидел, воздают ему почести.

Сентябрь 1932 года

Пять убийц из нацистской партии приговорены к смертной казни. Вся партия встала на дыбы, Гитлер объявил, что добиться их помилования для него — вопрос чести. Он уверен, что стоит выше закона.

Вечером был на приеме в честь американского медного короля Гуггенхайма. Сидящая рядом со мной дама восхищалась истинным чувством братства, скрепляющего всех членов нацистской партии.

30 января 1933 года

Сегодня президент Германии Пауль Гинденбург назначил Адольфа Гитлера рейхсканцлером. Этот день можно считать днем прихода нацистов к власти.

Февраль 1933 года

Мне сообщили, что есть абсолютно достоверная информация о готовящемся нацистском путче, задуманном Гитлером и Ремом. Они собираются инсценировать покушение на Гитлера, которое должно привести к массовому восста-

нию всей его славной партии и которое не смог бы предотвратить даже сам Гитлер, потому что он сейчас чувствует себя как укротитель, запертый в клетке со львами.

Все случилось, как было предвидено, только жертвой покушения оказался не Гитлер, а здание Рейхстага, которое полыхало всю ночь и выгорело почти дотла. Предполагаемый виновник пожара двадцатилетний член голландской коммунистической партии Мартинус ван дер Любе был арестован прямо на месте преступления. Чтобы полиция не ошиблась и задержала его, он старательно размахивал карманным фонариком, пока они его не нашли. А уже арестованный, он сознался, что спрятал легко возгорающиеся материалы в тридцати точках Рейхстага и умудрился поджечь их все одновременно без посторонней помощи так, что никто этого не заметил.

Наутро министр внутренних дел Геринг приказал арестовать коммунистическую фракцию Рейхстага и запретил газеты коммунистов на четыре недели. По всей стране прошли аресты членов этой партии и даже некоторых социал-демократов.

В тот же вечер какой-то бледный испуганный юноша принес мне письмо от автора книги о революции в Германии «Императоры уходят, генералы остаются». Автор письма с ужасом рассказывает, что утром в его квартиру ворвалась группа штурмовиков. Искали именно его, но, толком не разобравшись, кто есть кто, они жестоко избили его соседа. Я бегло прочел письмо и поспешил к последнему поезду в Веймар, где мне предстояло срочно оформить аренду своего дома. Мне казалось, что в родном Веймаре я сумею хоть ненадолго укрыться от страшной реальности. Но на вокзале носильщик, мой старый знакомый, шепнул мне:

— Здесь все ужасно. Нацистская полиция везде, и люди затаились, боятся открыть рот.

Март 1933 года, Саарбрюккен

Нацисты получили большинство в Рейхстаге, впрочем, недостаточное для полной победы. Я предпочел не возвра-

щаться в Берлин и не оставаться в Веймаре, а уехать в Париж через Саарбрюккен. У меня даже нет с собой вещей и смены белья, но, к счастью, у меня в Париже есть деньги на счету. Главное, добраться до Парижа, нет, главное — пересечь германскую границу. Я сижу на скамье на скромном саарбрюккенском вокзальчике, втянув голову в плечи, — кто знает, может быть, уже по всем вокзалам дан приказ о моем аресте. Вот подходит мой поезд — я иду к вагону второго класса, стараясь ничем не обращать на себя внимания.

Через полчаса

До чего я дошел в своем желании слиться с толпой — я даже купил билет во второй класс, чего до сих пор никогда не делал. Здесь, конечно, неуютно, грязновато, темновато и пахнет голландским сыром, но все же лучше, чем в нацистской тюрьме.

Париж

Я приехал в Париж в надежде со временем вернуться в Берлин.

Но надежда оказалась напрасной: мне позвонил приятель из немецкого посольства во Франции и предупредил, что мне опасно возвращаться в Германию — какой-то тайный доброжелатель просмотрел черные списки СС и нашел в них мое имя. Я решил не рисковать и какое-то время пожить во Франции. О боже, сколько у меня в Берлине осталось неоконченных дел!

Нейтра

В Париже граф Гарри все чаще встречается с беглецами из Германии. Многие уже не могут пересечь границу, просто купив билет на поезд. Они выезжают обходными путями — сначала якобы в отель в Шварцвальде, но не задерживаясь там, отправляются на анонимно снятой машине в домик лесника поближе к французской границе, а оттуда идут пешком с проводником по тайным тропам во Фран-

цию. Некоторые клянутся, что никогда не вернуться в эту проклятую страну.

Гарри понимает, что нескоро окажется дома. Он решает не поддаваться печали, а заняться редактурой своих мемуаров и изданием книги о Вальтере Ратенау. Отчаяние Гарри усугубляется сообщением о том, что его давний слуга Отто был много лет тайным агентом нацистов — после бегства графа из Германии он привел полицейских в дом Кесснера, помог им вскрыть сейф и представил список всех его друзей. Я подозреваю, что речь идет не просто о друзьях, а о гомосексуальных связях Гарри, которые он никогда не афишировал, — оглашение имен его многолетних приятелей было равносильно для них смертному приговору. Предоставив нацистам возможность обыскать дом графа, Отто воспользовался беспорядком и скрылся, прихватив с собой кое-какие ценные вещи и картины.

Известие о предательстве Отто, которому он много лет полностью доверял, ошеломляет Гарри. Иногда ему кажется, что он спит и видит кошмарный сон, но очень быстро убеждается, что все происходящее и есть истинная реальность.

Из дневника графа Гарри

Май 1933 года

В день моего рождения моя сестра с мужем повели меня в театр на Елисейских Полях, где я встретил своего давнего приятеля, герцога Н., который законно приехал из Берлина поездом вместе с женой, урожденной Бисмарк. Он обрадовался, увидев меня, и предложил встретиться на следующий день в кафе на площади Опера.

Герцог очень хотел выговориться, ему не хватало слушателя, которому он мог бы довериться. Он утверждает, что нацистская революция куда более радикальна, чем большевистская, потому что это революция религиозная. Гитлер — не великий мыслитель и не политик, он религиозный фанатик. Он хочет отменить все виды христианства — и католичество, и протестанство — и вернуть тевтонскую веру наших гер-

манских предков времен Нибелунгов. Анализируя почерк Гитлера, герцог Н. вычислил, что тот подсознательно стремится к смерти и ищет пути к самоубийству. Секрет популярности Гитлера в том, что тип его личности очень подходит на роль лидера германцев, тоже массово склонных к бесцельной смерти и к самопожертвованию.

Открыв мне душу, герцог победно посмотрел на меня.

— Ну, как тебе мой анализ?

— Красиво, но неправдоподобно, — честно ответил я.

— Вот увидишь, если доживешь! — продолжал герцог. — Вся эта нацистская агрессия продлится примерно десять лет. Она сама себя съест. И в Германии опять воцарится власть евреев, которых Гитлер мечтает уничтожить. Евреи вернут себе власть, право на которую будет отобрано у германцев в наказание за то, что они натворят.

Нетра

Я прочла в дневнике графа Гарри пророчество герцога Н. и решила, что он был прав: все поведение последних лет Гитлера говорит о его подсознательном стремлении к смерти.

Из дневника графа Гарри

Париж

Мне рассказали о некоторых чертах характера Адольфа Гитлера, которые бросают тень на образ великого фюрера немецкого народа. Когда ему предложили на выбор несколько спален в президентском дворце, он выбрал для себя ту, которая принадлежала Бисмарку, как более соответствующую его статусу. Кроме того, он занял еще одиннадцать спален — одну для личного секретаря Брюкнера и десять для своих охранников. Ему нужна многочисленная охрана, потому что он панически боится покушений, но телохранителей тоже боится, и поэтому выходит из спальни только в сопровождении Брюкнера. Если тот на несколько минут отлучается, фюрер громко его бранит и обвиняет в измене.

Еще год назад Пилсудский заявил премьер-министру Франции Даладье, что его армия готова немедленно выступить в поход против нацизма об руку с французской, но Даладье трусливо отклонил это предложение.

Через год, Париж

В Мюнхене произошло ужасное событие — «ночь длинных ножей», во время которой соратники Гитлера вырезали всю верхушку своих недавних союзников — штурмовиков.

Это случилось, когда двум вождям — политическому, Адольфу Гитлеру, и силовому, командиру штурмовиков Эрнсту Рему, стало тесно в одной берлоге.

Рем представлял уже опасность для рейхсканцлера, и от штурмовиков нужно было срочно избавиться — их было слишком много. К 1934 году их численность приближалась к трем миллионам, хотя рейхсвер, по условиям Версальского мирного договора, не мог иметь больше 100 тысяч кадровых военных.

Гитлер нанес удар в ночь с субботы на воскресенье, 1 июля. Отряды СС ворвались в гостиницу, где собрались лидеры штурмовиков. Рема и его свиту в буквальном смысле выдернули из постелей и арестовали. Застигнутый врасплох Рем, всегда называвший себя солдатом, а не политиком, даже не оказал сопротивления. Ему предъявили обвинения в организации заговора. Часть штурмовиков была расстреляна без суда.

В опубликованной в Париже «Белой книге» приводятся данные о жертвах «ночи длинных ножей». Их было странно неровное число — 401. Гитлер использовал представившуюся возможность, чтобы расправиться со всеми, кого не любил и кто перешел ему дорогу в прошлом.

По Парижу бродят разнообразные слухи, более или менее достоверные. Некоторые утверждают, что на «ночь длинных ножей» и убийство Рема Гитлера подбил Геринг, а Геббельс, узнав о готовящейся бойне из подслушанных телефонных разговоров, испугался за себя и примкнул к отряду убийц одним из первых среди командиров.

1935, Париж

Вчера я провел вечер в огромном зале Трокадеро, где давали русский балет — отрывки из «Сильфид» и «Пляски» из оперы «Князь Игорь». Хоть театр Трокадеро очень народный, то есть дешевый, на спектакле присутствовал весь цвет русской аристократии — в том числе великий князь Андрей с женой, балериной Кшесинской, бывшей любовницей царя Николая Второго. Любопытно, что в ее дворце в Петербурге, когда-то подаренном ей царем, размещался во время революции штаб Ленина.

Сегодня русские аристократы мало чем отличаются от французской мелкой буржуазии. Граф Лорис-Меликов, внук императорского канцлера, работает таксистом и с трудом зарабатывает двадцать франков в день. Вся эта декорация — и русский балет, и русская аристократия — выглядит каким-то абсурдом, карикатурой на потерянный мир.

Мне часто нездоровится, душит вечная парижская нехватка кислорода. Мечтаю уехать на Майорку, но никак не могу получить визу. Друзья уговаривают меня отказаться от желания жить в Пальме на Майорке — где, говорят, уже давно правит полиция генерала Франко. Но меня угнетает мысль о сокровище, запертом там в банковском сейфе.

Базель

Я решил съездить в Швейцарию, посмотреть, как там обошлись с моими «майолями», которых тамошний музей по дешевке купил на аукционе в Веймаре, когда распродавались художественные ценности из моего дома. Я отправился в Кунсткамеру, куда их поместили. Мои любимые скульптуры стоят красивой группой в достойном окружении и выглядят так благополучно, словно ничего трагического в их судьбе не произошло. Завидев меня, они не улыбнулись и не шагнули мне навстречу. Мне стало невыносимо больно.

Не обращая внимания на прекрасную экспозицию Кунсткамеры, я недолго постоял перед моими бывшими «майолями» и вышел из музея, глотая слезы. Чтобы успокоить вне-

запное сердцебиение, я медленно побрел по базельской улице, не замечая ее красоты. И вдруг перед моим, затуманенным слезами взором возникла картина, заставившая меня забыть о горестных воспоминаниях.

За поворотом улицы притаилось небольшое озеро, на бирюзовой глади которого застыли два черных лебедя. Они были неподвижны, чуть склонив свои грациозные длинные шеи, словно давая мне возможность разглядеть их маленькие грустные головки. И я почувствовал, что судьба привела меня к этим лебедям неслучайно — я воочию увидел реальное воплощение моей печали.

Лу

Хотя уже началась весна, было еще довольно холодно. Лу сбросила с плеч шерстяное одеяло и встала на ноги — ей надоело целыми днями лежать в шезлонге на террасе. Уже прошло больше месяца, как она вернулась из больницы, так что пора менять этот нудный режим. Сердце ей подлечили неплохо, а от сонной неподвижности можно опять заболеть. Конечно, было бы приятно, если бы кто-нибудь из старых друзей приехал ее проведать, но они куда-то исчезли, один за другим. От скуки Лу даже недавно позвонила Савелию, своему давнему поклоннику, врачу из Парижа, и пригласила его приехать к ней на пару дней — ведь запреты Карла ушли в прошлое вместе с Карлом и теперь он может ночевать в ее доме, сколько захочет. Савелий в ответ молчал так долго, что Лу подумала, уж не разъединили ли их. Но он все же в конце концов заговорил:

— Мне очень жаль, дорогая, я бы очень хотел к тебе приехать. Но ты же понимаешь, что это невозможно?

— Почему невозможно? Карла уже нет...

— Карла нет, но есть Адольф.

— Какой Адольф? Ты имеешь в виду нашего...

— Да-да, именно вашего!

— А тебе какая разница?

К ее удивлению, Савелий рассердился:

— Только не притворяйся! Или ты забыла, что я еврей?
— Ну и что, что еврей?
— Лу, в каком мире ты живешь? В мире своей фантазии? —
и резко повесил трубку.

Лу попыталась выйти из мира своей фантазии — она огляделась вокруг и увидела, что кроме Савелия у нее есть еще Зигмунд Фрейд, но он тоже еврей. Значит, у нее осталась только Маришка.

— Маришка! — крикнула она, хватаясь за последнюю соломинку. — Давай съездим в город, проветримся!

Маришка выбежала на террасу, на ходу снимая фартук.

— Но вам нельзя в город, мами Лу. Врачи прописали покой и медленные прогулки.

— А мы будем по городу прогуливаться медленно-медленно, — пообещала Лу. И с мольбой взглянула на Маришку.

Той не хотелось быть цербером — она хорошо понимала, как скучно мами Лу часами лежать, словно под домашним арестом, на террасе.

— Хорошо! Но давай договоримся — не больше, чем на два часа, считая от отъезда до приезда, — согласилась Маришка и побежала вызывать такси. Ей тоже надоело длительное заключение в пустынном доме.

Они доехали на такси до собора и медленно пошли по главной улице, направляясь к центральной площади.

— Тебе не кажется, что пахнет дымом? — спросила Лу, втягивая ноздрями воздух. — Где-то недалеко пожар, что ли?

Что ответила Маришка, она не расслышала — совсем рядом грянуло громкое хоровое пение и загрохотал топот множества сапог. Запах дыма стал сильнее. Из-за угла на мостовую выползла колонна молодых парней в коричневых рубашках с дымящимися факелами в руках, они пели знаменитую песню «Хорст Вессель». Хотя парни шагали по мостовой, Лу и Маришка невольно прижались к стене дома, словно боясь, что их раздавят. Колонна была длинная, но не бесконечная, вслед за ней по мостовой ползли открытые грузовики — все они двигались к центральной площади.

Когда Лу с Маришкой добрались туда, коричневые рубашки уже выстроились кольцом по всей ее окружности, на тротуарах собрались любопытные. В просветы между коричневыми рядами задним ходом въехали грузовики — оказалось, что это самосвалы. Открыв борт, шофер каждой машины выбрасывал из кузова груды каких-то разноцветных брикетов — Лу никак не могла сообразить, что они ей напоминают.

— Книги! — ахнула Маришка. — Это книги! Смотрите, мамы Лу, книги горят!

Только сейчас они заметили, что книги из грузовиков падают не на булыжники, а на охапки горящей соломы. Зычный голос рывкнул отрывистую команду. В ответ из каждой группы коричневых рубашек выскочила одна, с бутылкой в руке, и плеснула что-то на книги, отчего пламя взметнулось высоко вверх. Запах керосина перекрыл запах дыма.

— Они сжигают книги! Бежим отсюда! — простонала Лу и быстрым шагом метнулась в первую же улицу, уводящую от площади. Маришка поспешила за ней:

— Вы же обещали ходить медленно!

Сердце Лу сжалось, и она тихо опустилась на каменную балюстраду, огораживающую уютный треугольный скверик. Пока Маришка бегала в поисках такси, Лу постепенно пришла в себя. Всю дорогу домой она молчала, пытаясь вдохнуть воздух в стесненную грудь.

Среди ночи пришло решение: что бы они ни делали, что бы ни уничтожали, что бы ни сжигали, она никогда ничего о них не напишет и таким образом вычеркнет их из числа живых. Будто бы их никогда не было. А если она о них не напишет, их никогда и не будет.

Элизабет

Элизабет приехала на аукцион с небольшим опозданием, когда продажа дома графа Кесслера уже началась. Она не собиралась покупать дом Гарри, о котором у нее оста-

лось столько теплых воспоминаний. Элизабет приехала, чтобы окончательно попрощаться со своим многолетним другом — этот дом даже после отъезда его хозяина казался ей одушевленным. Очень часто, проезжая мимо, она останавливала такси и выходила, чтобы хоть на миг коснуться знакомых стен — ей казалось, что она передает привет графу Гарри.

Торг шел не слишком ожесточенно, так что дом был куплен довольно быстро и не очень дорого. Не дожидаясь начала следующих торгов, Элизабет вышла из аукционного зала и отправилась пешком к бывшему дому графа. На первый взгляд ничего не изменилось — он выглядел так же, как и до смены хозяина, но Элизабет почувствовала, что прошлое ушло безвозвратно.

Из дневника графа Гарри

Париж

Все. Мой любимый дом в Веймаре продан с аукциона, так что моя прошлая жизнь закончилась навсегда.

Это очевидно и по другим признакам. Поток беглецов из Германии становится все более мощным. На днях я встретил одного бывшего профессора, и он рассказал мне, что стал свидетелем гитлеровского парада в Нюрнберге. Вереница открытых автомобилей медленно ползла по главной улице, в первом стоял фюрер, подняв руку в нацистском салюте. Озверелая женская толпа облепила его машину — море женских голов, рвущихся к заветному автомобилю, было безбрежным, задние напирали на передних, более слабых выталкивали, чтобы занять их место.

И я вспомнил проницательное наблюдение Элизабет, что Гитлер не политический вождь, а религиозный. Но это наблюдение ее не остановило от поклонения ему. А возможно, именно оно ее вдохновило. Ведь покойный Фюрстер тоже был религиозным вождем, просто не таким удачливым, как фюрер.

Париж

Недавно я, сидя в кафе, разговорился со швейцарцем, который во время войны сдавал комнаты в своем женевском доме Троцкому и Ленину, скрывавшемуся под фамилией Ульянов. Где-то в начале 1917 года они оба неожиданно съехали, оставив на полу гостиной гору книг. Любопытный хозяин просмотрел брошенные книги. Его особенно заинтересовали те, что принадлежали Ульянову, — почти все они были на немецком и с карандашными пометками на полях тоже на немецком языке. Из них следовало, что будущий российский диктатор не одобряет Фридриха Ницше за его презрительное отношение к человечеству. Владимир Ульянов воображал, что он человечество уважает и даже любит.

Элизабет

Элизабет оглядела себя в зеркале и решила надеть другое платье, менее строгое. Сегодня в Мюнхене должен состояться большой праздник, на который она приглашена в качестве почетной гостьи и который посвящен драматическому событию, происшедшему десять лет назад, — знаменитому «Пивному путчу», главным героем которого был ее новый друг и благодетель Адольф Гитлер.

Нейра

На моем письменном столе копия газеты «Франкфуртер Альгемайне» 1953 года раскрыта на странице «Этот день в истории». Добыть ее было непросто.

«Тридцать лет назад 8 ноября 1923 года в Мюнхене в пивном зале «Пивной погреб» Адольф Гитлер провозгласил начало «народной революции», которая вошла в историю как «Пивной путч». Его целью был захват власти в Баварии с последующим «маршем на Берлин» и свержением германского правительства.

В 1923 году Германия находилась в бедственном экономическом положении. Именно в этом году недовольные настоя-

щим состоянием страны национал-социалисты объединили свои усилия с властями Баварии. Целью такого союза было свержение режима, который установили социал-демократы по всей Германии. В то время Гитлер был увлечен событиями в Италии 1922 года, когда фашистам во главе с Муссолини удалось фактически захватить власть в стране в результате «марша на Рим».

Этот пример вдохновил Гитлера к попытке государственного переворота, вошедшего в мировую историю как «Пивной путч». Именно с этого момента национал-социалистическая партия, возглавляемая Адольфом Гитлером, начала свой путь к политическому главенству в Германии.

Вечером 8 ноября 1923 года в Мюнхене в пивном зале «Пивной погреб» собралось около трех тысяч человек, для того чтобы послушать речь мэра Мюнхена. Вместе с ним в зале находились и другие представители власти: командующий баварскими вооруженными силами и комиссар полиции Баварии. Во время речей представителей местного правительства шестьсот штурмовиков из национал-социалистической партии незаметно окружили здание. На улице были расставлены пулеметы, наведенные на входы и выходы из пивного зала. У парадного входа стоял сам Адольф Гитлер с кружкой пива в поднятой руке. Примерно в девять часов вечера будущий фюрер разбил кружку об пол и во главе отряда вооруженных соратников побежал между столиками в центр помещения. Там он вскочил на один из столиков, выстрелил из пистолета в потолок и громко провозгласил:

— Национальная революция началась!

Угрожая мэру пистолетом, Гитлер добился от членов правительства обещания, что на следующий день армия Баварии направится в Берлин для низложения правительства. После этого Гитлер сообщил присутствующим жителям Мюнхена о том, что правительство Баварии с данного момента считается низложенным, казармы вооруженных сил и полиции захвачены, а солдаты рейхсвера и полиции уже маршируют на Берлин под знаменами со свастикой.

На следующий день, 9 ноября 1923 года, отряд, состоящий примерно из шести сотен нацистов, под знаменами со

свастикой направился маршем в центр Мюнхена с намерением захватить штаб-квартиру рейхсвера. Что, при участии героя войны генерала Людендорфа, должно было по плану Гитлера перетянуть на его сторону местный гарнизон и полицию. Однако руководители Баварии, оказавшись на свободе, отказались от обещаний, данных «под дулом пистолета», — на пути штурмовиков был выставлен полицейский кордон. Уговорить полицейских сложить оружие не удалось — началась стрельба. В результате стычки 16 нацистов и трое полицейских погибли. Среди раненых оказались Гитлер и Геринг.

Вскоре Гитлер, как и другие участники путча, предстал перед судом и получил минимальный срок — 5 лет. Фактически он находился в тюрьме всего восемь месяцев, за которые успел начать свой литературный опус «Майн Кампф». «Пивной путч», несмотря на его провал, прославил будущего фюрера. О нем написали все немецкие газеты, его портреты поместили еженедельники, и уже в 1933 году Гитлер пришел к власти «демократическим» путем — его партия получила большинство голосов на выборах в Рейхстаг, что дало ему право по конституции стать канцлером, то есть главой правительства Германии».

Элизабет

Она сменила платье и положила в сумочку губную помаду — ей казалось, что ярко покрашенные губы немного скрадывают ее возраст. Но чего-то все же недоставало. Ну конечно! В такой торжественный день нужно придумать какой-то значимый подарок для герра Адольфа! Что бы это могло быть? Придумала! Нужно подарить ему подлинное письмо Фрицци! Хорошо бы выбрать такое, которое подчеркивает роль Элизабет в жизни ее великого брата. Она прошла по выставочному залу, в который раз просматривая знакомые письма, заключенные в застекленные рамки.

И нашла одно, весьма для нее лестное, но оно, к сожалению, висело довольно высоко на стене. Народу в Архиве бы-

ло мало, все какие-то старушки в шляпках. Можно было дойти до входной двери и позвать Штефана, но время уже поджимало — герр Адольф обещал послать за ней машину к поезду, уходящему из Веймара через час. И она решилась — пододвинула стул к стене, на которой находилось письмо, и, держась за спинку, попыталась взобраться на стул. Но пальцы Элизабет соскользнули с его хорошо отполированной спинки, левая нога подвернулась, и она упала на правое колено. В колене что-то хрустнуло, и Элизабет потеряла сознание.

Она пришла в себя, когда Штефан, вероятно вызванный одной из старушек в шляпке, укладывал ее на диван в директорском кабинете. Старушка стояла рядом и совала ей под нос ватку, пропитанную чем-то вонючим.

— Я уже вызвал врача, — поспешил утешить ее Штефан.

— Что со мной? — прошептала Элизабет, содрогаясь от все обостряющейся боли в ноге.

— Я уже вызвал врача, — беспомощно повторил Штефан.

— Какого врача? Я заказала такси, чтобы ехать на вокзал! — она попыталась встать, но боль отбросила ее обратно на диван.

— Я отменил такси и вызвал врача, — опять повторил Штефан.

— Как отменил? Я не могу опоздать на поезд, герр Адольф обещал послать за мной машину.

Тут в кабинет вбежал испуганный врач и склонился над ногой Элизабет. Как только он к ней прикоснулся, Элизабет громко вскрикнула и снова потеряла сознание. Она очнулась уже на носилках — ее куда-то несли. Боль то ли стихла, то ли спряталась, и Элизабет попыталась встать, но один из санитаров легким нажатием ладони вернул ее на носилки.

— Вам нельзя двигаться, фрау, у вас сломана нога.

— Куда вы меня несете? — простонала Элизабет. — Мне нужно на вокзал.

В поле ее зрения вплыло лицо врача.

— Мы возьмем вас в больницу, фрау Ницше. Вам нужно срочно наложить гипс, а не то ваша нога срастется неправильно.

— Но мне нужно в Мюнхен на церемонию, — прошептала Элизабет, все еще не понимая, что с ней случилось.

— Вам придется забыть о Мюнхене и о церемонии. У вас серьезный перелом ноги ниже колена.

Слова врача наконец вернули Элизабет в реальность, и она заплакала:

— Раз так, сообщите герру Адольфу, что я не приеду на церемонию. Он обещал послать за мной машину к поезду.

— Вы знаете этого герра Адольфа? — спросил врач у Штефана. — Как ему сообщить, чтобы он не посылал машину к поезду?

— Герра Адольфа знают все, но как ему сообщить это, я не знаю.

— Нужно послать телеграмму-молнию в Бииркеллер в Мюнхене на имя герра Адольфа Гитлера, — сквозь зубы простонала Элизабет.

— Вы имеете в виду господина рейхсканцлера? — недоверчиво уточнил врач. — И что ему написать?

— Ясно что! Что я сломала ногу! — рассердилась Элизабет и отключилась.

— Зачем господину рейхсканцлеру знать, что вы сломали ногу? — еще сильнее удивился врач.

Тут уже вмешался Штефан:

— Потому что он обещал послать за ней машину к поезду.

До врача наконец дошло, о чем идет речь:

— Тогда нужно спешить! — захолопотал он. — Я могу от имени «скорой помощи» отправить телеграмму по телефону!

Телеграмму в Мюнхен отправили немедленно, а Элизабет сразу отвезли в больницу. Ей сделали несколько уколов, так что она не могла вспомнить, сколько времени провела в операционной. В себя она пришла только тогда, когда ее уложили на хитро устроенную кровать в отдельной палате. С потолка свисала гибкая металлическая сетка, в которую санитары осторожно погрузили ее ногу в гипсовом каркасе, а под голову и спину Элизабет подложили специальные подушки, дающие ей возможность не слишком страдать от неудобной позы.

Во рту у нее пересохло, и она попросила дать ей напиток. Со стула в углу поднялась сиделка в белом и поднесла к ее губам специальный кувшинчик с водой.

— Спасибо, — прошептала Элизабет запекшимися губами, — вы можете идти.

— Ну что вы! — удивилась та. — Я назначена дежурить возле вас всю ночь до утра.

— Кем назначена? — не поняла Элизабет.

— Дирекцией больницы, конечно.

— Можно мне поговорить с кем-нибудь из дирекции? — попросила Элизабет.

— Не знаю, — пожала плечами сиделка, — но я могу позвать врача.

Врач первым делом проверил температуру больной и прописал ей какие-то таблетки, а потом стал прислушиваться к ее вопросам. Да, подтвердил он, ей предписана отдельная палата и круглосуточная сиделка.

— Но это безумные деньги, — ужаснулась Элизабет. — У меня таких нет!

Врач заглянул в папку с историей ее болезни.

— Не волнуйтесь, все расходы по вашему лечению оплачены на десять дней вперед.

— Оплачены? Кем?

Врач опять заглянул в папку и поперхнулся:

— Поздравляю вас, фрау Ницше. Все расходы оплачены канцелярией рейхсканцлера.

Он почтительно поклонился и вышел, а Элизабет откинулась на подушку и заплакала. Она плакала от боли в спине — повернуться на бок было невозможно, и от счастья — рейхсканцлер лично позаботился о ней! Уже засыпая беспокойным сном, она вспомнила о графе Гарри — как жаль, что ему пришлось уехать из Германии, он наверняка зашел бы ее проведать.

Ей приснился странный сон — будто она спит, а над ней склоняется сам рейхсканцлер в белом халате поверх коричневой куртки и утирает ее слезы. Она со стоном открыла глаза и поспешно их закрыла — ей опять показалось,

что над ней склоняется рейхсканцлер в белом халате и утирает ее слезы.

— Что вы здесь делаете? — упрекнула она его. — У вас же торжественная церемония в Мюнхене.

— Я не стал ждать конца церемонии, — объяснил рейхсканцлер и поставил на тумбочку вазу с алой розой. — Я произнес речь и уехал. Не мог же я веселиться со всеми, когда родная сестра моего великого учителя лежит в больнице со сломанной ногой. И я приехал убедиться, что дирекция больницы выполнила все мои указания.

Элизабет осознала, что это не сон — сам рейхсканцлер Адольф Гитлер поставил на ее тумбочку вазу с алой розой. Вслед за ним в палату проскользнул незнакомый человек без халата, но с фотоаппаратом. Он запечатлел трогательную сцену: рейхсканцлер склоняется над прикованной к постели сестрой философа Фридриха Ницше и утирает ее слезы.

Когда Гитлер уехал, Элизабет попыталась уснуть, но не смогла — подвешенная в воздухе нога не давала расслабиться. И ей привиделось, что ее пришел проведать давний друг, Гарри Кесслер. Она открыла глаза в надежде, что это не сон, но в палате было темно и тихо, только в кресле в углу похрапывала дежурная сиделка. И Элизабет опять заплакала — она поняла, что никогда больше не увидит своего друга графа Гарри. Но на этот раз некому было утереть ее слезы.

Нетра

Утром Элизабет увидела эту фотографию в газетах, услужливо положенных на ее больничную тумбочку, а их было множество. При виде фюрера, склонившегося над ней, простертой на больничной койке, Элизабет охватила всепоглощающая радость, которая смягчила боль в ее сломанной ноге.

Граф Гарри увидел эту фотографию в утренней французской газете. Он испытал жгучую боль, перечеркнувшую память о сорока годах дружбы и взаимопонимания. Но больше, чем потеря Элизабет, его сразила боль от потери его символа веры — великого философа Фридриха Ницше. Гар-

ри ужаснула мысль о том, сколько бед и разрушений принесет человечеству искаженная идеология его кумира, попавшая в руки банды недочеловеков.

Лу Саломе никогда не видела эту фотографию — она давно отказалась читать газеты. Лу не хотела знать, что происходит в стране, которую привыкла считать родной.

Я в детстве любила читать биографии замечательных людей. И меня всегда огорчало, что книги, такие радостные и полные жизни вначале, к концу становились печальными и даже трагическими. С возрастом я поняла, что книги просто-напросто повторяют рисунок жизни, такой радостной и полной надежд вначале и печальной или трагической к концу. И поэтому я не пытаюсь сочинить хэппи-энд для своей книги «Былое и дамы». Тем более что, глядя на карту Европы 1937 года и зная, как развивались события последующих десяти лет, невозможно представить себе сколько-нибудь реалистичный вариант хэппи-энда для тех, кто в то время еще оставался жив.

Я просто расскажу, где и как похоронены мои герои.

Элизабет Фюрстер-Ницше умерла в 1935 году в возрасте 89 лет. Она завещала похоронить ее в Наумбурге, в той же семейной могиле, где погребены ее родители и брат Фридрих Ницше. Но оказалось, что семейная могила слишком тесна и места для еще одного гроба нет. Тогда власти выдали распоряжение выкопать гроб с давно сгнившим телом Фридриха и втиснуть туда рядом с ним тело его сестры. Когда все было готово и назначена дата похорон, сам фюрер Адольф Гитлер прибыл в Наумбург, возложил венок на могилу и произнес речь, в которой назвал Элизабет «жрицей вечной Германии».

Граф Гарри Кесслер поселился в городе Пальма на Майорке и купил сейф в местном банке, завещав открыть его через пятьдесят лет после его смерти. После того как генерал Франко заключил союз между Германией и Испанией, Гарри Кесслер был вынужден вернуться во Францию, где умер в 1937 году. Он похоронен на кладбище Пер-Лашез в

Париже. В 1983 году банковский сейф на Майорке был вскрыт — там были обнаружены рукописи дневников графа Гарри, часть из которых легла в основу его книги «Путь в бездну», которую тщетно искали много лет.

Лу Андреас фон Саломе умерла в 1937 году в своем доме в пригороде Геттингена. Она завещала кремировать свое тело и рассеять пепел над ее садом. Но сразу после похорон в дом покойной ворвались нацисты и устроили обыск в поисках запрещенных книг еврейского псевдоученого шарлатана Зигмунда Фрейда. Изъяли ли они книги или нет, неизвестно. Но прах Лу фон Саломе развеять над садом не позволили, а велели захоронить в могиле ее покойного мужа, профессора Карла Андреаса. Сорок лет их странного супружества она отказывалась делиать с ним одну постель, но в смерти нацистские власти вынудили ее лежать с ним рядом.

Не исключено, что смерть в Европе 1937 года можно считать хэппи-эндом.

Постскриптум

В личном сейфе Гитлера хранилась книга Ницше «Воля к власти» и трость философа, которую Гитлер называл своим дорожным посохом. Если бы Фридрих Ницше об этом узнал, он бы перевернулся в гробу. Но, впрочем, ему едва ли бы это удалось — с тех пор, как в гроб подложили тело его сестры, там стало слишком тесно.

Літературно-художнє видання

Серія «Готичний роман»

ВОРОНЕЛЬ
Ніна Абрамівна

**ПО ЦЕЙ БІК ЗЛА
(МИНУЛЕ І ДАМИ-2)**

(Російською мовою)

Головний редактор *О. В. Красовицький*
Відповідальна за випуск *Л. І. Вакуленко*
Художній редактор *О. А. Гугалова-Мешкова*
Технічний редактор *Г. С. Таран*
Комп'ютерна верстка: *І. Л. Цибульник*
Коректор *О. О. Ломака*

Підписано до друку 21.10.19. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Умов. друк. арк. 13,44. Облік.-вид. арк. 12,45.
Тираж 500 прим. Замовлення №

ТОВ «Видавництво Фоліо»
вул. Римарська, 21А, м. Харків, 61057
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 5244 від 09.11.2016

Сайт та інтернет-магазин видавництва:
www.folio.com.ua
Електронна адреса:
market@folio.com.ua

Надруковано з готових позитивів
у ТОВ «Видавництво Фоліо»
вул. Римарська, 21А, м. Харків, 61057
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 5244 від 09.11.2016

В75

Воронель Н.

По эту сторону зла (Былое и дамы-2) / Нина Воронель; худож.-оформитель Е. А. Гугалова-Мешкова. — Харьков: Фолио, 2019. — 250 с. — (Готический роман).

ISBN 978-966-03-8576-4 (Готический роман).

ISBN 978-966-03-8983-0.

Нина Воронель — известный романист, драматург, переводчик, поэт. Но главное в ее творчестве — проза, она автор более десяти прозаических произведений. Издательство «Фолио» представляет новый роман Нины Воронель «По эту сторону зла» — продолжение книги «Былое и дамы». В центре повествования судьба различных по характеру и моральным принципам женщин — блистательной Лу фон Саломе и Элизабет Ницше, которые были связаны с известными людьми своего времени: Фрейдом, Рильке, Муссолини, Гитлером и графом Гарри Кесслером — дипломатом, покровителем и другом знаменитых художников, а благодаря своим дневникам — еще и летописцем Прекрасной эпохи, закончившейся Первой мировой войной и нашествием коричневой чумы. Ее героини унесли с собой тайны, которые предлагает разгадать роман Нины Воронель.

УДК 821.161.1(569.4)

Ніна Воронель — відомий романіст, драматург, перекладач, поет. Але головне в її творчості — проза. Видавництво «Фоліо» представляє новий роман Ніни Воронель «По цей бік зла» — продовження книги «Минуле і дами». У центрі оповіді доля різних за характером і моральними принципами жінок — блискучої Лу фон Саломе і Елізабет Ніцше, які були пов'язані з відомими людьми свого часу: Фройдом, Рільке, Муссоліні, Гітлером і графом Гаррі Кесслером — дипломатом, покровителем і другом знаменитих художників, а завдяки своїм щоденникам — ще й літописцем Прекрасної епохи, що закінчилася Першою світовою війною і навалюю коричневої чуми. Її герої забрали з собою таємниці, які пропонує розгадати роман Ніни Воронель.

Книжки видавництва «Фоліо» ви можете придбати:

Оптова торгівля

61057, м. Харків,
вул. Римарська, 21А
(057) 700-05-46, (057) 705-07-30
e-mail: market@folio.com.ua,
proizv@folio.com.ua

ТОВ «Видавництво Фоліо»

61057, м. Харків,
вул. Римарська, 21А
e-mail: avk@folio.com.ua

Представництво в Києві

м. Київ, вул. Січових Стрільців
1—5, оф. 603
e-mail: kievfolio@gmail.com

Видавництво «Фоліо» в Інтернеті

Сайт видавництва: www.folio.com.ua

Instagram: <https://www.instagram.com/folio.ua>

Електронна шкільна бібліотека: <https://e-shb.com.ua/>

Видавництво «Фоліо» — сторінка на Facebook

Базові книгарні

м. Київ

«Книгарня № 1»
пр. С. Бандери, 10Б
(050) 344-43-31

Киоск «Петрівка "Фоліо"»
Книжковий ринок «Петрівка»
центральний ряд, місце 25

м. Львів

«Книгарня №1»
пл. Ринок, 3
(050) 470-11-68

«Книги Фоліо»
вул. Коперника, 3

м. Харків

«Читаріум»
пр-т. Незалежності, 7

Інтернет-магазин Розетка
<https://rozetka.com.ua/knigi/>

Інтернет-магазин Якабу
<https://www.yakaboo.ua/>

Магазини-партнери

м. Київ

«Довженко Букс»
вул. Васильківська, 1
(050) 344-45-51

ІНШІ МАГАЗИНИ-ПАРТНЕРИ:

Вінницька обл.

м. Вінниця

«Дім Книги»
вул. Коцюбинського, 33-а
«Дім Книги»
вул. Соловйова, 3/2
«Дім Книги»
вул. Келецька, 78
«Буква»
пр-т Юності, 43-а
(ТЦ Магігранд)
«Буква»
пл. Гагаріна, 2 (ЦУМ)
ФОП Фіголь, «Кобзар»
вул. Привокзальна, 2/1

Волинська обл.

м. Луцьк

«Дім Книги»
вул. Конякіна, 37-а
«Дім Книги»
вул. Лесі Українки, 35-а
«Буква»
вул. Сухомлинського, 1,
ТЦ «Порт-Сіті», 3 поверх
«Книголенд»
вул. Кривий вал, 30-а

Дніпропетровська обл.

м. Дніпро

«Буклет»
пр-т Олександра Поля, 104-а
(кол. пр. Кірова), ТЦ Славутич
«Книголенд»
пр-т Дмитра
Яворницького, 60

«Книголенд»

пр-т Слобожанський, 31-д,
ТЦ «Наша Правда»
«Книголенд»
пр-т Героїв, 11-Л,
ТЦ «Гермес», 2 поверх
«Книголенд»
вул. Калинова, 76-к
(Образцова)
«Книголенд»
вул. Юрія Кондратюка, 20
ТЦ «Арніка»
«Книголенд»
вул. Боброва, 1
FOZZY гіпермаркет
вул. Малиновського, 2

м. Павлоград

«Буклет»
вул. Соборна, 97-а

м. Кривий Ріг

«Буквиця»
вул. Гагаріна, 4-б

Донецька обл.**м. Краматорськ**

«Буклет»
вул. Маяковського, 1-м

Запорізька обл.**м. Запоріжжя**

«Буклет»
вул. Лермонтова, 24
«Буква»
пр-т Соборний, 147, ТЦ Україна

Івано-Франківська обл.**м. Івано-Франківськ**

«Букніст»
вул. Незалежності, 19
«Велика кишеня»
вул. Є. Коновальця, 221

м. Коломия

«Книжкова хата»
пр-т Чорновола, 51

Київська обл.**м. Бориспіль**

«Книголенд»
вул. Київський Шлях, 67,
ТЦ «Парк Таун», 2 поверх

м. Бровари

«Буква»
бул. Незалежності, 3
FOZZY гіпермаркет
с. Вишневе, вул. Промислова, 5
FOZZY гіпермаркет
с. Проліски, вул. Броварська, 2-а

м. Ірпінь

«Книголенд»
вул. Шевченка, 4-г

м. Київ

Bookling Gulliver
вул. Еспланадна, 1
Bookling SkyMall
пр-т Романа Шухевича, 2-т,
ТРЦ SkyMall, 3 поверх
Bookling Артмолл
вул. Заболотного, 37,
ТРЦ Art Mall, 2 поверх
Bookling Сковороди
вул. Григорія Сковороди, 6
«Основи»
вул. Пушкінська, 8А
«Смолоскип»
вул. Межигірська, 21
«Велика кишеня»
пр-т Академіка Глушкова, 36
«Книголенд»
Контрактова площа, 2/1-а
«Книголенд»
вул. Січових Стрільців
(Артема), 33

«Книголенд»
вул. Драгоманова, 17
«Книголенд»
вул. Академіка Палладіна, 16
ТРЦ «Academ City»

«Книголенд»
Дніпровська набережна, 12
ТРЦ «Рівер Мол»
«Буква»
вул. Б. Хмельницького, 3-б
«Буква»

пр-т Оболонський, 1-б,
ТРЦ ДрімТаун

«Буква»
Дніпровська набережна, 12
ТРЦ «Рівер Мол» (3 поверх)
«Буква»

пл. Спортивна, 1-а, ТРЦ Гуллівер
«Буква»

вул. Дніпровська набережна, 33,
ТРЦ Аркадія
«Буква»

пр-т Академіка Глушкова, 13-б,
ТРЦ Магеллан, 3 поверх

«Буква»
вул. М. Лаврухіна, 4, ТРЦ Район

«Буква»
пл. Слави, 1, ТЦ Навігатор

«Буква»
вул. Мишуги, 4, ТЦ Піраміда

«Буква» вул. Митрополита
А. Шептицького, 10

«Буква»
пр-т Перемоги, 3, ТРЦ Україна

«Буква»
вул. Білоруська, 2, ТРЦ «Квадрат»

«Буква»
вул. Берковецька, 6-д,
ТРЦ «Лавіна»

«Буква»
пр-т Перемоги, 26,
ТРЦ Смарт Плаза Політех

«Буква»
вул. Гната Юри, 20, ТЦ «Квадрат»
(цокольний поверх)

«Дім книги»
вул. Драгоманова, 2-б

«Дім книги»
пр-т Ю. Гагаріна, 27 (1 поверх)

FOZZY гіпермаркет
вул. Заболотного, 37

FOZZY гіпермаркет
пр-т Степана Бандери

(Московський), 23
«Твоя преса»

наб. Печерська, 10-а
«Твоя преса»

вул. Окружна, 4
«Твоя преса»

вул. Здобунівська, 17
«Твоя преса»

вул. Сім'ї Сосниних, 17
«Твоя преса»

вул. Привокзальна, 3
«Твоя преса»

вул. Герковецька, 6

«Твоя преса»
вул. Степана Бандери, 15А
«Твоя преса»
вул. Складенка, 17

Кіровоградська обл.**м. Кропивницький**

«Буквиця»
вул. Преображенська, 17/65
«Книжковий супермаркет
«Буки»
вул. Велика перспективна, 35/54
FOZZY гіпермаркет
вул. Київська, 66г

Львівська обл.**м. Львів**

«Виват»
вул. Дорошенкам, 23
Bookling Fotm Lviv, 1 поверх
вул. Під Дубом, 7-б
«Дім книги»
вул. Міцкевича, 8
«Дім Книги»
вул. Торгова, 11
«Українська книгарня»
пр-т Шевченка, 8
«Книголенд»
вул. Коперника, 11
«Книголенд»
вул. Доробок, 36-а
«Книголенд»
вул. Личаківська, 22
«Буква»
вул. Дорошенка, 1
«Книгарня»
вул. Рогатинців, 30
«Книгарня»
вул. Огієнко, 4

Миколаївська обл.**м. Миколаїв**

«Буквиця»
вул. Соборна, 6

Одеська обл.**м. Одеса**

«Буклет»
вул. Соборна, 6
«Книголенд»
вул. Асташкіна, 29, к. 2
(пл. Льва Товстого, 1, Кадорр)
«Книголенд»
вул. Генерала Петрова, 9
«Книголенд»
вул. Катерининська, 91
«Книголенд»
вул. Люстдорфська дорога, 54
«Буква», Книжкова перлина
вул. Дерибасівська, 14
Книжковий супермаркет
вул. Жуковського, 38
Книжковий супермаркет
вул. Ланжеронівська, 17
Книгарня-Кав'ярня
вул. Катерининська, 77

«Одеська книга»
(ФОП Валькова)
пл. Скатерининська, 4
Bookling ТЦ «City Center»
пр-т Небесної сотні, 2
(мінус 1 поверх)
«Книжкова казка»
пр. Ак. Глушко, 16
«Дім книги»
пр. Ак. Глушко, 20/54
FOZZY гіпермаркет
вул. Середня, 83-а

м. Чорноморськ
Книжковий супермаркет
пр-т Миру, 16

Полтавська обл.

м. Полтава
«Буква»
вул. Шевченка, 29
«Книголенд»
вул. Соборності (Жовтнева), 50
«Книголенд»,
вул. Європейська (Фрунзе), 63
«Книголенд»,
вул. Соборності, 28/13,
ТЦ «ЦУМ»
«Велика кишенья»
вул. Ковпака, 26-в

м. Кременчук
«Книголенд»
бульвар Пушкіна, 7
«Книголенд»
вул. Республіканська, 134-а
«Книголенд»
пр-т Свободи (60-річчя
Жовтня), 22-а,
зупинка Водоканал
«Книголенд»
вул. Першотравнева, 45

Рівненська обл.

м. Рівне
«Буква»
вул. Соборна 47,
ТЦ Злата Плаза
Рівнекнига КП «Дружба»,
«Знання»
майдан Незалежності, 5
Рівнекнига КП «Слово»
вул. Соборна, 57
Рівнекнига КП № 2 Просвіта
вул. Київська, 17
Рівнекнига КП «Книги»
вул. Соборна, 316
«Велика кишенья»
вул. Макарова, 23
FOZZY гіпермаркет
вул. Курчатова, 9

Сумська обл.

м. Суми
«Буква»
пл. Покровська, 2

Тернопільська обл.

м. Тернопіль
«Дім книги»
вул. Коперника, 19/1
«Дім книги»
вул. Й. Сліпого, 1
«Дім книги»
вул. Подільська, 45
«Буква»
вул. Руська, 19/85
Книгарня «Знання»
вул. Миру, 3-а

Харківська обл.

м. Харків
«BOOKS»
вул. Сумська, 51
«ЗнакЪ»
пр-т Науки, 17
«Діалог»
вул. О. Яроша, 21
«Книголенд»
вул. 23 Серпня, 47
«Книголенд»
пр-т Л. Свободи, 33-а
«Книголенд»
пр-т Гагаріна, 167
«Книголенд»
вул. Ак. Проскури, 3
«Книголенд»
вул. Бучми (Уборевича), 1-б,
1 поверх
«Книголенд»
пр-т Московський, 252-б
«Книголенд»
вул. Плеханівська, 66
«Книголенд»
Стадіонний проїзд, 9
«Книголенд»
вул. Валентинівська
(Блюхера), 15/17
«Книголенд»
пр-т Тракторобудівників, 59/56,
ТРЦ «Україна», 2 рівень
«Книголенд»
пр-т Індустріальний
(Фрунзе), 26
«Книголенд»
вул. Чернишевська, 14
«Фактор»
вул. Квітки-Основої, 2
«Букетик»
Книжковий ринок
FOZZY гіпермаркет
вул. Героїв Праці, 9

Херсонська обл.

м. Херсон
«Буква»
вул. Комунарів, 21
ФОП Лісова
«Учбова книга»
вул. Преображенська, 22

ФОП Лісова
«Учбова книга»
вул. 40 років Жовтня, 27
Головний корпус
Херсонського університету
(1 поверх)
ФОП Лісова
«Учбова книга»
вул. Іллі Кулика, 135

Хмельницька обл.

м. Хмельницький
«Буква»
ТТРК «Либідь Плаза»
вул. Кам'янецька, 19/1
«Дім Книги»
вул. Грушевського, 50
«Книжковий світ»
вул. Подільська, 25

Черкаська обл.

м. Черкаси
«Буквиця»
вул. Дашкевича, 19

Чернігівська обл.

м. Чернігів
«Будинок книги»
пр-т Миру, 45
«Книголенд»
пр-т Миру, 49
ТЦ «Мегацентр» (2 поверх)
«Книголенд»
вул. Рокосовського, 39

Чернівецька обл.

м. Чернівці
«Буква»
вул. Івана Франка, 12
«Дім книги»
вул. Сагайдачного, 6

ІНТЕРНЕТ-МАГАЗИНИ

Інтернет-магазин Читайка
<http://www.bookzone.com.ua/>
<http://www.chytayka.com.ua/>
Інтернет-магазин Бізліт
<https://bizlit.com.ua/>
Інтернет-магазин Букля
<https://www.booklya.ua/>
Інтернет-магазин Буклінг
<https://bookling.ua/>
Інтернет-магазин М. І. Р. медіа
m.i.r.media@ukr.net
Інтернет-магазин Джерела М
<https://www.dk-books.com/sport/publisher/1697/>
Інтернет-магазин Book24
<https://www.Book24.ua/>